

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

11-12

1943

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор

Е.м. Ярославский

К Н И Г А

11 - 12

123 - 124

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1943

СОДЕРЖАНИЕ

XXVI годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1943 года	3
Приказ Верховного Главнокомандующего № 309 7 ноября 1943 г.	12

Памяти тов. Е. М. Ярославского

СТАТЬИ

Семичаевский Д. — Два года советской гвардии	19
Лурье А., канд. истор. наук — Чокан Валиханов — первый казахский учёный и просветитель	27
Штейнберг Е., проф. — С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX веков	34
Виппер Р., акад. — Лифляндские бароны в роли теоретиков крепостничества	41
Ротштейн Ф., акад. — К вопросу о возникновении франко-прусской войны	49

СООБЩЕНИЯ

Греков Б., акад. — Первый труд по истории России	57
Удальцов А., чл.-корр. АН СССР — Начальный период восточнославянского этногенеза	67
Рыбаков Б., проф. — Ранняя культура восточных славян	73
Бонч-Бруевич В. — Из неопубликованной переписки Петра I с датским королём Фредериком IV	80
Обсуждение в редакции Исторического журнала книги «История Казахской ССР»	85

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Виноградов Н. — Салищев К. Основы картоведения. Историческая часть.	
Тарле Е., акад. — Ланн Евгений. Старая Англия. Голант В. — Ронге М.	
Разведка и контрразведка. Перевод с немецкого	100

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Сутоцкий С. — Работа филиалов Института Маркса—Энгельса—Ленина в дни Великой отечественной войны. Модзалевский Л., проф. — Научно-исследо- вательская работа историко-филологического факультета Воронежского государственного университета в 1942—1943 учебном году. Карпова А. — О работе Государственного Исторического музея	105
Алфавитный указатель за 1943 год	108

XXVI ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. СТАЛИНА на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1943 года

ТОВАРИЩИ!

Сегодня народы Советского Союза празднуют 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий раз наша страна в обстановке Отечественной войны отмечает годовщину своей народной революции.

В октябре 1941 года наша Родина переживала трудные дни. Враг подошел к столице. Окружил с суши Ленинград. Наши войска были вынуждены отступать. Потребовались огромные усилия армий и напряжение всех сил народа, чтобы задержать врага и нанести ему серьёзный удар под Москвой.

К октябрю 1942 года опасность для нашей Родины ещё более возросла. Враг стоял тогда в каких-нибудь 120 километрах от Москвы, ворвался в Сталинград, вступил в предгорья Кавказа. Но и в эти тяжёлые дни армия и народ не пали духом, а стойко переносили все испытания. Они нашли в себе силу; чтобы задержать врага и нанести ему ответный удар. Верные заветам великого Ленина, не щадя сил и жизни, защищали они завоевания Октябрьской революции. Как известно, эти усилия армии и народа не пропали даром.

Вскоре после Октябрьских дней прошлого года, наши войска перешли в наступление и нанесли немцам новый мощный удар сначала под Сталинградом, на Кавказе, в районе среднего течения Дона, а затем в начале 1943 года у Великих Лук, под Ленинградом, в районе Ржева и Вязьмы. После этого Красная Армия уже не выпускала больше инициативы из своих рук. Её удары в течение всего лета этого года становились всё более крепкими, её воинское мастерство с каждым месяцем возрастало. С тех пор наши войска одерживают крупные победы, а немцы терпят одно поражение за другим. Как ни пытался враг, но ему всё ещё не удалось добиться ни одного сколько-нибудь серьёзного успеха на советско-германском фронте.

1. Год коренного перелома в ходе войны.

Истекший год — от 25 до 26-й годовщины Октября — является переломным годом Отечественной войны.

Этот год был переломным прежде всего потому, что в этом году Красной Армии впервые за время войны удалось осуществить большое летнее наступление против немецких войск, причём немецко-фашистские войска под ударами наших войск оказались вынужденными поспешно оставлять захваченную ими территорию, нередко спасаться бегством от окружения и бросать на поле боя большое количество техники, складов вооружения и боеприпасов, раненых солдат и офицеров.

Таким образом успехи нашей летней кампании во второй половине этого года явились продолжением и завершением успехов нашей зимней кампании в начале этого года.

Теперь, когда Красная Армия, развивая успехи зимней кампании, нанесла немецким войскам могучий удар летом, можно считать окончательно похороненной басню о том, что Красная Армия неспособна будто бы вести успешное наступление в летнее время. Истекший год показал, что Красная Армия так же хорошо может наступать летом, как и зимой.

В результате этих наступательных операций нашим войскам удалось в течение истекшего года пройти с боями от 500 километров в центральной части фронта до 1300 километров на Юге (аплосменты), освободив до 1 миллиона квадратных километров территории, т. е. почти до $\frac{2}{3}$ Советской земли, временно захваченной врагом, при этом вражеские войска оказались отброшенными от Владикавказа до Херсона, от Элисты до Кривого Рога, от Сталинграда до Киева, от Воронежа до Гомеля, от Вязьмы и Ржева до подступов Орши и Витебска.

Не веря в прочность своих прошлых успехов на советско-германском фронте, немцы заранее, на протяжении длительного времени строили мощные оборонительные полосы, особенно вдоль крупных рек. Но в боях этого года немцев не спасли ни реки, ни мощные укрепления. Наши войска разрушили оборону немцев и только за три летних месяца 1943 года мастерски форсировали четыре очень серьёзных водных преграды — Северный Донец, Десну, Сож и Днепр. Я уже не говорю о таких преградах, как оборона немцев в районе реки Миус — западнее Ростова и оборона в районе реки Молочная — около Мелитополя. Теперь Красная Армия успешно громит врага по ту сторону Днепра.

Этот год был переломным годом ещё потому, что Красной Армии удалось в сравнительно короткий срок перебить и перемолоть наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск, закалив вместе с тем и умножив свои собственные кадры в успешных наступательных боях в течение года. За истекший год немецко-фашистская армия в боях на советско-немецком фронте потеряла более 4 миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1 миллиона 800 тысяч убитыми. Кроме того немцы потеряли за этот год более 14 тысяч самолётов, более 25 тысяч танков и не менее 40 тысяч орудий.

Теперь немецко-фашистская армия уже не та, какой она была в начале войны. Если в начале войны она имела достаточное количество опытных кадров, то теперь она разбавлена новоиспеченными молодыми неопытными офицерами, которые поспешно бросаются немцами на фронт, так как нет у них ни необходимых офицерских резервов, ни времени, чтобы обучить их.

Совершенно другую картину представляет ныне Красная Армия. Её кадры выросли и закалились в успешных наступательных боях за истекший год. Количество её боевых кадров растёт и будет расти, так как

наличие необходимых офицерских резервов даёт ей и время и возможность обучать молодые офицерские кадры и выдвигать их на ответственные посты.

Характерно, что вместо 240 дивизий, стоявших в прошлом году перед нашим фронтом, из коих 179 дивизий было немецких, — в этом году перед фронтом Красной Армии стоит 257 дивизий, из коих 207 дивизий являются немецкими. Немцы видимо рассчитывают компенсировать сниженное качество своих дивизий увеличением их количества. Однако поражение немцев за истекший год показывает, что ухудшенное качество дивизий невозможно возместить увеличением их количества.

С чисто военной точки зрения поражение немецких войск на нашем фронте к исходу этого года было предреждено двумя важнейшими событиями: битвой под Сталинградом и битвой под Курском.

Битва под Сталинградом кончилась окружением 300-тысячной армии немцев, разгромом последней и пленением около $\frac{1}{3}$ окружённых войск. Чтобы иметь представление о размерах того невиданного в истории побоища, которое разыгралось на полях Сталинграда, необходимо знать, что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров. Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться.

Что касается битвы под Курском, то она окончилась разгромом двух основных наступающих групп немецко-фашистских войск и переходом наших войск в контрнаступление, превратившееся потом в мощное летнее наступление Красной Армии. Битва под Курском началась наступлением немцев на Курск с севера и с юга. Это была последняя попытка немцев осуществить большое летнее наступление и в случае её успеха наверстать потерянное. Наступление окончилось, как известно, провалом. Красная Армия не только отбила наступление немцев, но сама перешла в наступление и рядом последовательных ударов в течение летнего периода отбросила немецко-фашистские войска за Днепр.

Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой.

Этот год был переломным годом, наконец, потому, что успешное наступление Красной Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, поставив её перед глубочайшим кризисом.

Немцы рассчитывали осуществить летом этого года успешное наступление на советско-германском фронте, чтобы вернуть себе потерянное и поднять свой пошатнувшийся авторитет в Европе. Но Красная Армия опрокинула расчёты немцев, отбила их наступление, сама перешла в наступление и погнала немцев на Запад, растоптав тем самым авторитет немецкого оружия.

Немцы рассчитывали взять курс на затяжную войну, стали строить оборонительные рубежи и «валы», объявив во всеуслышание о неприступности их новых позиций. Но Красная Армия и здесь опрокинула расчёты немцев, прорвала их рубежи и «валы», продолжает успешно наступать и не даёт им сроков для затяжки войны.

Немцы рассчитывали выправить положение на фронте при помощи «тотальной» мобилизации. Но события и здесь опрокинули расчёты немцев. Летняя кампания уже съела $\frac{2}{3}$ «тотально» мобилизованных, однако незаметно, чтобы это обстоятельство принесло какое-либо улучшение в

положении немецко-фашистской армии. Возможно, что придётся объявить ещё одну «тотальную» мобилизацию, причём нет оснований предположить, что повторение подобной меры не приведёт к «тотальному» крушению некоторого государства. (Бурные аплодисменты).

Немцы рассчитывали прочно удержать за собой Украину, чтобы использовать украинские сельскохозяйственные продукты для своей армии и населения, а донецкий уголь — для заводов и железнодорожного транспорта, обслуживающих немецкую армию. Но они и здесь просчитались. В результате успешного наступления Красной Армии немцы потеряли не только донецкий уголь, но и наиболее богатые хлебом области Украины, причём нет оснований предположить, что они не потеряют в ближайшее время и остальную часть Украины. (Бурные аплодисменты).

Понятно, что все эти просчёты не могли не ухудшить и действительно ухудшили коренным образом хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии.

Фашистская Германия переживает глубокий кризис. Она стоит перед своей катастрофой.

2. Всенародная помощь фронту.

Успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве. Советский народ в трудных военных условиях сумел обеспечить свою армию всем минимально необходимым и непрерывно совершенствовал её боевую технику. На всём протяжении войны врагу не удалось превзойти нашу армию по качеству вооружения. В то же время наша промышленность давала фронту всё большее и большее количество боевой техники.

Истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла. Перед нами не стояли уже такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. Советское государство имеет теперь слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Стало быть все усилия народа могли быть сосредоточены на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолётов, орудий, самоходной артиллерии. В этом мы достигли крупных успехов. Красная Армия, опираясь на всенародную поддержку, бесперебойно получала боевое снаряжение, обрушивала на врага миллионы бомб, мин и снарядов, вводила в бой тысячи танков и самолётов. Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдёт в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины. (Продолжительные аплодисменты).

Рабочие Советского Союза, создавшие в годы мирного строительства высоко развитую мощную социалистическую промышленность, во время Отечественной войны развернули напряжённую и кипучую работу на помощь фронту, проявляя настоящий трудовой героизм.

Всем известно, что гитлеровцы располагали в войне против СССР не только сильно развитой промышленностью Германии, но и довольно мощной промышленностью вассальных и оккупированных стран. И всё же гитлеровцы не смогли сохранить количественное превосходство в военной технике, которое они имели в начале войны против Советского Союза. Если теперь былое превосходство врага в количестве танков, самолётов, миномётов, автоматов ликвидировано, если наша армия не испытывает ныне серьёзного недостатка в вооружении, боеприпасах, снаряжении, то в этом прежде всего нужно усмотреть заслугу НАШЕГО РАБОЧЕГО КЛАССА. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Крестьяне Советского Союза, преобразовавшие в годы мирного строительства на основе колхозного строя отсталое земледелие в передовое сельское хозяйство, во время Отечественной войны проявили небывалое в истории деревни высокое сознание общенародных интересов. Они самоотверженным трудом на помощь фронту показали, что советское крестьянство считает нынешнюю войну против немцев своим кровным делом, войной за свою жизнь и свободу.

Известно, что в результате нашествия фашистских полчищ наша страна была временно лишена важных сельскохозяйственных районов Украины, Дона и Кубани. И всё же наши колхозы и совхозы снабжали без серьёзных перебоев армию и страну продовольствием. Конечно, без колхозного строя, без самоотверженного труда колхозников и колхозниц мы не смогли бы решить эту труднейшую задачу. Если на третьем году войны наша армия не испытывает недостатка в продовольствии, если население снабжается продовольствием, а промышленность сырьём, то в этом сказались сила и жизнённость колхозного строя, патриотизм **КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА**. (Продолжительные аплодисменты).

Большую роль в деле помощи фронту сыграл наш транспорт, прежде всего железнодорожный транспорт, а также речной, морской и автомобильный транспорт. Транспорт является, как известно, важнейшим средством связи между тылом и фронтом. Можно производить большое количество вооружения и огнеприпасов, но, если они не доставляются во время фронту при помощи транспорта, они могут остаться бесполезным грузом для дела фронта. Ну, можно сказать, что в деле своевременного подвоза на фронт вооружения, огнеприпасов, продовольствия, обмундирования и т. д. роль транспорта является решающей. И если несмотря на трудности военного времени и недостаток топлива нам всё же удалось снабжать фронт всем необходимым, то в этом надо признать прежде всего заслугу наших **ТРАНСПОРТНЫХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ**. (Продолжительные аплодисменты).

От рабочего класса и крестьянства не отстаёт в деле помощи фронту и наша интеллигенция. Советская интеллигенция преданно работает на дело обороны нашей страны, непрерывно совершенствует вооружение Красной Армии, технику и организацию производства. Она помогает рабочим и колхозникам в подъёме промышленности и сельского хозяйства, двигает вперёд в условиях войны советскую науку и культуру.

Это делает честь **НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**. (Продолжительные аплодисменты).

Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчёты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. **ДРУЖБА НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ** выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков.

В этом источник силы Советского Союза. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Руководящей и направляющей силой советского народа как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских

захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия ещё более сроднилась с народом, ещё теснее связалась с широкими массами трудящихся.

В этом источник силы нашего государства. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Нынешняя война со всей силой подтвердила известное указание Ленина о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всём протяжении войны. Именно таким государством является наше государство.

Советское государство никогда не было столь прочным и незыблемым, как теперь, на третьем году Отечественной войны. Уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъёма страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на odpor врагу в военное время. Созданная 26 лет назад Советская власть в короткий исторический срок превратила нашу страну в несокрушимую крепость. Красная Армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надёжный тыл.

В этом источник силы Советского Союза. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Нет сомнения в том, что Советское государство выйдет из войны сильным и ещё более окрепшим. Немецкие захватчики разоряют и опустошают наши земли, стараясь подорвать мощь нашего государства. Наступление Красной Армии в ещё большем, чем прежде, объёме раскрыло варварский, бандитский характер гитлеровской армии. Немцами истреблены в захваченных ими районах сотни тысяч наших мирных людей. Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения. Злодеяния немцев говорят о слабости фашистских захватчиков, ибо так поступают только временщики, которые сами не верят в свою победу. И чем безнадежнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах. Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

В районах, где временно хозяйничали фашистские погромщики, нам предстоит возродить разрушенные города и сёла, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, культурные учреждения, создать для советских людей, избавленных от фашистского рабства, нормальные условия жизни. Уже теперь полным ходом развернулась работа по восстановлению хозяйства и культуры в освобождённых от врага районах. Но это только начало. Нам необходимо полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев в районах, освобождённых от немецкой оккупации. Это большая, общенародная задача. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок.

3. Укрепление антигитлеровской коалиции.

Развал фашистского блока.

Истекший год был переломным не только в Отечественной войне Советского Союза, но и во всей мировой войне.

Изменения, происшедшие за этот год в военной и внешне-политической обстановке, сложились в пользу СССР и дружественных ему Союзных стран, в ущерб Германии и её сообщникам по разбою в Европе.

Результаты и последствия побед Красной Армии далеко вышли за пределы советско-германского фронта, изменили всё дальнейшее течение мировой войны и приобрели крупное международное значение. Победа Союзных стран над общим врагом приблизилась, а отношения между союзниками, боевое содружество их армий, вопреки ожиданиям врагов, не только не ослабели, а наоборот окрепли и упрочились. Об этом красноречиво говорят также исторические решения Московской конференции представителей Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки, опубликованные недавно в печати. Теперь наши объединённые страны полны решимости нанести совместные удары по врагу, которые приведут к окончательной победе над ним.

В этом году удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями наших союзников в Северной Африке, в бассейне Средиземного моря и в Южной Италии. Вместе с тем союзники подвергали и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии и тем самым значительно ослабляют военную мощь врага. Если ко всему этому добавить тот факт, что союзники регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьём, то можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчили успехи нашей летней кампании. Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут ещё рассматриваться как второй фронт. Но это всё же нечто вроде второго фронта. Понятно, что открытие настоящего второго фронта в Европе, которое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и ещё более укрепит боевое содружество Союзных государств.

Таким образом, события истекшего года показывают, что антигитлеровская коалиция является прочным объединением народов и основана на крепком фундаменте.

Теперь уже для всех очевидно, что гитлеровская клика, развязав нынешнюю войну, завела Германию и её прихвостней в безысходный тупик. Поражения фашистских войск на советско-германском фронте и удары наших союзников по итало-немецким войскам потрясли всё здание фашистского блока и оно теперь разваливается на наших глазах.

Италия безвозвратно выпала из гитлеровской коалиции. Муссолини ничего не может изменить, ибо он является по сути дела пленником немцев. На очереди другие участники коалиции, Финляндия, Венгрия, Румыния и другие вассалы Гитлера, обескураженные военными поражениями Германии, теперь уже окончательно потеряли веру в благоприятный для них исход войны и озабочены тем, как выбраться из той трясины, куда их затащил Гитлер. Сообщники гитлеровской Германии по грабежу, ещё не так давно покорные своему хозяину, ныне, когда пришло время отвечать за разбой, смотрят в кусты, выбирая удобный момент, чтобы незаметно улизнуть из разбойничьей шайки. (С м е х).

Вступая в войну, участники гитлеровского блока рассчитывали на быструю победу. Они уже заранее распределили кому что достанется: кому пироги и пышки, кому синяки и шишки. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы). Понятно, что синяки и шишки они предназначали своим противникам, себе же — пироги и пышки. Но теперь ясно, что Германии и её холоум не достанутся пироги и пышки, что им придётся теперь делить между собою синяки и шишки. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы).

Предвидя эту незавидную перспективу, сообщники Гитлера ломают сейчас голову над тем, как бы выйти из войны, получив при этом поменьше синяков и шишек. (С м е х).

Пример Италии показывает вассалам Гитлера, что чем далее оттягивают они неминуемый разрыв с немцами и позволяют им хозяйничать в своих государствах, тем больше опустошения ожидают их страны, тем больше страданий придётся вынести их народам. Пример Италии показывает также, что гитлеровская Германия и не помышляет защищать свои вассальные страны, а намерена превратить их в арену опустошительной войны лишь бы отсрочить час собственного разгрома.

Дело немецкого фашизма проиграно, а созданный им кровавый «новый порядок» идёт к краху. В оккупированных странах Европы нарастает всенародный взрыв возмущения против фашистских поработителей. Безвозвратно потеряв былой престиж Германии в союзных с ней и нейтральных странах, подорваны её экономические и политические связи с нейтральными государствами.

Время, когда гитлеровская клика буйно шумела по поводу завоевания немцами мирового господства, осталось далеко позади. Теперь, как известно, немцам не до мирового господства, — не до жиру, быть бы живу. (С м е х, а п л о д и с м е н т ы).

Таким образом, ход войны показал, что союз фашистских государств не имел и не имеет под собой прочной основы. Гитлеровская коалиция сложилась на базе захватнических, грабительских устремлений её участников. Пока гитлеровцы имели военные успехи, фашистская коалиция казалась стойким объединением. Но первые же поражения фашистских войск привели к фактическому распаду разбойничьего блока.

Гитлеровская Германия и её вассалы стоят накануне своей катастрофы.

Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остается неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчленённых фашистскими поработителями, — народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

2) предоставить освобождённым народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершённые ими злодеяния;

4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры.

* * *

Красная Армия и советский народ достигли за истекший год больших успехов в борьбе против немецких захватчиков. Мы добились коренного перелома в войне в пользу нашей страны, и война теперь идет к окончательной развязке. Но советским людям не пристало останавливаться на достигнутом, упиваться своими успехами. Победу можно упустить, если в наших рядах появится самоуспокоение. Победа не дается без борьбы и

напряжения. Она берется с боя. Победа теперь близка, но чтобы её завоевать, необходимо новое напряжение сил, самоотверженная работа всего тыла, умелые и решительные действия Красной Армии на фронте. Было бы преступлением перед Родиной, перед советскими людьми, временно подпавшими под фашистское ярмо, перед народами Европы, изнывающими под немецким игом, если бы мы не использовали всех возможностей для ускорения разгрома врага. Нельзя давать врагу передышки. Вот почему мы должны напрячь все наши силы, чтобы добить врага.

Советский народ и Красная Армия ясно видят трудности предстоящей борьбы. Но теперь уже ясно, что день нашей победы приближается. Война вступила в ту стадию, когда дело идёт о полном изгнании оккупантов с Советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка в Европе». Недалеко время, когда мы завершим очищение от врага Украины и Белоруссии, Ленинградской и Калининской областей, освободим от немецких захватчиков народы Крыма, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии и Карело-Финской республики.

Товарищи!

За победу англо-советско-американского боевого союза! (Аплодисменты).

За освобождение народов Европы от фашистского ига! (Аплодисменты).

За полное изгнание немецких извергов с нашей земли! (Аплодисменты).

Да здравствует наша Красная Армия! (Аплодисменты).

Да здравствует наш Военно-Морской Флот! (Аплодисменты).

Да здравствуют наши смелые партизаны и партизанки! (Аплодисменты).

Да здравствует наша великая Родина! (Аплодисменты).

Смерть немецким захватчикам! (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Овация всего зала).

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

7 ноября 1943 г.

№ 309.

г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю Вас с 26-ой годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Двадцать шестую годовщину нашей великой социалистической революции мы празднуем в дни славных побед Красной Армии над врагами нашей Отчизны.

Уже более двух лет ведёт наш народ освободительную войну против немецко-фашистских поработителей. Год назад наша Родина переживала тяжёлые дни. Враг захватил у нас к тому времени большую территорию. Миллионы советских людей изнывали в немецкой неволе. Вражеские орды рвались к Волге для обхода Москвы с востока, осаждали подступы к Закавказью. Но Красная Армия грудью своей преградила путь врагу. Наши войска остановили иноземные разбойничьи орды, а затем, разбив их под Сталинградом, стремительно погнали их на запад. С тех пор Красная Армия неизменно держит в своих руках инициативу военных действий.

Зимой 1942—43 гг. наши доблестные войска разбили отборные армии немцев, итальянцев, румын, венгров, перебили и пленили свыше миллиона вражеских солдат и офицеров и освободили огромную территорию площадью до полумиллиона квадратных километров.

Летом 1943 года Красная Армия нанесла врагу новый сокрушительный удар. Наши войска в течение нескольких дней ликвидировали летнее наступление немцев и тем похоронили гитлеровский план разгрома основных сил Красной Армии и обхода Москвы со стороны Орла—Курска. Более того, Красная Армия сама перешла в решительное наступление, взломала мощные оборонительные полосы противника и в течение трёх месяцев отбросила его на запад местами на 400—450 километров. За время летней кампании наши войска изгнали врага с левобережной Украины, из Донбасса, Тамани, Орловщины, Смоленщины, вступили в правобережную Украину, овладели столицей Советской Украины — Киевом, вступили в Белоруссию, заняли подступы к Крыму, освободили свыше 160 городов и более 38.000 населённых пунктов.

Красная Армия отвоевала у немцев за истекший год почти $\frac{2}{3}$ нашей земли, захваченной ранее немцами, и вызволила из-под немецкого ига десятки миллионов советских людей.

За истекший год немцы потеряли на советско-германском фронте свыше 4-х миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1.800.000 убитыми.

На советско-германском фронте нашли бесславный конец отборные кадровые дивизии немецко-фашистской армии. Вместе с ними навсегда похоронены гитлеровские планы завоевания мира и порабощения народов.

Правда, немецкая армия и сейчас дерётся упорно, цепляясь за каждый рубеж. Но поражения, понесенные немцами со времени разгрома их

войск под Сталинградом, надломил боевой дух немецкой армии. Теперь немцы, как огня, боятся окружения и при угрозе обхода их нашими войсками бегут, бросая на поле боя свою технику и раненых солдат.

В наступательных боях истекшего года наши войска обогатились опытом ведения современной войны. Наши офицеры и генералы умело руководят войсками, успешно овладевают искусством вождения войск. Красная Армия стала самой мощной и закалённой современной армией.

Победы Красной Армии ещё более укрепили международное положение Советского Союза. Наступление нашей армии было поддержано боевыми действиями союзных войск в Северной Африке, на итальянских островах и на юге Италии. Авиация наших союзников подвергла серьёзным бомбардировкам промышленные центры Германии. Нет сомнения в том, что удары Красной Армии по немецким войскам с востока, поддержанные ударами основных сил союзников с запада, приведут к сокрушению военной мощи гитлеровской Германии и к полной победе антигитлеровской коалиции.

Красная Армия не могла бы одержать великих побед этого года без всенародной помощи фронту. Советский народ отдаёт все силы на поддержку своей армии. Нескончаемым потоком движутся на фронт вооружение, боеприпасы, продовольствие, снаряжение. Урал и Кузбасс, Москва и Поволжье, Ленинград и Баку, Казахстан и Узбекистан, Грузия и Армения, все наши республики и области стали могучим арсеналом Красной Армии. Советский народ успешно восстанавливает отвоёванные от врага промышленные и сельскохозяйственные районы, пускает в ход фабрики, заводы, шахты и железные дороги, возрождает совхозы и колхозы, обращает ресурсы освобождённых районов на службу фронту.

Наши успехи действительно велики. Но было бы наивно успокаиваться на достигнутых успехах. Ныне, когда Красная Армия бьёт врага за Днепром и пробивается к западным границам нашей страны, было бы особенно опасным предаться благодушию, самоуспокоенности и недооценить серьёзных трудностей предстоящей борьбы. Теперь враг с особым остервенением будет драться за каждый клочок захваченной им территории, ибо каждый шаг нашей армии вперёд приближает час расплаты с немцами за их злодеяния, совершённые ими на нашей земле.

Борьба за окончательную победу над немецко-фашистскими захватчиками потребует от армии и народа ещё больших усилий и новых подвигов.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки!

В великих битвах с заклятым врагом вы одержали крупные победы, покрыв боевые знамёна Красной Армии и Военно-Морского Флота неуываемой славой. Красная Армия и Военно-Морской Флот имеют теперь все возможности для того, чтобы в ближайшее время полностью очистить советскую землю от немецких захватчиков.

Во имя победы нашей Родины над немецко-фашистскими извергами **ПРИКАЗЫВАЮ:**

1. Всему рядовому и сержантскому составу—неустанно совершенствовать своё боевое мастерство, строжайше выполнять требования уставов и наставлений, приказы командиров и начальников, всегда и повсюду соблюдать образцовый порядок, крепкую дисциплину и высокую организованность.

2. Офицерам и генералам всех родов войск — совершенствовать управление войсками на поле боя и взаимодействие всех родов войск, прочно закреплять успехи наступления, стремительно преследовать войска противника, быстрее подтягивать тылы, смелее использовать резервы для новых ударов.

3. Всей Красной Армии — смело и решительно взламывать вражескую оборону, день и ночь преследовать врага, не давая ему закрепиться на промежуточных рубежах, умелым и смелым маневром резать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику противника.

4. Партизанам и партизанкам—поднимать советских людей на вооруженную борьбу против немцев, всемерно усиливать помощь наступающей Красной Армии, громить тылы и штабы врага, спасать советских людей от истребления и угона их на каторгу в Германию, беспощадно уничтожать немецко-фашистских мерзавцев!

Воины Красной Армии, партизаны и партизанки! Вперёд, за полный разгром немецко-фашистских захватчиков!

Да здравствует 26 годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции!

Да здравствует наша победоносная Красная Армия!

Да здравствует наш победоносный Военно-Морской Флот!

Да здравствуют наши отважные партизаны и партизанки!

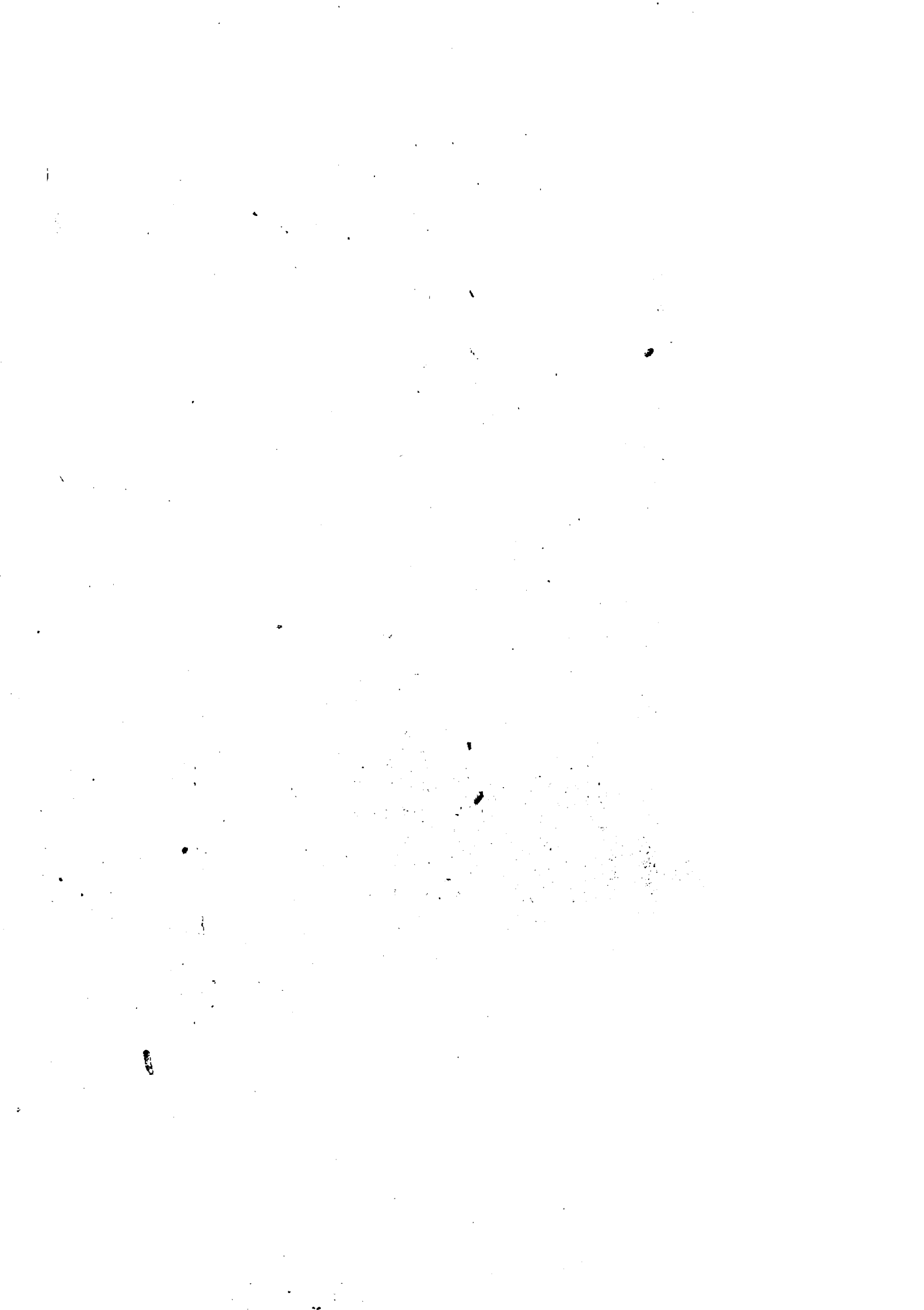
Да здравствует наша великая Родина!

Мщение и смерть немецко-фашистским захватчикам!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.**

Edward M. ...

**От Центрального Комитета
Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
и Совета Народных Комиссаров Союза ССР**

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубоким при-
скорбием извещают партию и всех трудящихся, что 4 декабря в 4 часа
32 минуты в Москве, после продолжительной болезни, скончался ста-
рейший деятель большевистской партии, пламенный пропагандист идей
партии, самоотверженный борец за дело трудящихся, член ЦК ВКП(б),
депутат Верховного Совета Союза ССР тов. Емельян Ярославский.

Смерть тов. Ярославского, отдавшего всю свою славную жизнь и
все свои силы на благо народа, является большой утратой для партии
и трудящихся Советского Союза.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков).**

**СОВЕТ НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР.**

ПАМЯТИ тов. Е. М. ЯРОСЛАВСКОГО

Не стало Емельяна Михайловича Ярославского, старейшего деятеля,
талантливейшего пропагандиста и агитатора, верного сына большевист-
ской партии, самоотверженного борца за дело трудящихся, пламенного
патриота нашей родины.

Большой, почти полувековой революционный путь тов. Ярослав-
ского неразрывно связан с борьбой большевистской партии, которой он
отдал все свои силы до последнего вздоха.

Мучимый тяжёлым, смертельным недугом, тов. Ярославский свои
последние мысли посвятил горячо любимой им партии: «Какой же это
великолепный, вечно живой источник силы нашего государства, источ-
ник силы советского народа в его героической борьбе!.. Как не любить
эту партию, построенную Лениным и Сталиным!» — писал этот неспясае-
мый большевик, этот мужественный воин славной ленинско-сталинской
когорты.

На долю тов. Ярославского выпало двойное счастье: он активно
делал революцию и столь же активно, с такой же горячей, большевист-
ской страстью писал её историю. Он являлся одним из крупнейших руко-
водителей и активнейших деятелей исторического фронта, авторитетней-
шим учёным-исследователем.

Тов. Ярославский был одним из крупнейших историков больше-
вистской партии. Известно то активное участие, которое он принял
в подготовке и составлении II тома «Истории гражданской войны», полу-
чившего Сталинскую премию. История для Емельяна Михайловича всег-
да была острейшим оружием в борьбе против врагов партии Ленина—
Сталина, в борьбе за счастье советского народа, за свободу и за незави-
симость родины, которой он был таким горячим патриотом.

Его статьи, его редакторская работа в «Историке-марксисте», а затем в «Историческом журнале», его лекции по истории, по истории большевистской партии в особенности, — образец глубокого исследовательского ума, боевой остроты большевистского стиля, горячей патриотической страстности.

Слово тов. Ярославского было острым словом большевистского пропагандиста. Всю горячую кровь своего большого сердца он отдал историческому делу большевистской партии, делу Ленина—Сталина.

Работы тов. Ярославского по истории партии, написанные им биографии Ленина и Сталина, его исследования о Марксе и Энгельсе навсегда войдут в золотой фонд советской исторической науки.

Емельян Михайлович Ярославский отдал всю свою славную жизнь на благо народа. В статье, написанной им накануне смерти, он обращается к советским людям со следующими глубоко волнующими словами: «Будем же все, не покладая рук, работать над тем, чтобы каждый из нас мог сказать: «Да, в великом деле борьбы за родину есть и моя, — пусть маленькая, — доля участия. Я сделал всё, что мог и должен был сделать, как патриот великой нашей советской родины, чтобы приблизить радостный день победы. Я сделал всё, чтобы быть достойным эпохи, когда под руководством великого Сталина Красная Армия приближает конец чудовищным злодеяниям гитлеровской банды палачей».

Пусть каждый из нас, работников на обширном поприще исторической науки, хранит в своём сердце и в своём сознании эти проникновенные слова незабвенного Емельяна Михайловича.

Ушёл от нас навсегда Емельян Михайлович Ярославский. Его прах под троекратный боевой салют замуравлен в стене священного для нашего народа Московского Кремля.

Умер тов. Ярославский. Но для него, жившего полноценной общественно-политической, полнокровной научной жизнью в подлинных интересах своего народа, смерти нет, — перед ним простирается великая дорога бессмертия.

Именно к Емельяну Ярославскому полностью применимы замечательные слова Н. Г. Чернышевского: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма». Наш друг и товарищ, пламенный большевик и глубокий учёный, Емельян Михайлович Ярославский стяжал бессмертие в сердцах нашего великого народа.

Вечная память незабвенному товарищу Емельяну Ярославскому!

**РЕДАКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА,
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР.**

ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ГВАРДИИ

Д. Семичаевский

I

18 ноября 1941 г. было опубликовано сообщение Народного комиссариата обороны о преобразовании ряда соединений Красной Армии в гвардейские. В сообщении говорилось: «В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-я, 121-я, 153-я, 161-я, 107-я, 120-я, 64-я и 316-я стрелковые дивизии, 1 Московская мотострелковая дивизия показали образцы мужества, отваги, дисциплины, организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас»¹.

18 сентября 1941 г. 100-я, 121-я, 153-я, 161-я стрелковые дивизии были преобразованы в гвардейские. 21 сентября 1941 г. гвардейское звание было присвоено 1-й Московской мотострелковой дивизии; 26 сентября 1941 г. гвардейское звание получили 64-я, 107-я и 120-я стрелковые дивизии; 11 ноября 1941 г. — 4-я танковая бригада и 18 ноября 1941 г. — 316-я стрелковая дивизия.

Это были первенцы советской гвардии, открывшие счёт гвардейским частям и соединениям Красной Армии. Указанным дивизиям вручались гвардейские знамёна. Всеми начальствующему составу этих дивизий был установлен полуторный оклад, а бойцам — двойной оклад содержания.

Почему были так высоко отмечены эти дивизии? Эти дивизии, готовясь к наступлению, осуществляли тщательную разведку, производили серьёзную подготовку, прощупывали слабые места врага и обеспечивали охранение своих флангов. Эти дивизии при прорыве фронта противника старались расширить прорыв, а захватив территорию, закрепляли захваченное. Эти дивизии осуществляли при соответствующих обстоятельствах не пассивную, а активную оборону, при нажиме же со стороны врага организованно отвечали ударом на удар.

Эти дивизии отказались от линейной тактики и перешли к тактике маневрирования; установили в своих частях жёсткий порядок и дисциплину и проявили массовый героизм личного состава; тем самым они показали всей Красной Армии, каковы основные требования, которые предъявляются к её кадровым частям.

100-я стрелковая дивизия генерал-майора Руссиянова получила наименование Первой гвардейской. На Югозападном фронте эта дивизия при помощи контрманевра поставила противника в тяжёлые условия. Она сдерживала натиск врага у Минска в то время, когда за её спиной развёртывались главные силы Красной Армии.

1-я Московская мотострелковая дивизия с первых дней войны вела тяжёлые бои с противником в районе Борисова и осуществила маневренную оборону на участке Борисов — Орша, удерживая шоссе Москва—Минск в своих руках. Здесь против Московской мотострелковой дивизии действовал немецкий берлинский танковый корпус. Несмотря на значительное превосходство врага дивизия не дала ни разу прорвать свою оборону.

Бессмертные страницы вписала в историю советской гвардии 316-я стрелковая, ныне 8-я гвардейская имени Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова дивизия. В дни смертельной угрозы, нависшей над Москвой в октябре 1941 г., панфиловцы встали стеной на Волоколамском шоссе и не пропустили врага. 16 ноября 1941 г. 28 героев-панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым (или Диевым, как его называли бойцы за то, что он всё время был в действии) своими телами преградили путь 50 танкам врага у разъезда Дубосеково.

4-я танковая бригада генерал-майора Катукова направлена была в октябре 1941 г. в район севернее Орла для противодействия крупным немецким мотомеханизированным силам. Несмотря на значительное численное превосходство и трехкратный перевес в танках немцы не добились успеха. Выдержав десятки боёв с танковыми группами врага, катуковцы остановили противника, уничтожили на этом участке фронта 133 немецких танка, 49 орудий и другое вооружение. Потери 4-й танковой бригады были незначительны.

Действия этой бригады получили тогда же, в ноябре 1941 г., отличную оценку. Причины отличных действий бригады заключались в том, что 1) велась непрерывная боевая разведка, 2) осуществлялось полное взаимодействие танков с мотопехотой и артиллерией, 3) правильно были применены и использованы танки, сочетая засады с действиями

¹ «Правда» от 18 ноября 1941 года.

ударной группы, 4) личный состав действовал храбро и слаженно, 4-я танковая бригада была преобразована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

Знаменателен тот факт, что преобладающее большинство первых гвардейских соединений покрыло себя славой в боях на дальних и ближних подступах к Москве.

Зимнее наступление Красной Армии в 1941—1942 г. дало быстрый рост советской гвардии. В конце ноября 1941 г. кавалерийские корпуса генералов Белоза, Доватора и Крюченкина были преобразованы в гвардейские. Появилась советская конная гвардия. 6 декабря 1941 г. гвардейское звание получили первые шесть авиационных полков, положивших начало воздушной гвардии советского народа, — первой в истории армий. 9 января 1942 г. в семью отважных гвардейцев вступили восемь артиллерийских полков — первенцев советской гвардейской артиллерии.

Весной 1942 г. родилась советская морская гвардия — гвардейские экипажи крейсера «Красный Кавказ», эскадренного миноносца «Стойкий», миноного заградителя «Марти», тральщика «Т-205» и подводных лодок «Д-3», «М-171», «М-174» и «К-22». Несколько раньше гвардейские звания получили четыре авиационных полка Военно-Морского Флота.

В период активной обороны и в наступательных боях показали свою мощь гвардейские миномётные полки и дивизионы, сформированные из отборных людей и вооружённые новейшим мощным оружием, сокрушающим врага.

Появились гвардейские полки связи, гвардейские мотоциклетные полки. Увеличилось количество гвардейских стрелковых и танковых соединений. К маю 1942 г. в советской гвардии были уже все роды войск.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 г. ввёл для военнослужащих гвардейских частей и соединений Красной Армии и Военно-Морского Флота гвардейские военные звания. Этим же указом утверждён гвардейский нагрудный знак для бойцов и командиров Красной Армии, береговой обороны и морской авиации, удостоенных гвардейского звания. В соответствии с этим Указом Верховного Совета 21 июня 1942 г. народным комиссаром Военно-Морского Флота был введён также особый нагрудный знак для личного состава кораблей Военно-Морского Флота, удостоенных гвардейского звания. Одновременно был установлен гвардейский военно-морской флаг для экипажей.

Эти акты правительства имели глубокое военное и политическое значение для окончательного формирования советской гвардии. Добавление к военному званию слов «гвардии лейтенант», «гвардии капитан» и т. д., особый нагрудный знак, который носят гвардейцы на правой стороне груди, особая лента к бескозырке, специальные гвардейские знамена и флаги — всё это отличает гвардейцев как воинов высшего типа, как пере-

довой отряд Красной Армии и Военно-Морского Флота.

II

В дальнейшем ходе войны сотни тысяч и миллионы бойцов Красной Армии стали мастерами своего оружия, десятки тысяч офицеров — мастерами вождения войск.

Рост и укрепление Красной Армии повлекли за собою прежде всего стремительный рост советской гвардии. Величайшее в истории войн сражение у стен Сталинграда выдвинуло в число передовых большое количество новых частей и соединений. В результате небывалого роста советской гвардии явилась возможность объединить гвардейские части и соединения в гвардейские корпуса и армии.

В составе Сталинградского фронта действовали 1-я и 2-я гвардейские армии и несколько гвардейских танковых и механизированных корпусов. При обороне Сталинграда 1-я гвардейская армия всё время вела бои на ближних подступах к Сталинграду, осуществляя наступательные операции, чтобы отвлечь силы противника и содействовать войскам, обороняющим Сталинград.

Удар 1-й гвардейской армии с севера в начале сентября 1942 г. заставил противника снять часть сил из-под Сталинграда и бросить всю свою авиацию против 1-й гвардейской армии и действовавших с нею вместе соединений. В результате этого нажим немцев на Сталинград был несколько ослаблен.

Новое наступление, начатое 1-й гвардейской армией 18 сентября 1942 г., сыграло выдающуюся роль: оно помогло удержать Сталинград и заставило немцев сократить удары с воздуха по городу. С ноября 1942 г. 1-я гвардейская армия принимает участие в общем наступлении наших войск.

2-я гвардейская армия и части, взаимодействовавшие с ней, оказали решающее влияние на исход Котельниковской операции. Эта операция лишила группу немецкого генерала фон Манштейна возможности прорваться к Сталинграду на помощь окружённой 6-й немецкой армии. Немецко-румынские войска потерпели тяжёлое поражение, потеряв в Котельниковской операции убитыми, ранеными и пленными 16 300 чел. (из 34 500 находившихся на этом участке немецко-румынских солдат и офицеров), 303 танка (из 400 находившихся здесь), 306 орудий (из 481). Группе фон Манштейна не удалось осуществить свой план прорыва. Судьба 22 окружённых немецких дивизий под Сталинградом была решена.

Во время сталинградской битвы в гвардейскую семью вошли четыре танковых и три механизированных корпуса.

Присвоение гвардейских званий танковым и механизированным корпусам свидетельствовало о возросшем мастерстве автобронетанковых войск нашей страны, о повышении их роли в военных операциях, о большом военном искусстве командиров этих соединений, о героизме личного состава.

Гвардейские танковые и механизированные корпуса первыми (в Красной Армии в период Отечественной войны) получали почётные

наименования, подчёркивающие их особые заслуги в титанической борьбе и победе советского оружия на полях сражений у берегов Волги и Дона.

1-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск тов. Родина отличился в боях на Дону. Войдя в прорыв северозападнее Сталинграда, он проник сквозь боевые порядки врага, вышел к гор. Калач и, захватив переправы через Дон, форсировал его. В ознаменование этих побед корпус генерала Родина назван 1-м гвардейским Донским танковым корпусом.

2-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Баданова носит сейчас наименование «Тацинский». Во время наступления на среднем Дону он вырвался глубоко вперёд — на 60—80 км от наступающих частей — и внезапным ударом захватил станцию Тацинская — важнейшую базу снабжения немецкой армии. На станции были захвачены богатые трофеи, в том числе 350 самолётов. Эта победа имела выдающееся значение: она способствовала осуществлению плана — окружить немецкую группировку под Сталинградом; в результате крупных потерь, понесённых противником в районе Тацинской, контрудар немцев был предупреждён.

3-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Ротмистрова отличился в боях под Котельниковом, за что и получил наименование «Котельниковский».

Совместные боевые действия 3-го гвардейского танкового корпуса и 2-й гвардейской армии сыграли решающую роль в осуществлении сталинского стратегического плана разгрома немцев под Сталинградом. Гвардейцы Ротмистрова парализовали попытки врага прорваться с югозапада к окружённой немецкой армии. Немецкая группировка, стремившаяся прорваться к Сталинграду, была уничтожена. Мощным ударом гвардейцы овладели Котельниковом и, форсировав Маныч, глубоко вклинились в расположение вражеских войск.

4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Полубоярова захватил Кантемировку, первый перерезал железнодорожную линию Воронеж—Ростов, вышел на Северный Донец и нанёс сокрушительный удар немецким войскам в районе Чертково — Миллерово. Взятие Кантемировки — выдающееся событие в общем наступлении наших войск, и гвардейский танковый корпус генерала Полубоярова получил наименование «Кантемировский».

3-му гвардейскому механизированному корпусу под командованием генерал-майора танковых войск Вольского было присвоено наименование «Сталинградский». Вместе с 4-м танковым корпусом гвардейцы 3-го механизированного корпуса первыми замкнули первое кольцо окружения 6-й немецкой армии под Сталинградом, истребили 6 тыс. гитлеровцев, взяли в плен до 16 тыс. солдат и офицеров, уничтожили только за два дня боёв 580 танков, 276 орудий, 4130 автомашин,

38 окладов, захватили богатые военные трофеи.

Сталинградским назван также 4-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Танасчишина. Этот корпус с начала летних оборонительных боёв 1942 г. и до начала зимнего наступления в ноябре 1942 г. вместе с другими соединениями стойко держал оборону Сталинграда и участвовал в разгроме немецкой армии.

5-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск Богданова разгромил немецкую группировку в районе Зимовники, захватил этот пункт и преградил дорогу к излучине Дона и Маныча. Корпус получил наименование «Зимовниковский».

Великая битва под Сталинградом, исторические бои под Котельниковом, Кантемировкой, Тацинской, Зимовниками вписали одну из самых блестящих страниц в мировую военную историю. Слава, которую стяжали себе гвардейские корпуса и дивизии, говорит о мощи нашей советской гвардии, о величайшем размахе её боевых действий.

Гвардейские соединения сыграли решающую роль в героической обороне Сталинграда. Первой среди гвардейских надо отметить 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Родимцева. Эту дивизию называли «сердцевинной сталинградской обороны». В январе 1942 г. она уже была преобразована в гвардейскую за успешные наступательные действия и взятие города Тим; бои в Сталинграде явились зенитом славы этой дивизии.

В первый же день своего появления в Сталинграде, в середине сентября 1942 г., гвардейцы взяли очень важную высоту. Немцы по 10—12 раз в день ходили в атаку на эту высоту, но, оставляя на склонах её сотни трупов, откатывались назад.

О силе гвардейских ударов можно судить по двум боям: в одном бою гвардейцы перебили около 2 тыс. гитлеровцев, уничтожили 18 танков и 30 автомашин, в другом бою один из полков дивизии сдержал атаку двух немецких пехотных дивизий и 70 танков. Сотни трупов немецких солдат и офицеров и 42 сожжённых фашистских танка были результатом этого боя.

Гвардейцы получили приказ командующего 62-й армией: «Каждому быть камнем города». Этот приказ они выполнили. Теперь уже всему миру известна историческая надпись на стене одного из домов Сталинграда: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, они победили».

Исключительное значение в Сталинградской битве имели боевые действия гвардейских миномётных полков и дивизионов. Вооружённые одним из наиболее совершенных видов оружия, гвардейцы наносили противнику мощные удары. Гвардейские миномётные полки, дивизионы и бригады стали прозой для врага, и ничего так не боялся немцы, как знаменитых «катюш».

За отличные боевые действия под Сталинградом 4-й краснознамённый гвардейский миномётный полк был награждён орденом

Ленина, а двадцать других гвардейских миномётных частей — орденами Красного знамени. 21-й гвардейский миномётный полк, приданный одному из соединений, которое совершило глубокий рейд от Клетской до Песковатки, сорвал своим огнём шесть контратак противника, уничтожил свыше 5 тыс. вражеских солдат и офицеров, десятки танков и сотни машин. 23-й гвардейский миномётный полк только за один день сталинградской обороны отбил 7 атак противника и выдержал 42 налёта немецких пикировщиков. 110-й отдельный гвардейский миномётный дивизион за короткое время отбил 24 атаки гитлеровцев на одно из наших соединений.

18-й гвардейский миномётный полк вместе с другими частями упорно и стойко дрался за Сталинград. В разгар одного из боёв командир пехотной части прислал командиру 18-го гвардейского миномётного полка следующее выразительное письмо: «По нашим наблюдениям и наблюдениям соседа слева, первым вашим залпом уничтожено до батальона пехоты и до батальона разбежалось. Вторым залпом было накрыто до 18 расчётов артиллерии. Спасибо за мощь, товарищи».

В героической обороне Сталинграда проявили высокое мастерство и героизм наши лётчики. Первой из гвардейских авиационных дивизий заслужила одновременно и гвардейское звание и почётное наименование «Сталинградская» — 102-я краснознаменная авиационная дивизия противовоздушной обороны (ныне 2-я гвардейская Сталинградская краснознаменная авиационная дивизия). Она отличилась своими боевыми действиями против немецких захватчиков на всех этапах героического сражения за Сталинград. Лётчики этой дивизии сбили над Сталинградом 336 вражеских самолётов, в том числе 216 бомбардировщиков.

В воздушных боях под Сталинградом гвардейцы сбили немало знаменитых гитлеровских асов, переброшенных сюда по приказу Гитлера из противовоздушной обороны Берлина. Так, лётчик-сталинградец, старший лейтенант Черников сбил немецкого асса графа Эйхенгаузена. Дивизия воспитала плеяду отличных лётчиков. В её рядах семь Героев Советского Союза, более двухсот человек награждённых орденами и медалями.

В Сталинградской битве отличился 56-й гвардейский истребительный авиополк. Лётчиками этого полка сбито над Сталинградом 114 самолётов врага.

Сталинградская битва и последующее за ней наступление — это новая веха в истории советской гвардии: если Московская битва была первым этапом возникновения и формирования советской гвардии, то во время Сталинградской битвы и последовавшего за ней наступления в гвардию вошли уже крупные соединения Красной Армии. С этого времени начался необычайный рост советской гвардии.

III

Стремительное наступление частей Красной Армии вслед за сталинградским сраже-

нием создало переломный, решающий момент в ходе Великой отечественной войны. Началось массовое изгнание врага из Советской страны.

Величайший героизм бойцов и командиров, наступательный порыв и возросшее качество боевой деятельности войск выдвинули в число передовых большое количество новых частей и соединений Красной Армии. За период зимнего наступления 1942—1943 г. советская гвардия выросла вдвое: в её рядах к весне 1943 г. было уже свыше 300 гвардейских частей и соединений всех родов войск. За короткий срок советская гвардия стала могучей, несокрушимой силой. Военная история не знает такого бурного роста гвардейских частей и соединений.

В наступательных боях на Северном Кавказе и Кубани прогремела слава 4-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Кириченко. Ещё летом 1942 г., во время оборонительных боёв на Дону и Кубани, тысячи казаков в боях за родную землю воскресили старинную русскую казачью удачу и прославленную стойкость.

Сражаясь с превосходящими силами противника, вооружённого большим количеством танков и мотопехоты, среди широких степных равнин, которые благоприятствовали продвижению вражеских танков и мотопехоты, казаки-гвардейцы применяли всю свою боевую выучку, русскую смекалку и храбрость в борьбе с ненавистным врагом.

Выбор для боя местности, невыгодной для противника, обман противника в выборе направления главного удара, активная оборона, предупреждение замыслов врага, срыв его планов внезапными контратаками, тесное взаимодействие с пехотой и самостоятельная организация боя, сочетание конного и пешего строя в бою, искусные действия и героизм казаков-гвардейцев — всё это обеспечило успех корпусу генерала Кириченко. Донцы и кубанцы в начале августа 1942 г. наносили сокрушительные удары по немецким войскам в районе Кущевской и Сальска. Под станцией Кущевская одна казачья часть наступала в спешенных боевых порядках, отвлекая на себя немцев, другая обрушилась на фашистов стремительной конной атакой. Казаки прорвали вражеский фронт, проникли на несколько километров в глубину расположения немцев и вырубали до 5 тыс. фашистских солдат и офицеров. Особенно отличились в этом бою казаки 116-й Донской казачьей кавдивизии (ныне 12-й гвардейской).

15-я Донская казачья кавдивизия (ныне 11-я гвардейская) в одном бою отбила несколько танковых атак. Немцы потеряли 7 танков, 4 орудия и откатились назад. В бою за один населённый пункт казаки уничтожили больше 10 немецких танков и зарубили около 250 фашистов.

Перед 12-й кубанской казачьей кавдивизией (ныне 9-я гвардейская) была поставлена задача — удержать важный оборонительный рубеж. На дивизию наступали значительно превосходящие силы врага. Командир дивизии, найдя стык между наступающими

частями немцев, оставил на фронте небольшие заслоны и ночью своими основными силами предпринял выход в тыл главной группировке противника. На рассвете началась лихая кочная атака. Удачный маневр отрезал вражескую пехоту от танков. В этом бою гвардейская казачья дивизия полностью разгромила полк «СС» и 4-й горно-стрелковый полк противника. Казаки зарубили 3 тыс. гитлеровцев, взяли в плен 80 офицеров и 200 солдат, захватили богатые военные трофеи.

Так сражались летом 1942 г. гвардейцы казачьих частей Кириченко. Гвардейское звание они завоевали себе в кровопролитных боях с немецко-румынскими захватчиками.

Ровно через год после получения гвардейского звания, в августе 1943 г., казаки генерал-лейтенанта Кириченко в битве за Таганрог отметили свой гвардейский день рождения сокрушительным наступлением на немцев. Силами гвардейской пехоты был совершён прорыв, вслед за пехотой прорвались кубанские казаки, вместе с механизированными частями быстро форсировали р. Миус, перерезали коммуникации противника, совершили глубокий фланговый обход и вышли немцам в тыл. Умелый маневр в сочетании с огнём приданной артиллерии, с действиями танков и пехоты обеспечил успех операции. 30 августа 1943 г. Таганрог снова стал советским. В этих боях особо отличилась 9-я гвардейская кубанская кавалерийская дивизия, за что в приказе Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина она получила благодарность. В приказе товарища Сталина от 30 августа 1943 г. говорилось: «Эта новая победа, одержанная нашими войсками на Юге, достигнута в результате смелого маневра конных и механизированных соединений, прорвавшихся в тыл вражеских войск».

Казаки-гвардейцы продолжают своё наступление, наводя ужас и страх на гитлеровцев. Немцы пуле смерти боятся казаков-гвардейцев. В записной книжке убитого немецкого солдата Альфреда Курца записано: «Всё, что я слышал о казаках времён войны 1914 г., бледнеет перед теми ужасами, которые мы испытываем при встречах с казаками теперь. Одно воспоминание о казачьей атаке повергает меня в ужас и заставляет дрожать. По ночам я галлюцинирую казаками. Казаки — это какой-то чёрный вихрь, который сметает на своём пути все препятствия и преграды. Мы боимся казаков, как возмездия всевышнего».

В декабре 1942 г. гвардейское наименование получила 30-я Иркутская ордена Ленина краснознаменная имени Верховного Совета РСФСР стрелковая дивизия (ныне 55-я гвардейская Иркутская ордена Ленина и трижды краснознаменная стрелковая дивизия).

Славные боевые традиции героев гражданской войны воскресили гвардейцы-иркутяне в боях против немецких захватчиков. Дивизия дралась на Северном Кавказе, на берегах Кубани, при бездорожье, окружённая большой цепью холмов и высот, в плавнях. В оборонительных боях осенью 1942 г. иркутяне стояли насмерть и не пропустили врага. Особенно памятен для них десятидневный

бой у Лысой горы. Немецкая дивизия, действовавшая на участке Иркутской дивизии, решила во что бы то ни стало пробить себе дорогу через так называемые Волчьи ворота. Немцы обрушили на участок дивизии шириной в 500 м и глубиной в 2 км 5 тыс. снарядов и 500 бомб. Но иркутяне не отступили ни на шаг. В активной обороне они изматывали и изнуряли врага. Когда был получен приказ наступать, в первые же дни наступательных боёв немецкая дивизия, стоявшая против гвардейцев, была расчленена и обращена в бегство. Иркутяне преследовали врага на 30 исправных трофейных пятитонках. Они направляли против немцев 3 трофейных батареи. Успех наступления дивизии превратил направление, на котором она действовала, из второстепенного в главное.

16 сентября 1943 г. — день новой славы гвардейцев 55-й дивизии. Вместе с другими соединениями и частями дивизия возвратила нашей родине город Новороссийск. Гвардейцы вошли в прорыв, совершённый десантными группами и частями, которые наступали со стороны цементных заводов. В течение пяти суток днём и ночью уничтожали гвардейцы немецкие гарнизоны, засевшие на заводах «Октябрь», «Красный двигатель» и в жилых домах.

Товарищ Сталин в своём приказе от 16 сентября 1943 г. отметил среди особенно отличившихся в боях за Новороссийск 55-ю гвардейскую Иркутскую ордена Ленина и трижды краснознаменную стрелковую дивизию имени Верховного Совета РСФСР и представил её, как «неоднократно уже отличавшуюся в боях с врагами нашей Родины», к награждению орденом Суворова II степени. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г. гласит: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить 55-ю гвардейскую Иркутскую ордена Ленина и трижды краснознаменную стрелковую дивизию имени Верховного Совета РСФСР орденом Суворова II степени».

Это — первое воинское соединение, удостоенное ордена Суворова. Этот факт говорит о том, что уже не одиночки, а целые части и дивизии Красной Армии овладели суворовской тактикой, овладели современными условиями боя. То, что первой получила орден Суворова гвардейская дивизия, свидетельствует ещё раз о передовой роли советской гвардии среди частей и соединений всей Красной Армии.

В стремительном наступлении зимой 1942—1943 г., а также в летних наступательных боях 1943 г. развернулась боевая деятельность советских авиационных частей. Во главе авиационных частей идёт воздушная гвардия советского народа. Имена гвардейцев Бориса Сафоновца, Молодчего, Покрышкина, братьев Глянка, Зайцева и многих других вошли в боевую историю советской гвардии и дороги всему советскому народу.

В наступательных боях зимы 1942—1943 г. выросли крупные гвардейские воздушные соединения — гвардейский истребительный

корпус, 14 гвардейских авиационных дивизий. Советская гвардия насчитывает в своих рядах несколько десятков гвардейских авиационных полков.

Почётное место среди гвардейцев воздуха занимают гвардейцы авиации дальнего действия. Авиация дальнего действия была создана в начале Великой отечественной войны по инициативе товарища Сталина и за время войны превратилась в грозную силу для врагов.

Отважные гвардейцы дальнего действия обрушили тонны металла на Берлин, Кёнигсберг, Данциг и другие города Германии. Особенно развернулась боевая деятельность гвардейцев дальнего действия в условиях наступления на широком фронте при налётах нашей авиации на железнодорожные узлы и опорные пункты противника.

1-я гвардейская авиационная дивизия дальнего действия до присвоения ей гвардейского звания (март 1943 г.) сожгла 75 вражеских эшелонов с боеприпасами и грузами, разрушила десятки мостов и переправ, взорвала около 50 важных военных складов, уничтожила 415 танков и около 200 артиллерийских орудий. В воздушных боях и на аэродромах дивизия уничтожила 305 немецких самолётов.

Лётчики-гвардейцы снова показали своё мастерство и боевую отвагу в летних наступательных боях 1943 года. В боях за Харьков отличился авиаполк дважды Героя Советского Союза гвардии подполковника Зайцева. С начала 1943 г. по 23 августа 1943 г. (день освобождения Харькова) лётчики гвардейского авиаполка сбили 150 самолётов врага; гвардии подполковник Зайцев лично сбил за это же время 25 немецких самолётов.

Гвардейские части и соединения — пример для всей Красной Армии. Товарищ Сталин в своих приказах, посвящённых славным победам Красной Армии, отмечает особо отличившиеся части и соединения и среди них большое количество гвардейских.

Так, в боях за Белгород и Харьков отличилась 89-я гвардейская стрелковая дивизия, получившая наименование Белгородско-Харьковской. Гвардейцы этой дивизии в одних только боях за Белгород уничтожили 1500 немцев, из них 800 чел. в уличных боях.

Многие гвардейские соединения и части отличились при освобождении Харькова, Таганрога, Новороссийска, Полтавы, Смоленска и других советских городов.

Советская гвардия возглавляет наступающие войска, показывая свою боевую выучку, отвагу, воинское мастерство, умение маневрировать. В наступательных боях растут ряды советской гвардии, дополняясь новыми отличившимися частями и соединениями.

IV

Советская гвардия, прямая наследница всех лучших боевых традиций гвардейских войск прошлого, вместе с тем является

гвардией нового типа: это гвардия советского народа. В её рядах сражаются представители всех наций необъятной страны. Среди гвардейских соединений мы видим героическую представительницу латвийского народа — 43-ю гвардейскую латышскую стрелковую дивизию, покрывшую себя неуязвимой славой в боях с немецкими захватчиками. Боевая история дивизии началась в тяжёлые дни обороны Москвы. Латыши дрались под Наро-Фоминском и Боровском. В наступательных боях 1941—1942 и 1942—1943 гг. гвардейцы-латыши вывели из строя более 100 тыс. гитлеровцев, в том числе свыше 30 тыс. убитыми. Гвардейцы-латыши освободили от оккупантов десятки населённых пунктов.

В дивизии сражаются лучшие сыны латвийского народа. Около 2 тыс. гвардейцев награждены орденами и медалями Советского Союза.

Боевой деятельностью советской гвардии восхищается всё прогрессивное человечество. Она пример для частей и соединений армий Объединённых наций, ведущих борьбу против немецких захватчиков.

Чехословацкие воинские части, сражающиеся на советско-германском фронте плечом к плечу с советскими гвардейскими частями, берут пример с гвардейцев.

В своей беседе с военным корреспондентом «Правды» командир чехословацких частей в СССР полковник Л. Свобода заявил: «Мне были приданы и подчинены в оперативном отношении отдельные подразделения Красной Армии и дополнительные огневые средства, которые сделали нашу оборону более эффективной. Наши офицеры и солдаты с искренним восхищением отзываются, например, о действиях приданного нам подразделения гвардейских миномётов гвардии старшего лейтенанта Гончаренко. Моими соседями были гвардейские части. Советские гвардейцы в бою служили нам примером отваги и умения; мы гордимся тем, что дрались бок о бок с прославленной русской гвардией»¹.

Командир отдельной истребительной эскадрильи Сражающейся Франции «Нормандия», действующей на советско-германском фронте, майор Жан Луи Тюлян в беседе с корреспондентом «Правды» сказал: «В самом начале нам пришлось участвовать в блокировке одного важного немецкого аэродрома. Мы действовали совместно с подразделением советской воздушной гвардии. Операция прошла настолько удачно, что мы изъявили желание всегда иметь своими товарищами в бою гвардейцев. Наше желание было удовлетворено»².

За короткое время существования советской гвардии сложились твёрдые гвардейские традиции. Эти традиции сформулированы в приказах Наркома обороны о преобразовании соединений и частей в гвардейские. Проявлять отвагу в боях за отечество, показывать образцы стойкости,

¹ «Правда» от 18 апреля 1943 года.

² Там же, от 3 июля 1943 года.

мужества, дисциплины и организованности, героизм личного состава, воинское мастерство гвардейских офицеров и бойцов; наносить огромные потери немецко-фашистским войскам; сокрушительные удары по гитлеровцам, уничтожать живую силу и технику противника — вот каковы эти гвардейские традиции.

Об этих боевых традициях, этих законах советской гвардии очень метко говорили в своих выступлениях гвардейцы на митинге в гвардейской дивизии полковника Утвенко¹. «Что такое гвардейский подвиг? — говорили гвардейцы. — Это значит убить врага и остаться в живых самому, а если умереть, то дорого продать свою жизнь. Это значит вырвать из рук врага победу, даже тогда, когда это кажется почти невозможным. Там, где наступает гвардия, враг не устоит, там, где обороняется гвардия, враг не пройдёт — вот как мы должны понимать слово «гвардия»... Гвардеец не может быть малодушным: он должен иметь сверх-сердце и сверх-нервы, нервы толщиной с палец. Он должен всегда голову держать вверх, улыбаться, никогда не быть унылым. Закон гвардейца — у врага оружие забирай, а со своим не расставайся ни при каких условиях... Если гвардеец умирает, он оружие из рук не выпускает: оно у него и у мёртвого ещё на врага направлено. Смелость, отвага — в крови у гвардейцев. Но одной смелости мало, — она должна ещё сочетаться с отличными знаниями. Воевать по-гвардейски — это значит воевать умело, мастерски, так, чтобы из любого оружия бить врага наверняка. Закон гвардейца — настойчиво учиться в ходе боёв, изо дня в день повышать своё воинское мастерство. Сражаться не отступая... Не знать в бою невозможного и непреодолимого. Не бояться немцев, а самим нагонять на них страх. Закон гвардейцев — биться до последнего патрона. Нет патронов — кулаками, зубами вцепиться в немецкую глотку, но не падать на колени перед врагом».

Так сформулировали сами гвардейцы свои основные законы, присущие всей советской гвардии.

Советская гвардия воспитывает воинов нового типа. Партия большевиков, создавая советскую гвардию и укрепляя её в ходе Великой Отечественной войны, вырабатывает в гвардейцах большевистские качества.

На митинге гвардейцев одной части тов. А. А. Жданов дал яркую характеристику воина-гвардейца. «Советская гвардия — это цвет нашей армии, её отборная, передовая часть, — говорил тов. Жданов. — Советский гвардеец — образец того, какой должна быть вся наша Красная Армия. Гвардеец — храбрый советский воин, достигнувший высокого военного мастерства и не перестающий его умножать. Его характерные черты — беззаветная храбрость, стойкость, упорство. Его любовь к Родине безгранична. Воля его к победе неуязвима, ненависть

к врагу беспредельна, боевой дух неиссякаем»².

Гвардеец — проза для врагов и пример для всех воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота. Он не щадит своей жизни, если это необходимо для успеха общего дела. Подвиг гвардейца Александра Матросова будет жить в веках.

23 февраля 1943 г. батальон, где служил рядовым Александр Матросов, вёл бой за деревню Чернушки. В решающую минуту наступления пулемётный огонь из немецкого дзота заставил бойцов залечь и приостановить наступление. Тогда Александр Матросов вылез вперёд и в нескольких метрах от неприятельского дзота выстрелил из автомата в амбразуру. Пуля попала в мину. Раздался взрыв, но пулемёт продолжал ливать огнём наших бойцов. И здесь совершился героический подвиг Александра Матросова: он выпрямился во весь рост, двумя прыжками достиг дзота и закрыл своим телом амбразуру. Пулемёт захлебнулся. Стремительной атакой советских воинов деревня была взята. Гвардеец Александр Матросов пожертвовал собой во имя успеха наступления.

Этот подвиг был отмечен Народным комиссаром обороны товарищем Сталиным в специальном приказе от 8 сентября 1943 г. за № 269. В приказе говорилось, что «гвардии рядовой 254 Гвардейского стрелкового полка 56 Гвардейской стрелковой дивизии Александр Матвеевич Матросов, в решающую минуту боя с немецко-фашистскими захватчиками за дер. Чернушки, прорвавшись к вражескому дзоту, закрыл своим телом амбразуру, пожертвовал собой и тем обеспечил успех наступающего подразделения... Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии».

В приказе указывалось, что гвардии рядовому Александру Матросову Указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, что для увековечения памяти героя 254-му Гвардейскому полку 56-й Гвардейской стрелковой дивизии присваивается имя Александра Матросова, а гвардии рядовой Александр Матвеевич Матросов навечно зачислен в списки 1-й роты 254-го Гвардейского полка имени Александра Матросова.

На весь мир прославилась гвардейская батарея Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Воробьёва. В декабре 1941 г. гвардейская батарея преградила путь немцам на Севастополь. В июне 1942 г. гвардейцы шестеро суток сдерживали натиск гитлеровцев. Однажды на батарею налетело 75 немецких шкировщиков, но батарея осталась невредимой. В самую тяжёлую минуту боя гвардейцы написали на портрете товарища Сталина священную клятву: «Враг рвётся к родному городу. Ни шагу назад! Клянёмся, тебе, Родина, тебе, народ-богатырь, тебе, великий Сталин, лечь костями на поле брани, но не посрамить знамя Советов!»

¹ См. «Красную звезду» от 2 октября 1942 года.

² Газета «Боевая красноармейская» от 3 марта 1943 года.

Под этой клятвой подписались все бойцы и командиры батареи. Гвардейцы дрались до последнего патрона. А когда не стало патронов, окружённые немцами со всех сторон, они послали последнюю радиопраammu: «Отбиваться нечем. Личный состав весь выбыл из строя. Открывайте огонь по нашей позиции, по нашему командному пункту».

V

Советская гвардия родилась в огне жестоких битв с немецко-фашистскими захватчиками. Она выдержала самое суровое испытание—испытание войной. Силой своей доблести и военного мастерства она узаконила своё право на существование. Своими молодыми, но крепкими боевыми традициями она завоевала себе непревзойденную славу и высокий авторитет. Творцом и вдохновителем советской гвардии является Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин. Он любовно воспитывает молодую советскую гвардию, следит за её боевой деятельностью, помогает ей в выполнении сложных боевых задач.

Великий Сталин следит за каждым шагом советских гвардейцев и направляет их боевую деятельность. В своём дневнике дважды Герой Советского Союза гвардии майор тов. Молодчий рассказывает о своём налёте на Берлин. В тяжёлой обстановке

один над вражеской столицей самолёт Молодчего попал под шквальный огонь всей системы противовоздушной обороны Берлина. Сотни разрывов со всех сторон самолёта. Но Молодчий выполняет боевую задачу — сбрасывает груз бомб в сердце Берлина — и здесь же передаёт радиопраammu товарищу Сталину: «Москва. Сталину. Нахожусь в районе Берлина. Задание выполнено. Молодчий».

Москва отвечает: «Ваша радиопрамма принята. Всё понятно. Желаем благополучного возвращения». Мысли гвардейского лётчика при выполнении задания летят к товарищу Сталину. Товарищ Сталин ободряет лётчика в тяжёлые минуты боевой операции.

Советская гвардия за два года своего существования превратилась под руководством товарища Сталина в могучую силу. Из гвардейских полков и дивизий созданы гвардейские корпуса и армии. Они идут впереди наступающих войск Красной Армии, освобождая советские земли от гитлеровской нечисти. Каждый день приносит известия о новых победах Красной Армии, и в приказах Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина гвардейские соединения и части занимают почётное место среди отличившихся войск.

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ — ПЕРВЫЙ КАЗАХСКИЙ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Канд. истор. наук А. Лурье

Казахский народ с полным основанием гордится своим преданным и талантливым сыном — учёным, исследователем и бесстрашным путешественником Чоканом Валихановым. В 50—60-х годах XIX в. Валиханов был одним из первых исследователей казахско-киргизского фольклора. Любова и тщательно собирал он все известные предания и поэмы своего «киргизского» народа, записывая их в разных вариантах: таковы «джир» об Идиге, поэма о Манасе, мифы о происхождении киргизов, легенды о подвигах батыров. Он предпринимал путешествия, нередко сопряжённые с опасностью для жизни, с большой затратой сил и средств, для того, чтобы добыть ценные материалы, редкие рукописи, древнее оружие, предметы домашнего обихода и религиозного культа. Особенно прославился Валиханов своим рискованным путешествием через хребет Тянь-Шаня в неисследованный Кашгар. Большая часть ценного научного наследства Ч. Валиханова до сих пор ещё не опубликована и ждёт своего исследователя.

Чокан Чингисович Валиханов был старшим сыном казахского султана Чингиса Валиева (внук известного Аблай-хана). Чокан (его магометанское имя — Мухаммед Ханатия) родился в 1835 г.¹ в местности Сырымбет, Кокчетавского округа. Отец и знатные родичи Чокана получили русское воспитание, имели офицерские чины и пользовались уважением царской администрации. При поступлении в кадетский корпус, когда Чокана привезли в Омск (в 1847 г.), он не знал ни единого слова по-русски. Даровитый, смелый и любознательный, Чокан скоро занял одно из первых мест среди учащихся. Он много читал и быстро развивался, встречался с образованными и передовыми людьми Омска; он бывал в доме своего учителя К. Гутковского, естествознателя-энциклопедиста, у Капустиных, где познакомился с представителями прогрессивной русской интеллигенции. Огромное влияние на юношу имел ссыльный Дуров, товарищ Ф. М. Достоевского по каторжной омской тюрьме.

В развитии мировоззрения Валиханова сыграли большую роль его учителя — извест-

ный естествознавец К. К. Гутковский и молодой историк, преподаватель кадетского корпуса Гонсевский, который сочувственно отзывался о деятелях французской революции 1789—1793 гг. и довольно смело пытался объяснить учащимся социальные пружины исторических событий. На каникулы Чокан уезжал к родным, в степь, где с увлечением слушал состязания народных акынов-импровизаторов, записывал песни, сказки, пословицы. Чокан рано заинтересовался восточной филологией и изучал арабский язык; из европейских языков он изучил английский, усиленно занимался историей, географией и этнографией. Заветной мечтой его было стать учёным, чтобы отдать все свои знания и силы служению казахскому народу. Ещё до окончания кадетского корпуса юный Чокан был уже, по сравнению со своими сверстниками, вполне сформировавшимся, образованным человеком с острым, критическим умом, способным к смелым, широким обобщениям.

В 1853 г. Чокан Валиханов досрочно окончил кадетский корпус. Произведённый в корнеты, он поступил на службу в Сибирское линейное казачье войско. Даровитым молодым офицером-казахом вскоре заинтересовался генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд, который в следующем году сделал его своим адъютантом. Гасфорд учитывал отличное знание Чоканом Востока, нравов, наречий и истории — и часто командировал его в места, пограничные с Китаем (Южный Алтай, Зайлиийский край, район озера Иссык-Куль). Эти поездки Валиханов старался прежде всего использовать для удовлетворения своей ненасытной научной любознательности.

Пребывание Валиханова в русских пограничных факториях (1855 г.), его поездки в Кульджу (1856 г.) и т. д. были не случайны: Валиханову, очевидно, уже тогда поручено было разобраться в сложной политической обстановке этих мест. «...Конечно, мы должны обратить особенное внимание на западные пределы Китайской империи»², — писал в Петербург в секретном дозвешении генерал Гасфорд.

² Записки Императорского Государственного Географического Общества. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, стр. 331 (В дальнейшем: Валиханов Ч. Соч.). СПб. 1904.

¹ Данные о годе рождения Валиханова расходятся: П. П. Семёнов называет 1834 г., а Г. Н. Потанин — 1836 или 1837 год.

Весной 1856 г. Валиханов принял участие в Иссык-Кульской экспедиции полковника Хсментовского; эта экспедиция выехала в район, обитаемый каракиргизским племенем богу, по приглашению верховного манала Бурамбая, принявшего русское подданство. На Иссык-Куле Валиханов с глубоким интересом наблюдал и описывал жизнь родственного ему племени киргизов; изучал их эпос, обычаи, историческое прошлое; собрал богатую коллекцию разных предметов домашнего обихода, одежды, оружия; записал много преданий и со слов народного певца впервые записал отрывки знаменитой героической поэмы «Манас»:

«Батырь! Когда меня не будет: пешеходным беднякам — лошади нужны для ееды, голотелым беднякам — сними халат с плеча. И летом и зимою пусть течёт кумыз мой рекою — для этих бедняков. Пусть льётся айран — для бедных людей»¹.

«Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу», — с гордостью записывает Валиханов («Очерки Джунгарии»). Валиханов написал на Иссык-Куле дневник своей поездки и «Записку о диких каменных киргизах»². Эта «Записка» даёт новое представление о жизни и истории диких каменных, или каракиргизов (горное воинственное племя). Особенно интересен его дневник поездки в китайский город Кульджу, где Валиханов побывал в том же, 1856 г. в качестве официального представителя русского правительства. Это яркий, образный, художественный очерк. Поражает необычайное искусство Валиханова, с которым он рисует пёструю этнографическую картину населения. Вот он на кульджикском базаре: «Гортанные крики разносчиков, мелких торговцев, скрип телег, топот коней, бубенчики и звон колокольных — всё это сливалось в один дикий и единый гул. Пестрота была ужасна. Под навесами домов были лавки с мелочью, готовым платьем; огромные флаги, вроде наших хоругвей, развевались над некоторыми лавками... на столах корзины, полные виноградом, яблоки, груши, абрикосы, персики. Вокруг всё кипело народом»³.

Но во всём этом живописном разнообразии Валиханова больше всего интересует человек: «Сколько было тут разнородных лиц, сколько одежд! Сидел тут под навесом киргиз в куртке и сером длинном халате; был тут и «анджиданец» (так называют тут всех среднеазиатцев), в чалме, с круглой чёрной как воронье крыло бородой и с правильным носом; чаншу (кашгарец) в белой рубашке угрюмо смотрел из-под насупленных бровей — нос, как дамасская сабля; чёрный как негр, оборванный таранча... с

наслаждением сосал только что купленный арбуз — зубы как жемчуг»⁴.

В этих (пока ещё не опубликованных) записках довольно явственно выступают демократические симпатии Валиханова. Он глубоко скорбит и за китайскую и за мусульманскую (уйгуры, таранчи) обездоленную бедноту. Он возмущается «поборами и злоупотреблениями, превосходящими границы». Его угнетает неразрешимость трагических социальных вопросов: нищета, безработица. Валиханов не мог предложить сколько-нибудь удовлетворительного разрешения этих проблем и только гневно констатировал страшные факты: «Зимой китаец страдает сильно. Всегда по несколько хохлатых голов торчат из-под снега и лежат так до лета, пока обнаруженный труп не бросят в Илю». Зато летом картина иная: «Китаец живёт уличной жизнью. Он с утра до вечера находится на базаре; там он обедает на ярмаке сытно и там же спит. Если бы не эта дешевизна, нет никакого сомнения, что все сборванцы и бедняки, которыми так обилен Китай, вымерли бы давно от голода. Всё это народ рабочий, дельный, трудолюбивый, но что же делать? Нет работы. Сколько рабочих рук пропадает даром... Труд ставится в ничто». Истинных причин всех этих бедствий народных масс Валиханов не умел вскрыть, да, собственно, и не задавался этой целью.

Решающую роль в жизни Валиханова сыграло знакомство с двумя выдающимися русскими людьми: Ф. М. Достоевским и знаменитым географом П. П. Семёновым-Тянь-шаньским.

С Достоевским Валиханов познакомился, по одним данным, в Омске, по другим — в Семипалатинске (летом 1855 г.), где великий русский писатель после каторги отбывал ссылку на положении «нижнего чина». Нервный и больной Достоевский, переживавший в ту пору личную драму, избегал знакомств; однако он сразу был очарован талантливым самородком-казахом. Впечатление от встречи с Чоканом Достоевский характеризует так: «Когда мы простились с Вами... нам всем было грустно после целый день... Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я некогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает, как это сделалось»⁵. Глубокий и пронизательный ум Достоевского сразу разгадал и оценил, какое значение может иметь одарённость Валиханова для казахского народа. Достоевский советовал ему углублять свои познания по этнографии Казахстана, продолжать научную работу и поскорее ехать в Петербург. «Напишите статью о Степи. Её напечатают... Всего лучше, если бы Вам удалось написать нечто вроде своих Записок о степном быте... Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге... Лет через семь, восемь Вы бы

¹ Валиханов Ч. Соч., стр. 210.

² Оба материала находятся в архиве Института литературы, искусства и языка (ЛИЯ).

³ Валиханов Ч. «Западный край Китайской Империи и г. Кульджа». Архив ЛИЯ АН СССР. Публикуется впервые по списку Казахского филиала Академии наук.

⁴ Там же.

⁵ Достоевский Ф. «Письма». Т. I, стр. 200. Госиздат. 1928.

могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине».

Достоевский гениально предсказывает будущее значение Валиханова для родного народа: «Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, её значение, и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещённым ходатайством за неё у русских? Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне... Уже один этот случай поразителен, и сознание о нём невольно налагает на Вас и обязанности... Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам душу и сердце»¹.

Не менее высоко оценил Валиханова и учёный-географ П. Семёнов. Он познакомился с Чоканом в доме Гутковского. Его заинтересовали научная пытливость и высокая эрудиция этого молодого офицера-«инородца», который напряжённо пытался разрешить невыясненный вопрос о происхождении своего родного народа. Семёнов советовал Чокану прослушать университетский курс по восточному факультету. Он дал ему прочесть рукопись своего перевода «Землеведение» Риттера — именно тот том, где говорится о седой древности среднеазиатских народов. Семёнов горячо настаивал на поездке Чокана в Петербург, говоря, что иначе он может погрязнуть в рутине провинциальной жизни. С этого момента мысль о столице не давала покоя Валиханову. Он уже начал было готовиться к отъезду, как вдруг неожиданное обстоятельство изменило все его планы: высшее военное начальство предписало ему немедленно отправиться в далёкое и опасное путешествие — в Кашгар.

Русское правительство с напряжённым вниманием следяло за бурными и кровавыми событиями, развёртывавшимися в этом далёком крае. «Возмущение в Кашгаре, — писал генерал Гасфорд в секретном донесении, — вспыхнуло и угрожает вскоре принять обширные размеры. Для нас вопрос состоит в том: должны ли мы оставаться равнодушными зрителями событий, происходящих в Кашгаре? Географическое положение указывает уже на важность Кашгара в политическом отношении как для России, так и для Англии». Гасфорд имел в виду только что вспыхнувшее весной 1857 г. национально-освободительное восстание кашгарского народа против кашгарских властей.

Для русского правительства было крайне важно отправить в Кашгар смелого, знающего человека, который смог бы туда тайно проникнуть и разобратся в сложной политической обстановке. Ответственная миссия выпала на долю Чокана Валиханова. Он знал о том, что многие исследователи Кашгара уже заплатились жизнью, отлично понимал, что это же грозит и ему; но впервые открыл для науки неведомый, за-

гадочный край, изучить и описать его — что может быть заманчивей для отважного учёного и исследователя?

В конце 1857 г. Валиханов приехал в укрепление Верное (Алма-Ата) и убедился, что вследствие суровой зимы и обильно выпавшего снега все пути и переходы через горы Ала-Тау закрылись. Оставалось ждать весны. Его друг Гутковский (бывший тогда товарищем военного губернатора области сибирских киргизов) с пристальным вниманием и беспокойством следил за поездкой Чокана, тревожась за судьбу его предприятия. 18 февраля 1858 г. он писал Чокану из Омска, что боится, будет ли вообще пропущен его караван. Гутковский советовал избрать путь не через киргизские земли, а через Коканд: «В Коканде существует партия, поддерживаемая ходжой; от неё, не подавая вида, можно было бы проведать кое-что о положении дел в Кашгарии и узнать, кто в Кашгарии сочувствует ходжам»². В своём письме Гутковский формулировал задание Валиханову: «Собрать положительные сведения о мере сочувствия кашгарского населения к восстановлению прежней мусульманской династии; о политическом состоянии этого края в настоящее время, о военных оного средствах вообще и в особенности о тех, которыми могли бы пользоваться ходжи; но ни под каким предлогом не должно показывать никакого сочувствия нашего правительства»³.

Наконец, в мае 1857 г. Валиханов выехал навстречу каравану семипалатинского купца Букаша Аупаева, которому пришла в голову удачная мысль: лет 20 назад из Кашгара выехал один торговец с малолетним сыном Алимом, ровесником Чокана. Семья эта так и не вернулась назад. Букаш решил выдать Валиханова за этого Алима. Чокан обрил голову, сменил свой блестящий мундир на восточный бешмет и под видом родственника караван-баши Алим-бая присоединился к каравану, следовавшему первоначально (для отвода глаз) в земли иссык-кульских каракиргизов.

Чокан и его спутники по каравану жили в гостях у каракиргизов почти месяц. Они занимались меновой торговлей и постоянно кочевали с места на место. Вскоре, однако, среди киргизов распространился упорный слух, что караван идёт в Кашгар и что среди купцов есть переодетый русский офицер. Слухи эти были тем более неприятны для Валиханова, что тут же, в аулах киргизского племени богу, было много кашгарских торговцев, которые намерены были вскоре вернуться к себе домой, в Кашгар. Последние собрались в обратный путь в начале сентября, и Чокану с несколькими товарищами удалось к ним присоединиться, не вызвав особых подозрений. По пути (в Заукинском ущелье) караван подвергся нападению воинственного киргизского отряда, Чокан с товарищами храбро отстреливались. На этот раз дело кончилось благопо-

¹ Письмо К. Гутковского Валиханову. Омск. 18 февраля 1858 года. Архив ЛИЯ. Публикуется впервые по списку КазФАН.

² Там же.

³ Достоевский Ф. «Письма». Т. I, стр. 201.

лучно. Обменявшись с отрядом пленными, путешественники поехали дальше.

Восхождение на снежные горы Тяньшаня было чрезвычайно тяжёлым. Очень интересен неопубликованный дневник Валиханова, где он красноречиво описывает свои переживания: «Окоченелые от холода, с растрескавшимися губами, мы не в состоянии раскрыть рта. В шубах, туго пошьюсанных широкими поясками, с красными носами и посиневшими от холода лицами, мы похожи на буддийских бурханов. Шарообразные наши халаты как панцири сковывают движения рук... Глубокое молчание. Окрестная картина придаёт ещё больше уныния и наводит на мрачные думы. Кругом голая, чёрно-жёлтая, вытравленная долина. Скелеты лошадей и баранов покрывают всю долину, и на многих из них ещё уцелела кожа и видны высохшие куски мяса»¹.

По пути лошади и вьючные животные срывались в пропасть и разбивались вдребезги. Часто бушевал ослепительный бурян. Наконец 26 сентября 1858 г. караван благополучно миновал проход Терек. Здесь уже повеяло югом. Климат резко изменился. На южном склоне Тяньшаньских гор снега не было, зеленели кусты чия и ковыль. При вступлении на китайскую территорию Чокан Валиханов, согласно полученным инструкциям, тщательно уничтожил все заметки, которые могли бы его уличить в случае обыска, а дневник и несколько взятых с собой книг глубоко зарыл в землю.

1 октября 1858 г. караван вступил в Кашгар, где опять была полностью восстановлена власть Китайской империи. Особое подозрение китайских таможенных служащих вызвали железные заступы, которые могли быть использованы в качестве оружия. Приезжие вынуждены были явиться к кокандскому аксакалу, высшему должностному лицу, которому китайское правительство предоставило в отношении всех иностранцев исключительные полномочия. Купцам и Чокану пришлось выдержать обстоятельный допрос. Зато после того, как они искусно провели свою роль, аксакал взял их под своё покровительство.

В дальнейшем Чокан Валиханов чувствовал себя в Кашгаре превосходно. Родственники Алима, за которого он себя выдавал, встретили его радушно и гостеприимно. Чокан держал себя так умело и осторожно, что ни разу не вызвал подозрений.

Чокан Валиханов провёл в Кашгаре более пяти месяцев (с 1 октября 1858 г. по 13 марта 1859 г.) и очень глубоко и основательно изучил нравы и быт края, его географию, историю и экономику. Все эти ценные сведения он собирал у сведущих людей и старожилов, учёных-ахунов и очевидцев, многие из которых принимали активное участие в борьбе народа за свою независимость. С большим трудом и нередко с опасностью для жизни Валиханову удалось приобрести несколько ценных документов и

исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей. Чокан изучал в Кашгаре уйгурский язык (разговорный язык кашгарцев), составил его словарь с образцами идиоматизмов, записал много народных песен.

Чокан Валиханов успешно выполнял данное ему секретное поручение. С этой целью он совершил под видом торговли ряд поездок в другие города: Бркенд, Янычар и др.

В это время в Коканде произошёл дворцовый переворот. В Кашгаре сместились кокандские представители. Новый аксакал также благоволил к Чокану и его товарищам, как и его предшественник. Слухи о «переодевом русском офицере» проникли между тем в Кашгар. Но аксакал только смеялся над всеми этими слухами. И всё же Валиханову надо было торопиться с отъездом. Аксакал дружески убеждал Чокана дожидаться конца марта, когда откроются горные пути, но, увидев, что все уговоры тщетны любезно снабдил его рекомендательным письмом к коменданту киргизского укрепления Куртки, прося принять торговцев как своих друзей.

11 марта 1859 г. караван Чокана Валиханова отправился в обратный путь, провожаемый большой толпой друзей и любопытных.

Только с большим опозданием кашгарские власти узнали, кто жил у них под именем Алима. Немедленно снарядили погоню. Но догнать караван в пределах кашгарских владений не удалось, а перейти границу преследователи не решились. 12 апреля 1859 г. Валиханов благополучно вернулся в Верный. Утомлённый, серьёзно больной, он с большим трудом добрался до Омска.

Кашгарская экспедиция создала Чокану Валиханову громкое имя. Его «Отчёт о состоянии Алтышара или шести восточных городов кытайской провинции Нан-лу (Малая Бухария) в 1858—1859 гг.» давал полное представление о прошлом и настоящем этого края. Сдерживая негодование, Чокан рассказывал в своём «Отчёте» о неслыханных насилиях китайских властей над народом, который «ненавидит бесконечно» и китайских правителей и собственную эгоистическую знать — беков. Валиханов очень сердечно отзывался о кашгарцах, утверждая, что их не знают как следует ни русские, ни китайцы.

Кашгарцы поэтичны, музыкальны, добры и общительны, гостеприимны, трудолюбивы и чрезвычайно вежливы. Особенно восхищали Валиханова гуманное отношение кашгарцев к женщине и большая свобода, которой она пользовалась, что необычно для мусульманского мира. Резкая характеристика положения трудящихся в Крае Шести городов звучала в официальном «Отчёте» Валиханова так широко обличительно, что царское правительство могло бы, собственно, отнести её за свой счёт. «Податной класс народа, — писал Валиханов, — находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии... Чиновники ничего не делают, получают жалование от китайцев, поборы с туземцев; а народ трудится, чтобы уплатить законные налоги, насытить коры-

¹ Дневник Ч. Валиханова. Архив ЛИЯ. Публикуется впервые по списку КазФАН.

столюбне китайцев и беков и чтобы не умереть с голоду... народ живёт бедно, терпит нужду и трудится вечно»¹.

С негодованием описывал Валиханов своеобразную барщину — систему клиентизма, которая заключалась в следующем: «клиенты-горожане» обязаны были доставлять своим патронам (чиновникам, бекам и даже манчжурским солдатам) мясо, сало и прочие продукты, а «клиенты-крестьяне» пахали для патронов землю, выполняли для них всякие домашние работы.

Произведённый в чин штаб-ротмистра и награждённый орденом Владимира, Чокан Валиханов был вызван в Петербург Азиатским департаментом министерства иностранных дел. Ему предложили заняться составлением карты Азии.

В Петербурге Валиханова встретили приветливо. Он приехал туда накануне крестьянской реформы 1861 г., когда прогрессивное русское общество было исполнено радужных надежд. Валиханов познакомился с выдающимися людьми того времени. Он сблизился с поэтом Аполлоном Майковым, часто встречался с Достоевским, увлекался лекциями популярного тогда историка Костомарова, посещал редакцию «Современника» и т. д. Эти влияния развивали в Валиханове его демократические настроения, укрепляли живейшие симпатии к «униженным и оскорбленным». Он читал лучшие журналы, с интересом следил за общественным подъёмом, вызванным реформой в России и освободительными движениями в Европе. Чоканом заинтересовались лучшие ориенталисты столицы — Березин, Васильев, Казем-бек. Отличное знание арабского, казахского, киргизского, уйгурского и других языков, знание истории Востока помогали Чокану Валиханову ориентироваться в сложнейших вопросах востоковедения. Он принимал живейшее участие в работе Географического общества: помогал своими сведениями по географии казахской степи, подготовлял этнографические материалы о жизни киргизов и казахов и т. д. Умный и талантливый, обладающий привлекательной внешностью, Чокан Валиханов пользовался в Петербурге большим успехом и приобрёл много друзей в различных кругах общества. Один из них, Н. Ядринцев, пишет: «...разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив... Стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения придавали ему вид европейского сибарита и джэнди... Узенькие глаза сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нечто лермонтовское и чайльд-гарольдовское»².

Петербургские друзья — писатели и учёные — по достоинству оценили незаурядные дарования Валиханова: его тонкий юмор, находчивость и остроумие, поэтическую душу и богатую восточную фантазию. Валиха-

нов любил арабскую поэзию и иногда даже давал темы для восточных стихотворений поэту Всеволоду Крестовскому.

Пребывание в Петербурге было самой счастливой порой в жизни Чокана Валиханова. Здесь он впервые очутился на воле, вырвавшись из тесного круга родных, досаждавших ему мелочным контролем и ханжескими нравоучениями. Есть предположение, что в этот период он даже успел побывать за границей. Так, например, Врангель пишет, что после Омска встречал Валиханова в Петербурге и Париже³. Сырой климат Петербурга и неумеренный образ жизни губительно отразились на расшатанном туберкулёзом здоровье Валиханова. Уже первая зима в столице настолько ему повредила, что врачи стали категорически настаивать на его немедленном возвращении на родину, в степь, для лечения кумысом. Весной 1861 г. Валиханов расстался с Петербургом и вернулся в отцовский аул Серембет.

Радостно и торжественно был он встречен родителями и близкими. Но вскоре после первой горячей встречи Валиханова с родителями между ними наступило охлаждение. Старжики с огорчением констатировали, что их сын на чужбине «испортился», не соблюдает древних обычаев и относится к ним насмешливо, недостаточно покорен и почтителен. Действительно, Чокан довольно бесцеремонно вышучивал аристократические претензии «дворян самой белой кости». Он приводил родных в ужас дерзкими замечаниями по адресу султанов и богачей, упрекал их в том, что они дурно обращались со своими недавними крепостными — толентутами. Чокан настойчиво требовал, чтобы им теперь платили жалованье, обращались почтительно, грозя в противном случае привлечь к суду жестоких хозяев.

Положение Чокана становилось всё труднее. Единственным его утешением была духовная близость с трудовым народом — казахскими крестьянами-кочевниками. «Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся»⁴, — писал он А. Майкову в Петербург. Особенно остро чувствовал он двойственность своего положения — мучительное противоречие между своими духовными запросами и демократическими убеждениями и взглядами той социальной среды, из которой он вышел. Чокан возмущался реакционностью, упорством и тщеславием чуждой ему аристократической родни; но порвать с этой средой, отказаться от преимуществ привилегированного положения не мог. С горечью сознавал он, как трудно «одному бороться со всем», убеждался, что «истина, как бы она ни была светла, не мо-

³ Врангель А. Е. «Воспоминания о Достоевском». М. 1919.

⁴ Письмо Ч. Валиханова А. Майкову от 6 декабря 1862 г. Архив ЛИЯ. Впервые приводится в рукописной работе казахского писателя Сабита Муканова «Очерки казахской литературы XIX в.» и цитируется с его разрешения.

¹ Валиханов Ч. Соч., стр. 410.

² Там же, стр. XXXVI.

жет прогнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем»¹.

Вскоре отношения с родиной резко ухудшились. Первый серьёзный конфликт возник, когда родители вознамерились женить Чокана на дочери одного султана, которому они дали слово породниться. Отказ Чокана привёл родителей в ярость. Окончательный разрыв произошёл, когда Чокан увлёкся женой толенгута, на которой собирался даже жениться. Валиханов поселился в степи и всячески старался принести пользу родному народу своими знаниями, своей деятельностью. С этой целью он выставил свою кандидатуру на административный пост старшего султана Атбасарского округа. «Сделаться старшим султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз... примером своим показать землякам, кем может быть для них образованный султан-правитель»², — так идеализированно представлял себе Валиханов свою будущую деятельность в качестве султана.

Столкновение с действительностью разрушило эту мечту Валиханова. Согласно положению, старший султан избирался из султанской и чиновной казахской среды, т. е. из «киргизов, имеющих чины или служивших по округу не менее 9 лет». В своём стремлении служить народу и просвещать его Чокан не учёл, что избирать его будут именно те богачи, аристократы и чиновники, от которых он собирался защищать обездоленную казахскую бедноту.

Радикальная программа Чокана стала известной накануне выборов и вызвала сильнейшее недовольство как у царских чиновников, так и в наиболее отсталых, реакционных слоях казахского населения. Его обвиняли в безбожии, в том, что он «держится понятия о равенстве» и не намерен отличать людей по роду и богатству. Невежественным людям внушали, что, воспитанный в русском духе, Чокан немедленно по приходе к власти «всех киргиз отдаст в солдаты, а детей их — в школы». Фанатические баганолинцы не желали иметь султаном Чокана, «человека, который имеет голову, не гладко выбритую, и притом не совершающего омовения пять раз в день».

Чокан Валиханов получил большинство голосов. Испугавшись последствий, генерал-губернатор отказался утвердить Валиханова. Кроме того в этом, видимо, сыграла определённую роль крупная взятка, которую дали враги Чокана. Поражённый Валиханов спрашивал себя: неужели же взятка в самодержавной России настолько всемогуща, что даже высшее начальство осмеливается нарушать прямые указания закона? «Я, хотя много писал обличительных статей, — с горечью писал Чокан Достоевско-

му. — но на этот раз думал — постыдятся, подлецы, ведь я не просто кто-нибудь.. Оно и правда, что законы у нас на Руз пока ещё пишутся не для генералов: известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргиз, потому что в них, знаете, больше этой восточной подострастности»³.

Но «подлецы» не постыдились. Они сумели устранить нежелательного претендента в султаны, тайно пользуясь услугами губернаторского секретаря — баварского немца. Чокан был сильно удручён этой неудачей. «Чорт знает что это такое! — восклицал он с досадой. — Хоть в пустыню удаляйся!»

Он пытался ещё бороться: писал обличительные письма в газеты, обращался к влиятельным лицам, которые принимали в нём живое участие. Редактор «Русского инвалида» Романовский обещал опубликовать его разоблачения в своей газете. Но ничто не помогало. Неудача привела Валиханова в полное уныние.

Чрезвычайно характерна для демократических взглядов Валиханова его «Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского воеводства» (1864). В этой обстоятельной «Записке» Валиханов смело изобличает невнимание царского правительства к нуждам казахского народа. Он прямо заявляет, что «на мнения привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное (разрядка моя. — А. Л.) выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бываю, большей частью, враждебны интересам массы, большинства»⁴.

Валиханов решительно возражал против преобразования древнего «суда биев» в той форме, в какой это было выгодно казахской знати и богачам, а именно: против ограничения выборности биев и публичности их суда, против предоставления этого звания только султанам и богатым старшинам с шестилетним стажем, — иными словами, против превращения народных судей в царских чиновников-бюрократов.

В другой «Записке» Чокан Валиханов резко выступил против мусульманского духовенства. Он требовал, чтобы правительство «не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию», требовал «устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей». Чокан с горечью говорил о вредных предрассудках, об ужасной нищете и темноте своего родного казахского народа, об отсутствии медицинской помощи и о тяжких недугах, результатом которых является колоссальная смертность.

Пожелания и предложения Валиханова, как и следовало ожидать, остались гласом вопиющего в пустыне. Он всё больше тяготился своим положением. Состояние здоровья его резко ухудшилось, туберкулёз прогрессировал. При встрече с Потаниным в Омске Чокан выглядел очень больным и

¹ Там же.

² Валиханов Ч. Соч., стр. 152.

¹ Цит. письмо Ч. Валиханова А. Майкову.

² Письмо Ч. Валиханова к Ф. Достоевскому от 15 октября 1862 года. Отдел редких рукописей Московской библиотеки имени Ленина. Цит. по копии писателя С. Муканова с его разрешения.

подавленным. «Я застал его лежащим по средине комнаты под киргизскими лисьими шубами, — рассказывает Потанин. — Чокан встретил меня словом: «Разлагаюсь!».. Он был очень грустен и жаловался на начальство»¹.

Чрезвычайно характерно, что глубокое разочарование Валиханова в безотрадной российской действительности времён самодержавия никогда не мешало ему попрежнему любить братский русский народ, который, так же как и казахский, страдал от гнёта и произвола самодержавия и от бюрократического самодурства. На одном из банкетов в Омске Чокан, по воспоминаниям Н. Ядринцева, услышал брошенную кем-то фразу о том, что «киргизы (казахи) ненавидят казаков». Немедленно встав с бокалом вина в руке, он заявил: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казахского войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимаю бокал и целую моего друга-казака!» и он горячо обнял Г. Н. Потанина»².

Чокан Валиханов мечтал помочь казахскому народу воспринять все достижения европейской культуры; он считал, что нужно «пробить окно в Европу», принести свет просвещения, опираясь на русскую передовую интеллигенцию. «Это был новый коран его жизни», — рассказывает Н. Ядринцев. Просветитель и гуманист, Валиханов говорил, что «прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом всё человечество. ...Когда русские бьют киргизов, я встаю против русских, — говорил он, — когда французы бьют русских, сердце моё на стороне русских»³.

В своих официальных обращениях к представителям царской власти Валиханов указывал на большое значение казахского народа для России: «Изю всех инородческих племён, входящих в состав Российской империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем, принадлежит нам, киргизам»⁴. Валиханов требовал внимания и забот о миллионном народе — людях, «которые считают себя братьями русских по отчеству и поступили в русское подданство добровольно»⁵.

Поистине замечателен этот высокий, пламенный патриотизм Чокана Валиханова, помогавший ему преодолевать глубочайшие разочарования, подавлять в себе боль оскорблённого национального достоинства. Руссификаторы и колонизаторы царской «тюрьмы народов» безжалостно глушили в

завоеванных окраинных землях малейшие проблески национального самосознания. Валиханов писал Майкову и Достоевскому об одном случае, когда с ним «поступили как с инородцем»; и с мрачным сарказмом подчёркивал: «А с инородцами в Сибири делают, что хотят, только разве собаками не травят»⁶.

Братское чувство Валиханова — любовь к великой России и к русскому народу — довольно скоро подверглось ещё более жестокому испытанию. В 1864 г. он участвовал в экспедиции генерала Черняева против кокандцев. 1 мая 1864 г. войска генерала Черняева выступили из Верного и 2 июня подступили к Аулие-Ата. Энергичное русское наступление и сильный артиллерийский огонь внесли смятение в ряды кокандцев. Несмотря на численное превосходство неприятеля в целом ряде мест города один за другим (Аулие-Ата, Чимкент, Туркестан) переходили в руки Черняева. В штабе Черняева царило большое оживление. Туда непрерывно приезжали из России инженеры, учёные, литераторы, корреспонденты, художники. Приехал и Чокан Валиханов. Он был в приподнятом, бодром настроении.

Но вскоре настроение Валиханова резко изменилось к худшему. Двойственность его положения, как офицера русского экспедиционного корпуса и в то же время казаха-«инородца», страдающего за своих братьев по крови, стала настолько невыносимой, что привела к жестокому кризису. Последовало резкое объяснение с генералом Черняевым, в результате чего Чокан Валиханов уехал сначала в Верный, затем в аул султана Тезека (Алтын Эмель). Не видя выхода из создавшегося положения, Чокан решил навсегда порвать с «цивилизованным» обществом, раз оно молчаливо потворствует угнетению народов и насильно над свободой. Поселившись в ауле, он женился на сестре Тезека и вскоре умер от туберкулёза — тридцати лет от роду (в 1865 г.). Он похоронен между Копалом и Верным, близ станции Алтын-Эмель, на урочище Кучен-Тоған.

С горечью узнали лучшие представители русского общества о печальной судьбе талантливого Валиханова.

Сейчас казахский народ самоотверженно и героически борется вместе с братским русским народом за общую, советскую родину. Доблесть советских патриотов-панфиловцев и множества других казахских героев, защищавших Москву, Ленинград, Сталинград, приводит в восхищение весь советский народ, весь цивилизованный мир. Великая мечта Валиханова о неразрывной дружбе русского и казахского народов могла осуществиться только после Октябрьской социалистической революции.

⁶ Вышецитированное письмо к А. Майкову.

¹ Валиханов Ч. Соч., стр. XXVIII—XXIX (Воспоминания Г. Потанина).

² Там же, стр. XXXVIII (Воспоминания Н. Ядринцева).

³ Там же, стр. XXXII.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ Там же, стр. 155.

С. Р. ВОРОНЦОВ И АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XVIII И XIX ВЕКОВ

Проф. Е. Штейнберг

В блестящей портретной галерее русских дипломатов есть много несправедливо забытых имён. К их числу относится имя Семёна Романовича Воронцова, которого с полным правом можно считать одним из создателей русской дипломатической школы.

Фигура С. Р. Воронцова не укладывается в рамки одной определённой эпохи. Он прожил восемьдесят восемь лет и пережил шесть царствований. Его ранняя юность протекала при Елизавете Петровне, а скончался он в 1832 году. Он был свидетелем Семилетней войны и дворцового переворота 1762 г., участвовал в славных битвах с турками; он пережил Великую французскую революцию и наполеоновские войны, падение Бонапарта и Священный союз, восстание декабристов в России, июльскую революцию во Франции.

Свеобразная и колоритная фигура С. Р. Воронцова не получала должного освещения в русской историографии. Обстоятельная биография Воронцова, написанная Д. Рябинным и опубликованная в первых четырёх книжках «Русского Архива» за 1879 г., небольшой очерк, посвящённый его деятельности в монографии В. Бельбасова «Россия и Англия в XVIII веке», несколько биографических заметок в энциклопедиях и справочных изданиях (например в «Русском биографическом словаре»), краткое упоминание в первом томе нашей советской «Истории дипломатии», собственно говоря, исчерпывают литературу о С. Р. Воронцове.

А между тем Воронцов был бессменным русским послом в Англии в течение 21 года. Он всегда был в курсе всей европейской политики, и его компетентными консультациями пользовались руководители Российской коллегии иностранных дел, а также Екатерина II, Павел I и Александр I. Но особое внимание Воронцова уделял проблемам англо-русских отношений, и не только по должности, а в силу своих симпатий и политических воззрений.

Исследователь, который пожелает в наши дни изучить деятельность С. Р. Воронцова, имеет в своём распоряжении обширный материал первоисточников. Прежде всего это хорошо известный многотомный «Архив князя Воронцова», издававшийся П. Бартевым с 1870 г. по начало 90-х годов XIX века. Некоторые документы, впоследствии напечатанные в Архиве князя Воронцова, были предварительно опубликованы Бартевым в первой книге издававшегося им же Русского Архива в 1876 г., первых

трёх книгах того же издания за 1879 г.; в последней книге за 1872 г. и т. д. Сюда относятся автобиографическая записка С. Р. Воронцова, часть его переписки с Екатериной II и некоторые его письма к графу Безбородко, Остерману, Растопчину и другим, скопированные с подлинников, заимствованных из Архива министерства иностранных дел. Значительная часть документов, касающихся дипломатической деятельности Воронцова, ещё до сих пор не опубликована и хранится в соответствующих фондах наших архивов (главным образом в ГАФКЭ и Архиве внешней политики).

★

С. Р. Воронцов родился в 1744 году. Семья Воронцовых в царствование Елизаветы Петровны пользовалась особыми милостями императрицы и занимала высокое положение при дворе. При Петре III Воронцовы ещё больше возвысились. Дядя будущего дипломата граф Михаил Илларионович играл руководящую роль во внешней политике. Сестра Семёна Романовича Елизавета была фавориткой Петра III и пользовалась огромным личным влиянием.

Переворот 1762 г. был жестоким ударом для семьи Воронцовых. И дядя, и отец Семёна Романовича, и, разумеется, сестра его, Елизавета, оказались в опале. Правда, впоследствии Екатерина простила их, однако никогда императрица не забывала Воронцовым их близости к Петру III и относилась к ним холодно и недоверчиво.

Семён Воронцов служил под начальством Румянцева, участвовал в знаменитой турецкой кампании 1768—1774 гг. и отличился в сражениях при Ларге и Кагуле. Однако военная карьера Семёна Романовича скоро оборвалась. Независимостью во взглядах и презрением к низкопоклонству он оттолкнул от себя многих влиятельных людей и приобрёл опасных врагов в лице могущественного Захара Чернышёва и ещё более могущественного Григория Потёмкина. В 1776 г. Воронцов вышел в отставку, путешествовал почти два года по Италии, затем некоторое время жил в России уединённой семейной жизнью, а в 1782 г. снова вступил на государственную службу по дипломатическому ведомству, получив назначение — послом в Венецию. Но это назначение оказалось, в сущности, sinecурой, а Воронцов не любил и не умел наслаждаться чиновничьим бездельем. Он хлопотал о переводе на более

живую, серьёзную и интересную работу и при помощи влиятельных друзей и брата, Александра Романовича получил новое назначение — послом в Лондон.

Воронцов прибыл в Лондон летом 1785 года. Международно-политическая ситуация в Европе была тогда довольно тревожной. Только что закончилась большая война между Англией и Францией, и грозная атмосфера всё ещё не разрядилась. Зарождались новые группировки и коалиции, плелась тончайшая сеть дипломатических интриг, составлялись проекты секретных договоров, замыслились новые, большие и малые, войны.

Отношения между Англией и Россией в ту пору были напряжённые. От того дружественного сотрудничества, которое существовало между обеими державами в 70-х годах того же, XVIII в. не осталось и следа. В Англии не могли простить русской дипломатии систему «вооружённого нейтралитета», созданной Екатериной и причинившей англичанам столь значительный ущерб во время войны Англии против Соединённых Штатов Америки и Франции. С начала 80-х годов в Лондоне стало заметно укрепляться прусское влияние, тем более сильное, что Георг III был не только английским королём, но и курфюрстом ганноверским, и в этом своём качестве был тесно связан с прусским двором. А Пруссия в этот период занимала резко враждебную позицию по отношению к России, и прусские дипломаты из кожи вон лезли, чтобы испортить англо-русские отношения.

С. Р. Воронцов уже в первых своих письмах из Лондона трезво оценивал создавшееся там, крайне неблагоприятное для России, положение. Он констатировал, что «немцы короля затащили в сети, коих он не видит и в коих он теперь упрямуствует. Королева весьма набожна, окружена немецкими пасторами, кои выдают себя за учёных, а сих двух состояний люди во всей немецкой земле фанатики суть хитрого Фредерика»¹. В другом месте он говорит о короле Георге III: «Взирая на его страсть к королю прусскому, кажется, что душа Петра III переселилась в его тело»².

Впрочем, ухудшение англо-русских отношений в этот период объясняется не только прусским влиянием и даже не только екатерининской политикой «вооружённого нейтралитета». После американской войны за независимость, когда английские владения в Америке были безвозвратно утеряны, центр английских колоний переместился на Восток. В результате военной и дипломатической деятельности Клайва и Хастингса было установлено британское политическое господство в Индии. Индия теперь рассматривалась как основа английской колониальной системы, и в связи с этим успешная экспансия России на Чёрном море

и на Ближнем Востоке ввела Питту и его соратникам серьёзные опасения.

Воронцов приехал в Лондон, будучи твёрдо убеждён в целесообразности и пользе союза между Англией и Россией. В этом вопросе он разделял взгляды своего старшего брата Александра, который до него занимал дипломатический пост в Англии. Оба брата Воронцовы были яркими противниками прусской ориентации, которая преобладала во внешней политике петербургского двора в первый период екатерининского царствования, когда во главе коллегии иностранных дел стоял граф Н. И. Панин. Воронцовы считали Пруссию главным врагом России и в противовес пруссофильскому курсу Панина выдвигали идею союза России с Англией.

«Я не вижу, — писал Воронцов в одном из первых своих лондонских писем, — что помешало бы двору нашему войти в обязательство с державой, которая нам никогда не вредила, может, напротив, помогать по разным случаям. Мы сильны на земле, она сильна на море. Что может тогда Франция сделать своими флотами, коими токмо может помогать Порте и Швеции?»³.

Такова была основная, руководящая идея, направлявшая всю долголетнюю дипломатическую деятельность Воронцова. Момент, когда он принял своё новое назначение, был, как мы видели, крайне неблагоприятным для осуществления этой идеи. И королевский двор и правительство Уильяма Питта были явно предубеждены против России, и прусское влияние в Лондоне расцветало пышным цветом. Да и в Петербурге идея союза с Англией тогда ещё не могла быть популярной; если прусская ориентация после отставки Панина была решительно отвергнута, то императрица склонялась скорее к мысли о сближении с Францией. Но Воронцов тотчас же по приезде в Лондон со свойственной ему энергией и упорством принялся за выполнение своего плана.

Прежде всего нужно было как следует узнать Англию и англичан. Того, что знал он из книг и по рассказам брата, было далеко не достаточно для деятельности посла, как он её понимал. «Нужно было изучить характеры тех, кто руководит управлением, а также и тех, кто могут в один прекрасный день их сменить, так как смены министерства случаются часто. Нужно было узнать и изучить все различные партии, на которые разделена страна и которые так или иначе воздействуют друг на друга. Мне было очень трудно, но я приложил все усилия, чтобы понять этот кажущийся хаос, который, однако, основан на удивительно стройной системе. Я почёл своим долгом хорошо ознакомиться с этой, столь своеобразной страной, чтобы иметь возможность в случае необходимости быть полезным моей родине; и это действительно понадоби-

¹ Архив князя Воронцова, Кн. 16-я, стр. 188. Письмо к А. А. Безбородко от 8 (19) августа 1785 года.

² Там же, стр. 201—202. Письмо к А. А. Безбородко от 19(30) декабря 1785 года.

³ Там же, стр. 190. Письмо к А. А. Безбородко.

лось через шесть лет после моего приезда сюда»¹.

Воронцов не удовлетворился только изучением английской конституции, правительства, парламентской системы, столичного общества. Ему мало было Лондона, он хотел узнать всю Англию: её порты и верфи, её бурно разраставшиеся мануфактуры, её быт и национальные особенности. Летом 1787 г. Воронцов отправился в Ричмонд, затем в Саутгемптон, который впоследствии стал его излюбленным местом отдыха. Из Ричмонда он писал брату: «Я хочу понежному осмотреть весь этот прекрасный остров. В будущем году я поеду в Бат, Бристоль и в некоторые другие города. Ещё год спустя отправляюсь в Йоркшир и Дербишир»².

Уже первые впечатления, вынесенные Воронцовым, укрепили его симпатии к Англии. В письмах к брату он восторгается природой и бытом Англии и отдаёт должное её политическому строю, который значительно больше импонировал его либерально-аристократическому образу мыслей, чем российское военно-чиновничье самодержавие. Но больше всего его восхищали успехи англичан в области экономического развития и научный прогресс в стране: «Что касается до торговли, мануфактур, земледелия и наук, относящихся к физике и механике, то я не думаю, чтобы какая-нибудь страна во вселенной могла сравниться с Англией»³.

С первых месяцев своего пребывания в Англии Воронцов развернул интенсивную дипломатическую деятельность, поставив себе задачу — добиться разрыва англо-прусского союза и создать благоприятные условия для сближения Англии с Россией. Воронцов скоро понял, что рассчитывать на благожелательное отношение к России со стороны английского королевского двора, этого главного оплота прусской политики, не приходится. Но он понял и другое: что, по сути дела, высокая политика уже делалась помимо короля и часто вопреки его воле, а решающее влияние на государственные дела принадлежало парламентскому большинству.

И поэтому русский дипломат в своих первых переговорах с правительством искусно использовал противоречия между государственными интересами Великобритании и династическими интересами Ганноверского дома. Он настойчиво убеждал английское правительство в том, что «сию-то ганноверскую с Берлином связь надо рушить: ибо они здесь думают оправдаться, говоря, что всё сие не есть аглицкое дело и что сия земля за курфирста не отвечает; а я, вопреки им всегда доказывал, что пока курфирст и король нераздельно во единой особе находятся, то кто сердит на первого, досаду делит и на второго и не может быть дружен с

землёю, которую он управляет». Он твёрдо отводит всякие дипломатические увёртки своих собеседников, ставя вопрос прямо и недвусмысленно, «чтобы совет королевский решил, что полезнее для Англии: дружба Ганновера с Берлином или Петербурга с Лондоном, что первая опровергает до основания вторую и чтобы он подумал с товарищами своими в правлении, какие вредные могут быть следствия, если немецкие интересы превозмогут в сем случае аглицкие»⁴.

Воронцов интересовался политической экономией, знал знаменитое сочинение Адама Смита и разделял многие воззрения великого английского экономиста. Он отлично усвоил ту непреложную истину, что экономические связи и экономические выгоды имеют решающее значение для направления внешней политики Великобритании. «Надо знать, — писал А. А. Безбородко, — что здешняя нация ни на что так не уважает, как на торговлю, для которой все прочие интересы жертвует, и что даже и те сами, кои не участвуют в какой ни есть отрасли оной, кричат, когда она пресечётся, как будто у них самих всю собственность отымают. Аглицкая здесь с Россией торгующая компания в столь почтенном и цветущем состоянии находится, что есть первая изо всех после Ост-Индской богатством, важностью и кредитом контор её составляющих»⁵.

Воронцов хорошо знал, какие выгоды доставляет английским коммерсантам и судовладельцам вывоз русского леса, пеньки и прочего сырья; он видел, какое значение приобретает русский рынок для английских текстильных мануфактур, и, наконец, он сумел правильно оценить растущую роль и влияние молодой промышленной буржуазии в политической жизни Великобритании. В переговорах с Питтом и его министрами Воронцов прибегал главным образом к этому экономическому рычагу, доказывая выгоду для Англии развития торговых сношений. В своих беседах с Питтом Воронцов обнаруживал столь же основательное знакомство с английской экономикой, сколь и блестящее дипломатическое дарование. Опираясь фактами и цифрами, русский посол отводил попытку своего собеседника преуменьшить значение для Англии русского сырья, вывозимого не только для потребления его внутри Англии, но и для выгодного реэкспорта его за границу.

В то же время в своих официальных докладах и частных письмах на родину Воронцов настойчиво рекомендовал по мере возможности оттягивать и тормозить возобновление русско-английского торгового договора, чтобы таким образом оказать давление на британское правительство и побудить его изменить свой внешнеполитический курс. «Приходится непременно допустить одну из двух возможностей, — писал Воронцов в это время брату, — либо король вовсе не желает договора с нами, а Питт, по каким-то важным соображениям желая ему угодить, вынужден доказывать.

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 8-я, стр. 18. Автобиографическая Записка С. Р. Воронцова (французский текст).

² Архив князя Воронцова. Кн. 9-я, стр. 98. Письмо к А. Р. Воронцову от 11 (22) июня 1787 г. (французский текст).

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, кн. 16-я, стр. 185 (русский текст, орфография подлинника).

⁵ Там же, стр. 190.

что наши принципы неприемлемы; либо он (т. е. Питт.—Е. Ш.) полагает необходимым чинить затруднения, надеясь, что мы пойдём на некоторые жертвы и предоставим ещё больше льгот англичанам в России, чтобы в конце концов как бы от избытка дружбы к нам признать нашу аксиому вооружённого нейтралитета. В этом последнем случае чем больше у нас будут упорствовать, тем больше они будут спешить закончить это дело во что бы то ни стало. Но если британский кабинет, в утешение королю, лишь ищет предлога, чтобы воспрепятствовать заключению договора, то я имею все основания полагать, что здесь будут раскаиваться в этом ложном шаге. Не пройдет и года, как нас станут умолять о возобновлении договора и мы сможем добиться наилучших условий»¹.

Усилия Воронцова оказались тогда безуспешными. Начавшаяся вскоре новая русско-турецкая война и вспыхнувшая во Франции великая революция ещё больше затруднили возможность англо-русского сближения. Новое наступление России на Ближнем Востоке было встречено с негодованием правительственными кругами Лондона, а блестящие успехи русских войск, руководимых великим Суворовым, и русское флота под начальством знаменитого Ушакова породили здесь необычайную тревогу. К тому же на первых порах после французской революции многие англичане и даже сам Питт надеялись на то, что, ослабленная революцией, лишённая сильной власти, Франция будет надолго лишена возможности соперничать с Великобританией на морях и в колониях. Стало быть, с их точки зрения, главным, если не единственным опасным, врагом Англии становилась Россия.

Сторонники Питта делали всё возможное, чтобы разжечь англо-русский конфликт. В своих парламентских выступлениях они старались запугать общественное мнение страны, всячески муссируя «русскую опасность». Так, например, лорд Бэлгрейв утверждал, что истинные цели русской политики гораздо шире, чем только стремление овладеть Очаковом и укрепить северное побережье Чёрного моря; по его мнению, если русским удастся пройти через Дарданеллы, то они смогут «напасть на Александрию», завоевать превосходство на Средиземном море, и тогда Россия будет страшным противником для Англии². Приблизительно ту же точку зрения выражали Стэнли, Дандас и др. Дандас даже высказывал опасения за безопасность британских владений в Индии, «если Россия станет хозяйкой на Архипелаге, в Египте, на Красном море»³.

Сторонники Питта сознательно преувеличивали «русскую опасность» для Англии,

ибо вся их политика была направлена к созданию обширной колониальной империи на Востоке, и они стремились устранить всякие помехи и препятствия, возникающие на пути к этой цели, не останавливаясь даже перед крупными вооружёнными конфликтами.

Эту политику поддерживали английская земельная аристократия, королевский двор, крупные финансисты, связанные с Ост-Индской компанией и другими крупными колониальными предприятиями. Но большинство нации, в том числе и передовая часть английской буржуазии — промышленники и судовладельцы, — держалось иного мнения. Принцип свободной торговли, теоретически обоснованный в сочинении Адама Смита, как нельзя более отвечал интересам и стремлениям передовых кругов английской буржуазии, ибо британская промышленность могла не опасаться чьей-либо конкуренции. Что касается широких народных масс Англии, то они, по естественным причинам, всегда были против захватнических войн, которые не сулили им ничего, кроме повышения налогового обложения, вздорожания предметов первой необходимости и иных тягот.

Эти настроения широких кругов английского общества нашли своё политическое выражение в деятельности партии вигов. Руководимая блестящей плеядой парламентских ораторов, публицистов, общественных деятелей, в числе которых были знаменитый Чарльз Джемс Фокс, выдающийся драматург Ричард Бринсли Шеридан, предполагаемый автор нашумевших «Писем Юлиуса» сэр Филипп Фрэнсис и другие, вигская партия систематически разоблачала в парламенте и в печати агрессивную политику Питта. В обеих палатах английского парламента виги резко критиковали политику территориальных захватов в Индии и закабаления индийских князей. Они всячески противодействовали дипломатическим авантюрам Питта в Европе и особенно восставали против англо-прусского союза, направленного против России. Вигская оппозиция доказывала, что между Англией и Россией нет непримиримых противоречий, что, напротив, конфликт с Россией подорвёт англо-русскую торговлю и нанесёт огромный вред британскому судоходству и мануфактурам. Грей, один из видных вигов, внесший в палату общин весной 1791 г. запрос «о приготовлениях к войне с Россией», говорил: «Наша торговля с Россией всегда была наиболее выгодной. Она снабжала материалами наши мануфактуры и была отличным питомником для наших моряков. Наш экспорт в Россию доходил ежегодно до 2 миллионов фунтов стерлингов, а наш импорт — 1 миллиона. Пошлины на экспортную торговлю составляли ежегодно 300 тыс. фунтов стерлингов. В этой торговле было занято свыше 350 кораблей, почти сплошь, за исключением четырёх — пяти, британских. Спросим: мудро ли, осмотрительно ли прерывать такую торговлю?»⁴.

⁴ Debate on Mr. Grey's Motion, respecting the preparations for a war with Russia, 1791, April 12. Parliamentary History, T. XXIX, p. 175.

¹ Архив князя Воронцова, кн. 9-я, стр. 77. Письмо к А. Р. Воронцову 31 октября (11 ноября) 1786 года (французский текст).

² Debate on Mr. Grey's Motion respecting the preparations for a war with Russia. Hansard's parliamentary History, T. XXIX, p. 187 — 192.

³ Debate in the commons, 1792, February 29. Parliamentary History, T. XXIX, p. 949.

Правительство Питта, подогреваемое ставками прусской дипломатии, упрямо продолжало свою агрессивную политику. К весне 1791 г. была снаряжена английская эскадра для отправки в Балтийское море. Питт и его сторонники даже не старались скрывать того, что война с Россией — дело решённое. Исчерпав все средства дипломатического воздействия, Воронцов принял необычное для дипломата того времени решение: через голову двора и правительства апеллировать к широким кругам английского общества. Он достаточно хорошо успел узнать английские политические нравы, чтобы не делать тайны из своих действий. Вопреки «священным» традициям дипломатического этикета он откровенно и резко заявил министру иностранных дел герцогу Лидсу, что считает своим долгом сделать всё, чтобы помешать «несправедливой и вредной для обеих стран войне», которую английское правительство упрямо стремится развязать из-за совершенно безразличного для Англии Очакова. «Я заявляю вам, господин герцог, — твёрдо и решительно говорил русский посол, — что приложу все возможные старания, чтобы нация была осведомлена о ваших проектах, столь противоречащих интересам страны, и я слышком хорошего мнения об английском здравом смысле, чтобы не надеяться на то, что общепризнанный голос не заставит вас отказаться от этого несправедливого предприятия»¹.

Воронцов обратился к вигам и прежде всего к влиятельнейшему из них — Фоксу. Великолепный оратор, блестящий публицист, талантливый государственный деятель, Фокс был одним из наиболее известных людей не только в Англии, но и во всей Европе в XVIII веке. У него было множество друзей и почитателей в Англии и на континенте, но не меньше заклятых и непримиримых врагов. Принц Уэльский был его близким приятелем, но король Георг III и любимцы короля страстно ненавидели Фокса. Фокс не был революционером. Он не был даже радикальным демократом в истинном смысле этого слова, и, однако, он не раз страстно и убеждённо обличал реакционные и агрессивные действия правительства, происки королевских фаворитов и чиновников как в области внутренней, так и внешней политики. При дворе Георга III, как впрочем и при дворе Екатерины II, Фокс считался «якобинцем», а его богемный образ жизни давал широкий простор для всяческих сплетен и инсинуаций, распространявшихся джентльменами из шеридановской «Школы злословия».

Именно к этому человеку русский посол обратился за содействием.

Фокс охотно и горячо поддержал усилия Воронцова, направленные на предотвращение военного столкновения между Англией и Россией. Он сам и другие лучшие ораторы вигской оппозиции чуть ли не ежедневно выступали в обеих палатах с отлично аргументированными речами, протестуя про-

тив авантюристической политики кабинета и доказывая пользу сближения Англии с Россией.

«Господин Фокс говорил, как ангел, — писал Семён Романович брату после парламентских дебатов в марте 1791 года. — Он доказал, что этот проклятый вооружённый нейтралитет, из-за которого здесь так озлоблены против России, был делом рук берлинского двора, что и шведский двор принял в этом большое участие, и, однако же, здесь упорно поддерживают оба эти двора и лишь к России всё время придираются»².

Воронцов отправил в Петербург текст одной из речей Фокса, а в ответ императрица Екатерина, которая ещё недавно так не жаловала лидеров вигов, просила посла заказать бюст Фокса из белого мрамора, чтобы установить его в своей колоннаде «между бюстами Демосфена и Цицерона. Он (т. е. Фокс. — Е. Ш.) своим красноречием избавил свою родину и Россию от бессмысленной и несправедливой войны»³.

Блок между левым крылом английской либеральной оппозиции и русским абсолютизмом может показаться странным и неожиданным, но он отнюдь не являлся противоестественным. Посол русской царицы обратился к Фоксу потому, что видел в нём и его партии силу, заинтересованную в поддержании дружественных связей Англии с Россией. Поклонник и пламенный защитник французской революции, Фокс вступил в сношения с Воронцовым, послом Северной Семирамиды, отнюдь не из симпатий к русскому самодержавию, а из глубокого убеждения в том, что англо-русская дружба, основанная на экономическом сотрудничестве, соответствует интересам его родины. Как Воронцов, так и Фокс руководились прежде всего истинно патриотическими чувствами и проявили настоящий политический здравый смысл.

Виги не ограничились парламентской трибуной для пропаганды идеи англо-русского сближения. Они организовали множество публичных митингов, писали статьи в различных газетах, издавали специальные брошюры. Одну из таких брошюр, написанную близким другом и учеником Фокса, адвокатом Адером, Воронцов приказал перевести на русский язык и отправил в Петербург⁴.

Брошюра эта подробно излагает и обосновывает точку зрения левого крыла вигов и прежде всего самого Фокса на внешнюю политику Великобритании; она резко осуждает колониальные захваты и связанные с ними войны.

Вся энергичная кампания, которая весной 1791 г. развернулась в Англии против войны с Россией, протекала при активном участии С. Р. Воронцова. Русский посол не

² Архив князя Воронцова. Кн. 9-я, стр. 190 (французский текст).

³ ГАФКЭ. Сношения России с Англией. Д. № 419, л. 3.

⁴ Вскоре Адер по поручению Фокса отправился в Петербург, и Воронцов снабдил его рекомендательными письмами.

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 8-я, стр. 20 (французский текст).

щадил сил, чтобы воздействовать на английское общественное мнение.

В результате этой кампании вся страна и особенно промышленные центры — Манчестер, Норвич, Лидс, Глазго, Шеффилд и др. — забали тревогой. То и дело собирались многолюдные митинги, выносившие резолюции протеста против политики Питта. Десятки депутатов от крупных фабрикантов, коммерческих компаний и судовладельцев отправлялись к Питту и герцогу Лидсу, требуя гарантии мира и беспрепятственных торговых сношений с Россией. Правительство пыталось бороться с этими демонстрациями репрессивными мерами, но решительно ничего не добилось.

В апреле 1791 г. Воронцов сообщал своему правительству, что Питт, оказавшись в критическом положении, вынужден был «отступить от всех мер, в кои было он толь неблагоприятно вошёл, угождая двору берлинскому»¹. Полтора месяца спустя в депеше Воронцова говорилось о том, что правительство «потеряло большую часть своего кредита в земле» и, оказавшись не в состоянии отразить в парламенте атаки оппозиции, должно было решиться на крайний шаг и распустить парламент².

В конце концов Питту пришлось признать своё поражение. Эскадра, предназначенная для отправки в Балтийское море, была разоружена, переговоры с Швецией о предоставлении ей субсидии для войны с Россией были прерваны, а в Петербург был отправлен специальный уполномоченный для переговоров. Война была предотвращена, и в этом деле Воронцову принадлежала большая и почётная роль.

События весны — лета 1791 г., собственно говоря, явились переломным пунктом в истории развития англо-русских отношений. Французские дела снова коренным образом изменили международное положение Европы. Надежды Питта на то, что революция ослабит Францию и заставит её отказаться от активной внешней политики, не оправдались. Враждебность правительства Питта к революционной Франции всё более усиливалась, и в феврале 1793 г. началась знаменитая англо-французская война, порождённая возродившимся англо-французским соперничеством на континенте Европы и особенно на морях и в колониях. В поисках надёжных союзников Питт невольно обращает взоры в сторону могущественной российской державы. Антирусские тенденции в политике британского правительства всё более слабеют, уступая место тенденции к англо-русскому соглашению.

Воронцов, со своей стороны, приложил все старания, чтобы осуществить свою давнишнюю задачу. «Я предвидел, — писал он впоследствии, — что развитие французских дел неминуемо приведёт к распри между Англией и Францией и тогда Англия рада будет иметь Россию своей союзницей. Мне оставалось лишь завоевать доверие мнни-

стерства, и я добился этого единственно возможным путём — откровенностью»³.

В марте 1793 г. была подписана англо-русская конвенция, направленная против Франции, и Питт удовлетворённо сказал своему недавнему противнику — русскому послу: «Европа спасена, раз две наши страны достигли согласия»⁴.

Добиваясь союза с Англией против Франции, Воронцов исходил не из принципиальной враждебности к революционной Франции. Разумеется, с его умеренно либеральными воззрениями русского просвещённого барина XVIII в. он не только не мог принять революционно-демократических принципов, воодушевлявших в ту эпоху французское общество, но чувствовал непреодолимое отвращение ко всему якобинскому. Однако это не была та зоологическая ненависть, которая толкала на борьбу против Франции, во имя защиты основ абсолютизма, реакционные круги России и Западной Европы.

Антифранцузская деятельность Воронцова, стало быть, определялась иными, более практическими и реальными, соображениями. Он был убеждён в том, что сильная и воинственная Франция, безотносительно к своему политическому строю, будет стремиться к гегемонии на европейском континенте и что её внешнеполитическая экспансия представит серьёзную угрозу для интересов России в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Конвенция 1793 г. ещё не являлась военным союзом Англии и России, но она была первым и важным этапом на пути к этому союзу. Военный союз между Англией и Россией был окончательно оформлен в 1795 г.; он сыграл впоследствии решающую роль в борьбе против агрессии Наполеона. Характерны и весьма интересны те соображения, которые высказывал Воронцов в 1793 г. об основах этого будущего англо-русского союза. Определяя принцип взаимной помощи Англии и России против любой европейской державы, русский посол в то же время оговаривал, что обязательства взаимной помощи не должны распространяться «на войны, которые Англия, возможно, будет вести с государствами Америки в Африке и в Ост-Индии, а Россия — с Персией, Китаем и государствами великой Татарии». Комментируя этот принцип, Воронцов замечает: «Исключение из «casus foederis» нам выгодно, ибо, конечно, английская помощь против персов, китайцев, татар никогда нам не понадобится и в то же время она избавляет нас от обязательства оказывать такую же помощь Англии, когда она станет воевать с Типо—саибом, мараттами, Моголом и Соединёнными Штатами Америки»⁵. Таким образом, Воронцов уже тогда делал попытку полюбовно размежеваться с Англией не

³ Архив князя Воронцова. Кн. 8-я, стр. 24 (французский текст).

⁴ Записка С. Р. Воронцова о жизни и деятельности Питта. Архив князя Воронцова. Кн. 15-я, стр. 461 (французский текст).

⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 9-я, стр. 307 (французский текст).

¹ ГАФКЭ. Сношения России с Англией, д. № 422, л. 175.

² Там же, д. № 423, лл. 76—77.

только на европейском, но и на азиатском континенте.

На протяжении ряда лет Воронцов последовательно и твёрдо отстаивал идею объединения сил Англии и России для борьбы против Франции, политика которой в период Директории, а особенно Консульства, всё более и более теряла свой революционно-демократические черты, обретая явно агрессивный характер. Он поощрял и своё правительство и Англию к активным военным действиям «не столько под влиянием всегдашней антипатии своей к французам, сколько по предвидению грозных последствий завоевательной их политики, какие осуществились потом для Европы под сокрушительной рукой Наполеона»¹. Он с гордостью и восхищением следил за победоносным походом великого Суворова в Италию и вербовал в его армию английских волонтёров².

В 1800 г. Павел I, увлечённый сумасбродным планом похода на Индию, резко изменил курс внешней политики: англо-русский союз был расторгнут, и Павел вступил в сношения с Бонапартом. Призрак войны между Англией и Россией возник снова. Престарелый Воронцов и здесь остался верен своим принципам и убеждениям, несмотря на то что жестоко пострадал за них: в мае 1800 г. он был уволен в отставку, а затем последовало царское распоряжение о конфискации одной части его имений и наложении секвестра на другую часть их.

Переворот 1801 г. положил конец опале Воронцова. В первые же дни царствования Александра I конфискованные и секвестрированные имения были возвращены Воронцову и он снова занял свой дипломатический пост, на котором оставался до 1806 года. В течение всех этих пяти лет, когда Европа обратилась в арену долгих и разорительных войн, порождённых агрессивней Наполеона I, Воронцов, несмотря на преклонный свой возраст и недомогания с неослабной энергией продолжал добиваться своей главной цели — активизации борьбы с наполеоновской империей. Теперь он решительно поддерживал своего бывшего противника — Питта — и занимал резко враждебную позицию по отношению к своему союзнику 1791 г. — Фоксу³, ибо последний продолжал ратовать за прекращение войны с Францией, тогда как Питт способен был и желал вести эту войну. А для Воронцова основным и решающим в его политических симпатиях был именно этот момент, так как наполеоновская Франция стала самым страшным врагом его родины. И Воронцов неизменно продолжал отстаивать идею необходимости и пользы англо-русского союза, считая такой союз

единственной силой, способной сокрушить Наполеона. «Этот узурпатор,— писал Воронцов,— теперь убедился в том, что он не в силах завоевать Англию, и он, разумеется, никогда не сумеет этого осуществить. Но утешением ему служит то, что он правит европейским континентом. Потерять это господство он может только в результате постоянного союза между этой страной (Англией. — Е. Ш.) и нашей, и без этого союза Европа никогда не обретёт ни спокойствия, ни устойчивого равновесия... Этот союз не есть династический пакт, это пакт страны со страной, нации с нацией, который, объединяя их, должен объединять и тех, кто ими правит и кто будет ими править в будущем. Найдутся ли на всём земном шаре ещё две другие страны, которые по их местоположению, по различному роду их мощи могут подобно России и Англии быть свободными от всякой взаимной зависти, страха и недоверия и столь плодотворно сотрудничать друг с другом?»⁴.

Когда разразилась Отечественная война 1812 г., с тревогой следил Воронцов за развернувшимися трагическими событиями, с какой огромной радостью и гордостью писал он фельдмаршалу Кутузову, отвечая на полученное от него после изгнания французов из России письмо! В своём письме Воронцов восторженно отзывается о военных талантах, твёрдости духа и патриотических чувствах своего старинного приятеля, ставшего одним из величайших русских полководцев. «Вы,— пишет он Кутузову,— притом ознаменовали ваше совершенное познание нрава русского народа, коего свойства, превышая все похвалы, дают оному неоспоримое преимущество над всеми другими, кои прославились в истории света»⁵.

Лорд Гренвиль как-то упрекнул Воронцова в том, что он сочувствует английской оппозиции. «Я ответил ему, что он меня плохо знает, что я не принадлежу ни к какой партии, кроме партии моей родины, что я русский и только русский, что мне совершенно безразлично, правит ли страной его кузен и друг Уильям Питт или Чарльз Фокс, лишь бы это был человек, желающий поддержать доброе согласие между Россией и Англией, и что всякий, кто будет иметь такое желание, столь разумное и основанное на истинных интересах и выгодах обеих стран, всегда найдёт во мне усердного сотрудника для осуществления этого доброго дела»⁶. В одном из писем к брату он пишет: «Честь моей родины превыше всего для меня на свете»⁷.

До последнего своего вздоха Воронцов оставался верным сыном России.

¹ Рябинин Д. Биография С. Р. Воронцова. «Русский Архив», 1879, кн. 3-я, стр. 324.

² Архив князя Воронцова. Письмо к фельдмаршалу Суворову. Кн. 16-я, стр. 314—315.

³ Там же. Кн. 15-я. Письма С. Р. Воронцова к А. Чарторыжскому.

⁴ Архив князя Воронцова. Кн. 15-я, стр. 478—479 (французский текст).

⁵ Там же. Кн. 16-я, стр. 395 (русский текст).

⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 8-я, стр. 28 (французский текст).

⁷ Там же. Кн. 9-я, стр. 195.

ЛИФЛЯНДСКИЕ БАРОНЫ В РОЛИ ТЕОРЕТИКОВ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Акад. Р. Вуннер

Помимо войны, всеобщего разрушения и разорения феодализм несёт с собой ещё и глубоко реакционные начала социального устройства. Он возвращает европейское общество к давно пережитым формам рабовладельческой эпохи. Германские оккупанты посылают взятых на войне пленников на каторжные работы, применяют по отношению к народам оккупированных ими стран нормы средневекового крепостного права.

Меня как историка, работавшего в 1924—1940 гг. в архивах и библиотеках Риги над вопросами возникновения и господства крепостного права в старой Лифляндии, поразила одна аналогия. В том самом крае, где сейчас подвизаются фашистские оккупанты в деле возобновления средневековых форм угнетения народа, за несколько веков до нашего времени (от XV до XVIII), у них были предшественники: это дворяне-крепостники, которые усердно работали над восстановлением рабовладения. Факты, сюда относящиеся, неизвестны широким кругам общества СССР, но по своему большому культурно-историческому интересу они заслуживают полного к себе внимания. В Европе не найдётся другой страны, которая бы в такой мере, как Лифляндия, изобиловала юридическими памятниками эпохи крепостного права. Нигде больше дворянство не проявляло такого усиленного законодательного творчества, так много не исписало бумаги для закрепления своих притязаний. Нигде крепостное право не получало такой точной юридической формулировки, нигде оно не могло бы похвалиться такой богатой терминологией, как в Лифляндии.

Объяснение этого факта лежит в самой судьбе ливляндского крепостного права. Во времена орденско-епископского устройства Лифляндии крепостное право успело сложиться лишь в качестве института частного-правового характера; о возведении его на степень государственного закона дворянству пришлось хлопотать после падения ордена в сцене сложных политических условиях: в 1561 г. Лифляндия подчинилась Польше, в 1629 г. — Швеции, в 1710 г. — России. Сменяя одного за другим трёх господ, дворянство должно было приспособляться всякий раз к новым правителям, к их мировоззрению, искусно изворачиваться в защите своих привилегий, бороться с монархией, у которой были свои виды на крестьян. Отсюда и получилась такая напряжённая деятельность в выработ-

ке крепостнических уставов и составлении кодексов Земского права (Landrecht).

Вся эта законодательная работа не имеет ничего общего ни с традициями средних веков, ни со старинными Пraises, ни даже с более поздним феодальным правом. Она представляет собой чистейший «новый стиль»; совершалась она в эпоху гуманизма, реформации и просвещённого абсолютизма; её источники — римское право в учёной рецепции, грамоты государей Нового времени, плакаты и распоряжения администраторов, наконец, абстракции и новозобретения дворянских юристов, плод их университетской выучки и последующих кабинетных измышлений.

В так называемом Ливляндском рыцарском праве (Liefländisches Ritterrecht), составленном в конце XIV в. в рижском архиепископстве, нет никаких указаний на крестьянскую барщину и вообще на господское хозяйство с подчинёнными именно крестьянами; упоминаются только оброки натурой и поставка натурой, к чему и сводится вся зависимость крестьян.

Впервые появляются обозначения *Erbherren* и *Erbbauern* (т. е. наследственные господа и наследственно подданные крестьяне) — впоследствии технические термины крепостничества — в текстах так называемых *Einigungen*, т. е. «соглашений», или грамот, исходивших от епископов и относящихся ко второй половине XV в.: здесь духовные владыки, обессилевшие и испуганные, делают ряд уступок рыцарству, которое в массе своей теперь обращается к хозяйству и старается захватить и закрепить за собой барщинную повинность крестьян. Главное содержание *Einigungen* — правила о выдаче «беглецов» (*Läuflinge*). Беглом считается всякий, кто ушёл без согласия господина, к имени которого приписан. Рыцарство выбирает из своей среды «мировых судей» (*Nacktenrichter*), на обязанности которых лежит решать спорные случаи о принадлежности крестьян тому или другому имени, оказывать помощь господам в преследовании, ловле беглецов и водворении их на прежнее место (*Ausantwortung der Bauern* — опять технический термин, сохранившийся вплоть до конца крепостнической эпохи). Новая кабала сразу приобретает наследственный характер: дети следуют за отцом, младшие братья — за старшим; выдаётся крестьянин со

всем своим имуществом (mit aller Haab und Güter); в случае перехода крестьянина от одного господина к другому, его рабочий инвентарь, собранный им хлеб подлежат разделу между помещиками.

Рыцарству, однако, никак не удавалось обратить этот рабовладельческий устав в закон страны. Когда об этом поднималась речь на ландтагах, неизменно протестовали города. Своими возражениями горожане как бы подчёркивали новизну дворянских притязаний. Например в 1532 г. мы читаем такой ответ города Ревеля магистру ордена по поводу жалобы рыцарства на то, что по городской территории нельзя вести пойманных и связанных крестьян, так как ревельцы их освобождают: «Мы позволяем всякому проходить по нашей земле со своими пленниками так же свободно, как гуляют волки и медведи. Но если крестьяне освобождаются сами на нашей земле, то нельзя от нас требовать, чтобы мы их ловили, да мы и не станем никогда это делать». Ревельский магистрат напоминает, что «прежние правители страны, короли датские, дали орденским рыцарям власть над крестьянами свободными; рабство же, господство над личностью не основывается ни на естественном праве, ни на положениях божественного или писанного права; поэтому было бы недостойно достоинственного магистрата ревельского идти на соглашение, которое поведёт к вечному отягощению и притеснению бедного, жалкого, покинутого всеми люда».

Крепостное право не могло получить законодательной санкции до самого конца существования орденского государства, которое подобно своей метрополии, «священной римской империи германской нации», было в сущности развалиной, слабой федерацией соперничающих властей, духовных и светских. Но дворянство, совершенно лишённое патриотизма, выиграло на военных неудачах, постигших страну: вступлении в Лифляндию московских войск в 1558 г., разделе территории между Швецией и Польшей. Политическая катастрофа ордена в 1561 г. оказалась удачей для дворянства. С удивительным искусством извлекло оно выгоду из создавшегося положения. Польша приобретала в Лифляндии богатую территорию, особенно важную в том отношении, что она открывала выход к морю по Двине. Поэтому король Сигизмунд II Август, искусный дипломат, отвергая все политические требования чинов орденско-епископской федерации, дал благоприятный ответ на социальные и экономические требования, выдвинутые в отдельности рыцарством и городами, при заключении капитуляции. Впрочем, активное участие короля в предоставлении дворянам новых привилегий, более чем сомнительно. То, что называлось потом Privilegium Sigismundi II Augusti 1561 г., носит все черты подлога. Сигизмунд не выдавал никакой грамоты от своего имени, а лишь обещал подписать пункты капитуляции, поданной ему лифляндским дворянством. Но когда впоследствии Стефан Баторий потребовал предъявить ему подлинник с подписью своего предшествен-

ника, такового экземпляра не оказалось; не нашлось и ни одной удостоверенной копии документа.

Как бы то ни было, подлинный это документ или подложный, Privilegium Sigismundi II Augusti 1561 г. отражает социальную программу дворянства при переходе в литовско-польское подданство. Отныне лифляндское дворянство считает вполне обеспеченными за собою следующие права: лены превращены в аллоды, т. е. владение землёй стало полным и безусловным; членам местного дворянства должны быть предоставлены все должности по управлению; устанавливается вотчинная юстиция помещиков; устанавливается право дворян распоряжаться личностью и рабочей силой крестьян.

Параграф 23 выражает совершенно неслыханное по своей дерзости новое притязание дворян — иметь в лице крепостных крестьян частновладельческих подданных, изъятых от подчинения государству. Он гласит: «Так как до сих пор помещичьи крестьяне были применяемы исключительно на работе у своих господ, мы требуем принять меры, чтобы они не принуждались к каким-либо другим повинностям, в ущерб нашей вольности, но чтобы соблюдался старинный обычай».

В составлении Привилегии 1561 г. лифляндские дворяне показали впервые своё юридическое искусство. Их новая социальная программа — целиком их изобретение — была проведена под видом утверждения установленного порядка и древних обычаев Ливонии (recepti moris et antiquarum consuetudinum Livoniae). В документе впервые встречается неслыханное для средневекового права выражение — «дворянские крестьяне» (nobilium rustici); до тех пор они именовались просто rustici, Bauern.

Приобретенная в 1561 г. вольность дворянства была, однако, быстро утрачена. В лице короля Стефана Батория (1575—1586) появляется один из самых ранних представителей просвещённого абсолютизма. В 1581 г. он разрешает рижскому бюргерству покупать рыцарские имения, дворянам воспрещает заниматься торговлей. Напротив: крестьянам он открывает простор для сбыта сельскохозяйственных продуктов, отменяет установленные дворянами правила о выдаче беглых крестьян и утверждает привилегию городов о праве убежища для беглецов. Хотя все замыслы просвещённой монархии со смертью Батория рушились, однако дворянство не забыло грозного урока. Оно делает попытку использовать слабость правительства Сигизмунда III Ваза, чтобы восстановить Привилегию 1561 г. и на этот раз закрепить её в законодательном порядке. Поручение составить кодекс земского права Лифляндии получил близкий к руководящим кругам польской аристократии рижанин Давид Хильхен.

Хильхен — личность весьма любопытная. Бюргер по своему происхождению, он учился в германских университетах и по окончании курса наук поступил на службу под началом великого канцлера польского Яна Замойского. Благодаря своему таланту, своей прекрасной гуманистической школе Хильхен

воюду рано проложил себе дорогу. Быстро выдвинулся он на службе города Риги, стал секретарём городского совета и синдиком. В 80-х годах XVI в., во время городских смут, столкновений между аристократическим советом и гильдейским гражданством, вызвавших военное вмешательство поляков, Хильхен держался умело и тактично, оказывал городу большие услуги в переговорах с правительством, в критические моменты прямо опасал положение. Когда волнения более или менее улеглись, Хильхен усердно занялся устройством культурных учреждений: организовал библиотеку, завещанную богатым меценатом Оверлаком по его же, Хильхена, инициативе, посвятил много внимания устройству школьного дела. Однако служба городу несмотря на все успехи не удовлетворяла Хильхена. Его тянуло к дворянству, привлекавшему своим бытом, политикой, титулами и притязаниями, и он добивался возведения в дворянское звание. Во время своих частых поездок в Польшу на сеймы, где ему приходилось отстаивать интересы Лифляндии, он всё более и более становился защитником дворянских интересов.

В проекте кодекса, изготовленном в 1599 г., положение о крестьянах занимает самое видное место. Большой почитатель польских порядков, Хильхен не нашёл, однако, опоры для своего крепостнического устава в польском сеймовом законодательстве; ему пришлось тут прокладывать новые пути. Как нельзя лучше выражает Хильхен мировоззрение дворянства—вновь нарождающегося класса, имеющего мало общего со средневековым рыцарством. У него нет ни малейшей охоты обращаться к старинным грамотам для обоснования крепостного права. Он смело прибегает к римскому праву—к авторитету античной юридической библии, столь ясной и привлекательной в глазах гуманиста.

Титул 1-й книги II (гражданское право), носящий заголовок «Von unterschiedlichem Stande der Personen», (о различном состоянии лиц), гласит так: «Люди либо свободны либо подчинены чужой власти, и когда описано их право, тотчас становится вполне понятным, кто по-настоящему свободен».

Хильхен соединил здесь два текста из «Институций» Гая: «Все люди или свободны, или рабы... одни лица обладают собственным правом, другие подчинены праву чужому... если узнаём, кто эти лица, сразу поймём, кто обладает собственным правом». Эта общая формула разделения всех людей на свободных и рабов, соответствующая мировоззрению римских юристов II в. н. э., нужна Хильхену исключительно для того, чтобы дать ей специальное приложение. В титуле 2-м его II книги под заголовком «Von Ausantwortung der Bauern» (о выдаче крестьян) мы читаем: «Наследственно подчинённые крестьяне и их потомство, а также их имущество и достатки находятся во власти господ и не могут ничего отчуждать без их воли и согласия или уходить куда-либо в другое место».

Таким образом, гуманистическая школа пригодилась крепостникам, поскольку дала возможность подвести теоретический фундамент под новое социальное сооружение. Изобретательность Хильхена, однако, далеко не ограничивается искусным добыванием цитат из римского права. Он сумел объединить различные положения рыцарских Einigungen, включить их в немногие отчётливые параграфы, выработать стройный крепостнический устав под заголовком «Von den Erbbauern und Wiederforderung derselben, wenn sie verlaufen» (о наследственно-подчинённых крестьянах и вытребовании их, если они убегают) и дать в этой области раз навсегда терминологию, которая потом получила как бы канонический характер.

При описании категории лиц, подлежащих крепостной зависимости, Хильхен включает в их состав всех оседлых хозяев—обладателей крестьянских дворов. В § 9 крепостнического устава говорится: «Тот, кто отпущен на свободу, так же как жена его, которая всегда следует за мужем, и дети, которые у них потом рождаются, свободны, если только они потом не перейдут опять добровольно в крестьянское звание» (Bauegnstand). Выражения, применённые здесь Хильхеном, весьма многозначительны: кодификатор старается при их посредстве отождествить крестьянское звание с крепостным состоянием.

Крепостное состояние признаётся в кодексе наследственным без всякого колебания. Хотя и указываются возможности выхода из него, но они все поставлены в зависимость от воли господ, и для освободившегося крестьянина нет ничего легче, как снова попасть в подчинение к другому господину. По этому поводу мы встречаем в титуле «Von den Erbbauern» следующее положение (§ 4): «Если кто освобождён своим господином и стал свободным, а потом отдался под власть другого и в качестве крепостного взял во владение землю и двор и три года провёл в этом состоянии, то он уже более не считается свободным и не смеет уходить от господина, во власть которого отдался, или покидать поле, за обработку которого он взялся. Напротив, сам он и его дети, которые впоследствии родились, должны оставаться под властью того господина, которому он вновь отдался; другие же дети, если они не были в своё время освобождены, остаются у прежнего помещика».

Необычайно смелым оборотом Хильхен старается доставить дворянству судебную власть над крестьянами. В Ritterrecht для такого рода юстиции не имелось никакой опоры, потому что в те времена не было ни понятия Adel, Erbherrn, ни понятия Erbbauern как наследственно подчинённых, частновладельческих подданных. Хильхен считает судебную власть помещиков как бы само собою разумеющейся и делает вид, что озабочен лишь ограничением возможного с их стороны произвола. В титуле 17-м книги II под заголовком «Von Gerichtsgewalt und Halsgericht» (о судебной власти и уголовном суде) у него сказано: «Хотя каждый из дворян имеет по отношению к своим

крестьянам право суда и неограниченную власть, но, для того чтобы власть их не обратилась в тиранию, мы (составитель законодательного проекта говорит от имени государя) устанавливаем и определяем, что если случится спор между чужим человеком и своим подданным, то помещик (Junker) должен располагать неограниченной судебной властью для расследования дела, для разбирательства и для назначения наказания. Если же случится спор между самим помещиком и его крепостным, по поводу которого возникает уголовный процесс, то суд должен происходить не иначе, как с участием нескольких дворян, как это исстари водилось».

Хильхен вполне удовлетворил своей работой лифляндское дворянство. Его формулы дали образец для крепостнических правил последующего времени, его разделение людей на свободных и рабов неизменно повторялось всеми кодификаторами. Но для польского правительства его проект оказался неприемлемым: оно вовсе не согласно было приравнять права лифляндского дворянства к привилегиям польской шляхты; во вновь приобретённой прибалтийской колонии проектировалась совершенно иная социальная политика: тут имелось в виду создание обширных королевских вотчин; с этой целью производились обстоятельнейшие ревизии и уже намечалось в перспективе нечто похожее на редукцию, за которую потом принялось шведское правительство.

Неудача законодательного проекта 1599 г. послужила для лифляндского дворянства лишним основанием для отпадения от Польши и измены в пользу Швеции. Отношения к Швеции сразу получились весьма своеобразные. Лифляндцы явно надеялись, что шведское правительство, находясь далёко за морем, не сможет действовать с такой настойчивостью, как близкое по соседству польское, и, следовательно, даст больший простор их автономии; они не приняли во внимание, однако, что принципы шведского права ещё более радикально расходились с лифляндским крепостничеством. При первых же переговорах со шведами (в 1601 г.) шведский регент Карл Зюдерманландский сделал дворянству предложение дать крестьянам свободу. Позднее, когда совершилась капитуляция Лифляндии, при Густаве-Адольфе (1629 г.), одним из первых актов шведского правительства было предоставление крестьянам права жалобы на помещиков, управляющих имениями и вообще на начальство с возможностью восхождения по инстанциям до самого главы государства.

Дворянство, казалось, попало из огня да в полымя. Однако эпоха шведского владычества отличается поразительными колебаниями. В самой Швеции с начала XVII в. возникла новая аристократия, которая благодаря политике Густава-Адольфа и его преемника, регента Уксеншерны получила преобладающее влияние в государстве. С той поры, как у шведских магнатов появились владения в Лифляндии, шведское дворянство стало сближаться с лифляндским. Два раза в эпоху регентства — при малолетних Хри-

стине (1632—1645) и Карле XI (1660—1672)—складывались обстоятельства, благоприятные для дворянства обеих стран, и два раза после дворянской реакции наступала пора просвещённой монархии — при Карле X (1654—1660) и Карле XI (1672—1697), — когда правительство принималось за разрушение дворянского землевладения. Лифляндское дворянство зорко следило за переменами, происходившими в метрополии. В периоды реакция оно развёртывало широкие планы закрепления всех своих привилегий. Во время регентства Уксеншерны оно получило право собираться на ландтаги, выбирать ландратов, поставлять из своей среды особого комиссара, или ассистента, при генерал-губернаторе.

В этой благоприятной для дворян обстановке возникла кодификационная работа Энгельбрехта фон Менгдена — «Landrecht des Fürstentums Lieflland» («Земское право княжества лифляндского»), исполненная в 1643 году. Подобно Хильхену Менгден был прекрасно образованным юристом. Расположение шведских властей он выискал ещё при Густаве-Адольфе; предложение составить кодекс лифляндского права исходило от самого Уксеншерны.

Работа Менгдена гораздо обширнее проекта Хильхена и отличается большей систематичностью, но в целом она опирается на Хильхена, у которого заимствует главное содержание и большую часть заголовков. Переход под шведское владычество несколько не подействовал на рабовладельческое мировоззрение дворянства. Менгден обходит полным молчанием охрану крестьян; предоставление им шведским правительством права жалобы. Зато он существенно дополняет правила о выдаче беглых крестьян и о разделе их имущества между новым и старым господами крепостного. У него в кодексе обозначен срок, в течение которого должен быть выдан убежавший крестьянин; если стороны не приходят к полюбовному соглашению, подаётся жалоба в суд и даётся новый срок для исполнения приговора. Затем происходит раздел. Вместе с крестьянином уходят собранные им жатва и сено; но отсюда выключается та часть зерна и сена, которая была запрята на стороне, также выключается рабочий скот, если он был занят: то и другое остаётся пригвождённым к месту (erd—und nagelfest). Если крестьянин посеял рожь, то рожь следует за ним, а десятину он уплачивает тому господину, на чьей земле работал. Если новый господин, к которому самовольно перешёл крестьянин, не известит законного владельца о таком переходе, то на него накладывается штраф в 100 рейхсталеров.

Проект Менгдена любопытен ещё в одном отношении. Мы находим в нём первую попытку обосновать теорию, в силу которой единственными обладателями земли на полном праве собственности считаются дворяне, тогда как крестьяне признаются лишь пользователями выданных им участков, подлежащими удалению в случае неисправного выполнения повинностей. Способ, которым Менгден до-

стигает своей цели, поражает как пример изобретательности и настойчивости дворянских юристов. Нужно заметить, что ещё в так называемой Привилегии Сигизмунда II Августа (документе, который, как мы видели, имел для дворян высоко авторитетное значение) определённо различались *nobilium agri* и *rusticorum agri*, — следовательно, в польскую эпоху крестьянское землевладение признавалось самим дворянством. Теперь у дворян является соблазн воспользоваться незнакомством шведского правительства с лифляндскими обычаями и традициями; вместе с тем кодификатору опять оказывает услугу применение терминов римского права. Он исполняет свою задачу очень искусно.

В главе о привилегиях дворянства он выдвигает, подобно Хильхену, в качестве особого преимущества дворянства его землевладельческое положение. Но к выражениям Хильхена Менгден делает неожиданно одно характерное добавление: «(Каково бы ни было владение дворянина) пусть у него будет много или мало крестьян, но раз они ему принадлежат, как его собственность (*wenn sie ihm nur eigentümlich zugehören*), то он пользуется уже всеми вышеупомянутыми преимуществами». Всего-навсего вставлено три—четыре слова, а между тем как веско их содержание! Крестьяне здесь впервые признаются собственностью дворянства наравне с землёй, рабовладение поставлено в один ряд с землевладением и, подобно ему, возведено на ступень одной из вольностей дворянства; оно должно дать все те выгоды по службе и перед судом, какие даёт землевладение. Больше того: отсюда вытекают отрицательные последствия для имущественного права крестьян: если крестьянин сам является предметом собственности господина, то уже не составит особенного труда отказать ему в праве владения землёй.

Менгден не решается высказать прямо такое отрицание, но подходит к тому же решению стороной. В обширной (21-й) главе II книги, носящей заголовок «*Von Neuer, Mietzen und Vermietzen*» (о различных видах отдачи внаймы), целый ряд параграфов посвящён вопросу о сдаче земли в аренду. Различаются два вида аренды: мало обеспеченная, срочная, и более верная, наследственная. К наследственной аренде Менгден применяет знакомый юристам термин римского права — «*emphyteusis vel contractus emphyteuticus*». Во всём этом отделе об эмпитевсе Менгден ни разу не называет крестьян, но совершенно ясно, что разумет он именно их и никого другого, и что вся глава написана с единственной целью подвести крепостных под новое правовое понятие зависимых арендаторов.

Положение эмпитевта определено следующим образом. Земля, им обрабатываемая, переходит к его наследникам и остаётся за ними до тех пор, пока они содержат владение в хорошем состоянии и уплачивают все свои повинности. Но если эмпитевт окажется неисправным в течение 3 лет, то господин-собственник (*Eigentumsherr*) вправе по про-

шествии этого срока лишить пользователя занимаемого им участка и признать землю возвратившейся к нему, господину; тогда он может согнать эмпитевта с земли, причём не обязан вознаграждать удалённого пользователя за мелиорацию. Эмпитевт обязан содержать имение в хорошем порядке, чтобы у строений были прочная крыша, желоба и заборы; он не смеет обременять владение какими-либо долгами и повинностями к ущербу собственника без его согласия и позволения; мало того: он обязан «сохранять имение в таком состоянии, как бы это была его собственность (*als wenn es sein eigen wäre*)».

Какой цинизм, какая жестокая ирония заключены в последних словах! Занявший позицию социального законодателя дворянин-землевладелец отнимает у крестьянина право собственности на землю и дом и ставит ему, уже как пользователю, в обязанность заботиться об этом владении не меньше, чем если бы то была его собственность, угрожая, в противном случае, выселением и лишением права пользования.

Проект кодекса, изготовленный Менгденом, был представлен на утверждение шведского правительства в последний год управления Уксеншерны. В 1645 г. было объявлено совершеннолетие Христины; монархия ожила опять, влияние дружественной лифляндцам аристократии прекратилось, и вследствие этого крепостнический кодекс попал под сукно так же, как несколько лет спустя не получил утверждения аналогичный проект, составленный эстляндским дворянством. В 1656 г., при Карле X, в Швеции впервые была выдвинута широкая программа редукции. Но последовавшая затем война на континенте (1656—1660 гг.) остановила реформу. За преждевременной смертью Карла X наступила опять благоприятная для аристократии эпоха регентства при малолетнем Карле XI (1660—1672). Лифляндские дворяне успели использовать момент и под видом выработки местных полицейских правил (*Landesordnungen*), подписанных шведским губернатором, добились утверждения крепостнического устава.

Lieffländische Landesordnungen 1671 г. — единственный из памятников дворянского юридического творчества, который был опубликован. По сравнению с проектом Менгдена он представляет новое усиление крепостнических притязаний. Внушительно и прямо-таки прозно звучит § 1 главы «*Von Ausantwortung der Bauern*»: «Крепостной, рождённый от крепостного, должен немедленно и беспрекословно быть выдан под страхом штрафа в 100 рейхсталеров, из которых половина поступает в казну на благотворительные цели, половина в рыцарскую кассу». Таким образом, побег от законного господина возведён на ступень уголовного преступления, а дворянство выступает в преследовании нарушителей общественного порядка как сплочённая корпорация, оберегающая интересы своих сочленов!

В последующих параграфах определяются различные категории крепостных, причём дворяне откровенно применяют к ним ста-

ринный термин кабальных людей (Leibeigene). Не только потомство крепостных должно вечно пребывать в этом звании (хотя Leibeigenschaft, согласно средневековому праву, было только личным состоянием и по наследству не переходило), но дворяне открывают всё новые и новые возможности для увеличения круга своих подданных. Согласно §§ 2 и 3, всякий посторонний, будь он лифляндец родом или иностранец, если только он поселился на господской земле (auf einem Erblande), становится крепостным. Если батрак родом из России или Ливонии женится в области (такого имения) и народит детей, то его дети становятся крепостными (§ 12). Если крестьянин принял на воспитание ребёнка с улицы, от нищего или от рижского ремесленника, таковой воспитанник становится крепостным господина, на земле которого он вырос (§ 9). Отданный на воспитание в чужие края сын крепостного может оставаться там, пока не женится; но как только это случилось, он должен по первому требованию своего законного господина идти к нему, унося с собой всё, что заработал, и взяв с собой детей, если таковые успели родиться (§ 10). Незаконнорожденные (Hurenkinder) принадлежат в качестве крепостных тому господину, на земле которого рождены (§ 15).

На сельское население точно наброшена плотная сеть, сквозь петли которой не проскочить тому, кто раз коснулся так или иначе господской земли. И не только на личность крестьянина, на его рабочую силу, на его имущество кладёт запрет помещик: он строго наблюдает, чтобы не ушло в чужие руки имущество крестьянина—его движимость. В смысле исчерпывающей точности дележа интересны следующие параграфы (§ 8): «Если крепостной женился в чужой местности на вдове, то он остаётся хозяином в доме своём, пока не потребует его к себе господин; когда тот потребует его к себе, крестьянин должен увести со двора жену, рождённых там детей и всё, что он и она с собой принесли; всё остальное остаётся у детей от первого брака и, значит, у господина (und also dem Erbherrn), на земле которого приобретено» (§ 13): «Если бы у крепостного не было сыновей, но была бы только одна дочь, и эта дочь вышла бы замуж за чужого крестьянина, то она может в случае смерти отца и матери получить из родительского дома одежду и деньги; но всё, что там осталось по части скота, лошадей и домашнего скарба, принадлежит господину».

Эти старательно выписанные добавления о праве господина на движимость крепостного в высшей степени характерны. Дворяне понимают крепостное право как настоящее рабовладение. Однако, возрождая институт греко-римской древности, они остаются детьми меркантильного века. Натуральные повинности крепостных они приспособляют к требованиям товарного хозяйства. Из Landesordnungen мы узнаём об установленном ландтагом первой половины XVII в. праве помещика продавать крепостного на известный срок, пускать его по ру-

кам в промышленный оборот — учреждение, которое получило официальное название Zuschlagung der Bauern. Einen Bauern Zuschlagen — значит предоставить своего крепостного в распоряжение какого-либо другого владельца на известный срок, в виде залога или в качестве расплаты по долгу. Считается, что на такого уступленного крестьянина положен запрет; освобождение от запрета, возвращение крестьянина к своему господину называется «Aufschlagung»; Глава VI (Von Zuschlagung der Bauern und deren Taxa) устанавливает подробную таблицу расчётов посредством передвижения рабочей силы. В ней точно вычислено, сколько стоит в пору рабочего сезона ежедневный труд крестьянина, обладающего двором, и сколько — труд батрака, в каком размере должны поступать собираемые с полей таким-то количеством работающих продукты. В случае уплаты процентов по долгу количество уступаемых крестьян вычисляется очень удобно и практично: их работа и взносы должны равняться 10% суммы долга.

Такого рода закладывание, или временная продажа, обращение людей в ходячие живые векселя, открывало большой простор во всякого рода сделках, избавляя помещиков от необходимости расплачиваться звонкой монетой. Помимо уплаты по долговым обязательствам дворяне платили работой своих крепостных также казне, например в случае недоимок по дорожной повинности или по ремонту церковных зданий и т. п.

Издание Landesordnungen 1671 г. лифляндские дворяне добились очень важного результата: крепостнический устав получил впервые официальное утверждение. Однако весьма скоро этому приобретению стала угрожать серьёзная опасность. В 1672 г. Карл XI объявил себя совершеннолетним. В 1680 г. начинаются реформы по редукции имений; к середине 90-х годов ½ территории лифляндских имений уже находилась в распоряжении короля. Одновременно король проводит существенные преобразования в положении крестьян: вводятся Wackenbücher (расчётные книжки), т. е. регулируется барщина и оброк в строгом соответствии с качеством и доходностью земли, крестьянам предоставляется право жалобы. В 80-х годах происходит настоящее паломничество крестьян, переправляющихся морем в Стокгольм, чтобы искать правосудия у самой высшей власти. Наконец, в 90-х годах появляются знаменитые ордонаксы Карла XI, определяющие правовое положение казённых крестьян, т. е. после проведения редукции огромного большинства всей крестьянской массы: не отменяя прикрепления к земле, барщины и других повинностей, королевское управление, однако, даёт крестьянам защиту на суде, допускает крестьян к хозяйственным делам, при обсуждении церковного бюджета демонстративно сажает крестьян за один стол с арендаторами, т. е. бывшими помещиками.

Фактически реформы Карла XI почти разрушили помещичье крепостное право;

его территория осталась в виде разрозненных клочков, которым не мычче-завтра предстояло быть поглощёнными королевским доменным управлением. На эти меры монархии дворянство реагировало тем, что в 1710 г. капитулировало перед Петром Первым и восстановило все потери, понесённые в эпоху редукции.

Для истории кодификации крепостного права интересно отметить новое, расширенное издание *Landesordnungen* 1705—1707 годов. Это момент, когда ещё ничто не предвещало близкой катастрофы Швеции, когда Карл XII одерживал блестящие победы в Польше, а шансы на занятия Лифляндии Россией были слабы. Несмотря на всё это дворяне неизменно стояли на своей непримиримой крепостнической позиции. Их мировоззрение и отражается в сборнике постановлений, изданном рижским книгопродавцем Нёллером.

Издание это неофициальное, основанное на временном сближении рижских горожан с дворянством; вот почему в сборнике 1705—1707 гг. так много постановлений, касающихся городского быта, чего вообще в кодексах, составлявшихся дворянством, мы не находим. Перед нами пёстрый, несистематичный подбор указов и патентов, королевских и генерал-губернаторских, от 1630 до 1705 г., в котором не соблюден даже хронологический порядок. Однако беспорядочное на вид произведение составлено в высшей степени тенденциозно. Вся законодательная деятельность редукционной эпохи совершенно обойдена; нет ни одного из реформаторских ордовансов Карла XI. На первом месте красуется крепостнический устав 1671 г. с его резкими заголовками «*Von Zuschlagung der Bauern*» и «*Von Ausantwortung der Bauern*». Затем старательно подобраны всякого рода ограничительные и стеснительные приказы — всё, что можно назвать начальственным окриками, в особенности ворчливые распоряжения Эрнха Дальберга — генерал-губернатора Лифляндии в период 1696—1701 годов.

В 1710 г. дворянство не удовольствовалося восстановлением *status quo* доредукционной эпохи, возвратом отобранных имений и присуждением прежним владельцам приписанных к этим имениям крестьян. Тот крепостнический устав, который был дворянами на свободе выработан в 1671 г. — в эпоху реакции, — теперь оказался недостаточным: они мечтают об учреждении вотчинной юстиции. В ловле и водворении беглых крестьян дворяне требуют мер исключительных, террористических. Они находят поддержку у русских генерал-губернаторов. В 1716 г. под давлением дворянства князь Голицын (именующий себя здесь *Fürst Korribut de Galitzin*) издаёт драконовский патент, угрожающий крестьянам за укрывательства беглых крепостных тяжкими телесными наказаниями. Это распоряжение повторяется потом в 1730 году. Одновременно дворяне добиваются отмены привилегия Риги — не выдавать крестьян, проживших в стенах города более двух лет (*Prascriptio biennalis*): в шведскую эпоху дворяне должны были терпеть эту вольность бога-

того и могущественного города так же, как допускать другие притязания Риги, клонившиеся к сохранению самостоятельности крестьянства.

Самоуверенность дворянства всё возрастает. Содействует этому наплыв балтийских немцев на русскую службу. При Анне Иоанновне лифляндцы затевают составление кодекса. В 1730 г. ландтаг выделил из своей среды комиссию, которая приступила к законодательной работе. Кодификационная комиссия работала от 1732 до 1735 г.; в 1738—1740 гг. составленный ею свод просматривала другая комиссия — ревизионная. В 1740 г. дворянство отправило свой проект кодекса на высочайшее утверждение. Через своих делегатов в Петербурге лифляндцы старались устроить так, чтобы правительственная комиссия для просмотра их проекта была составлена исключительно из одних немцев.

Итак, обстановка, среди которой вырабатывался кодекс первой половины XVIII в., была чрезвычайно благоприятна для дворянства. Как же выглядит в проекте *Landrecht'a* крепостнический устав?

Работу по составлению кодекса вели два выдающихся юриста, ассессоры суда: барон Будберг и фон Шрадер. Подобно своим предшественникам, Хильхену и Менгдену, они отдали дань римскому праву, отнеслись с пренебрежением к праву средневековому (дворянство признало старое *Ritterrecht* XIV в. «тёмным и неудовлетворительным») и сосредоточились на постановлениях Нового времени: глава о крестьянах воспроизводит *Landesordnungen* 1671 г. и добавляет их двумя устрашающими патентами русских генерал-губернаторов 1716—1730 годов. Кодификаторы XVIII в. считали нужным дать подробное определение крепостного состояния. Параграф 1 титула 26-то книги IV заключает в себе следующий длиннейший, педагогично составленный период: «Так как крестьянство этой страны, согласно древнейшим узаконениям и обычаям, принадлежит к имениям, на земле которых оно находится, и притом в такой мере составляет их наследственную собственность, что его можно считать как бы долей недвижимости, и так как оно обязано и повинно нести барщинную службу, требуемую господским двором для обработки земли, вместе с оброком, или т. наз. *Gerechtigkeit*, — то оно считается, вместе со своим имуществом, во власти господ, каковы, в случае если такой крепостной или его дети и потомки ушли без позволения и согласия господ или тайно скрылись, в полном праве требовать их назад и добывать через посредство суда».

Странное, граничащее с целепостью определение крепостного как предмета недвижимого имущества, поддержанное учёной цитатой из римского права — *glebae addicti*, что ведь буквально значит прикреплённые, прилепленные к земле, — не выдерживается последовательно в кодексе. В отделе уголовного права, где определение это неудобно, кодификаторы относят крепостных с их семьями и скарбом к движи-

ному имуществу господского имения (книга V, тит. 20-й, § 8).

Составители кодекса не ограничиваются выпиской из римского права, они прибегают ещё к сравнению с современными порядками. На полях данного параграфа мы читаем: *De simili statu rusticorum in Westphalia, Lusatia, Pomerania, etc.* — со ссылкой на двух современных авторов — Филиппа и Струве, а к последнему имени ещё прибавлено: «...где упомянуто также о Ливонии» («...ubi etiam Livoniae meminit»).

Нельзя не остановить внимания на этих аналогиях и учёных ссылках. Ничего подобного нет у Хильхена и Менгдена. У Будберга-Шрадера они производят впечатление оправдательных аргументов, как будто кодификатор находит нужным защититься от противника, нападающего на твердыню крепостничества. Нетрудно видеть, кто этот противник, откуда прозлит опасность и почему приходится давать сражение на почве научной терминологии: с университетских кафедр стали раздаваться учения естественного права, в правительственных канцеляриях появились филантропически настроенные чиновники; в соседней Пруссии финансисты-«прибыльщики», вроде Лубена, предлагают королям раздробление, парцелляцию казённых имений, вместе с отменой крепостного состояния, стараясь при этом распалить в монархах священный гнев против «закабалённости» (*Leibeigenschaft*) как обычая варварского и антихристианского. На этот первый натиск просветительных учений дворянство отвечает углублением своей крепостнической теории, обставляя её античными рабовладельческими терминами.

Проект *Landrecht*'а, составленный Будбергом-Шрадером, имел ту же судьбу, что и предшествовавшие ему проекты Хильхена и Менгдена: сенат нашёл его неприемлемым, в петербургской комиссии, разбиравшей лифляндский кодекс, был выдвинут контрпроект, и в конце концов всё дело оставления Земского права в Лифляндии приостановилось.

Таким образом ни одно из правительств не нашло возможным утвердить в законодательном порядке привилегий, которых домогалось дворянство. А между тем притязания крепостников всё росли да росли и наибольшего своего напряжения достигли в самый век Просвещения, когда рабовладение стало подвергаться жестокому обстрелу сначала салонной философии, потом широкой публицистики, отражающей общественное мнение Европы и подготавливавшей революцию.

★

Посторонний наблюдатель может, пожалуй, сказать, что описанные здесь три хитроумные затеи дворянства с целью добиться введения в законодательство рабовладельческой терминологии и все три провала, которые испытало дворянство на почве практической политики при встрече с тре-

мя правительствами, представляют собой лишь исторические курьёзы, забавные случаи всемирной истории, которые когда-нибудь попадут в хрестоматию для отроческого возраста. Историк, однако, совершенно не согласится с такой пренебрежительной оценкой дворянских попыток законодательной формулировки крепостного права и в свою очередь будет настаивать на том, чтобы проектам лифляндского дворянства было уделено самое серьёзное внимание: они важны не только для выяснения социальной судьбы народа, населявшего Лифляндию, но и для суждения нашего о ходе закрепощения крестьян в общеевропейском, в мировом масштабе. Крепостное право выросло на почве экономических затруднений, в которых находилось крестьянство, но как организация, как форма усиленной эксплуатации, оно есть результат внеэкономического давления, которое в Лифляндии делалось как бы вторым завоеванием страны колонизаторами, ещё в XIII в. пришедшими из Германии. Идеология победившего в XV—XVII вв. класса дворян не просто отражает, как в зеркале, этот факт: она продолжает завоевание, усиливает его своими изобретениями, своей новой превеличественной терминологией; она растравляет зияющую рану новыми порезами, прибавляет к старым орудиям истязания ещё новые биты и скорпионы.

★

Главным источником в составлении данной статьи автору служили рукописные проекты кодексов Лифляндского земского права (*Liefländisches Landrecht*), хранящиеся в Государственном архиве Латвии, который в свою очередь составил из документов бывшего Архива рыцарства (*Ritterschaftsarchiv*). О существовании этих рукописей знали только специалисты-историк и юристы узко тенденциозного направления среди немецко-лифляндского дворянства, считавшие полезным для своего сословия сохранять тайну в отношении этих памятников дворянского юридического творчества. Автор впервые извлёк этот, одним забытый, другим намеренно скрываемый источник аграрной истории Лифляндии и познакомил с ними широкие круги латышского общества, излагая результаты своих исследований в журнальных статьях, в университетских курсах и семинарах. В данном очерке автор постарался передать наиболее характерные притязания и требования классовой дворянской программы, поскольку они отразились в проектах 1599, 1643 и 1740 годов.

Другие упомянутые в статье документы, как то: *Liefländisches Ritterrecht Privilegium Sigismundi II Augusti 1561, Landordnungen 1671 г.*, — уже раньше известные в печати, автор цитировал по изданию G. J. von Budenbrock. *D. J. Sammlung der Gesetze, welche das heutige Livländische Landrecht enthalten, kritisch bearbeitet.* I Bd. Mitau, 1802; II Bd. Riga, 1821.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

Акад. Ф. Ротштейн

Как в житейском обиходе дерево познаётся не только по поздним плодам, но и по раннему цветению, так и исторические явления часто обнаруживают уже в своём зарождении черты, которые будут отличать их в дальнейшем развитии. Особенно применимо это положение к созданной Пруссией, современной Германии, которая в наши дни дала миру такой чудовищный плод, как гитлеровский фашизм: уже во франко-прусской войне 1870—1871 гг., приведшей к основанию германской империи, содержались те отличительные черты (вероломная политика и зверства, её сопровождавшие), которые характеризуют Германию во второй мировой войне.

По этой причине война 1870—1871 гг. представляет большой интерес и в наши дни. Изучение её тем более уместно, что история ни одной другой войны новейшего времени не подвергалась такой фальсификации, какой подверглась история этой войны.

Франко-прусская война была продолжением, точнее завершением, предыдущей войны Пруссии с Австрией 1866 г., инсценированной Бисмарком. Эта война осуществила основную цель Бисмарка: устранить из Германского союза Австрию, исконную противницу стремлений Пруссии к расширению за счёт германских государств, а фактически и к захвату гегемонии над всей Германией. В несколько недель маленькая до тех пор Пруссия с населением в 14 с лишним миллионов не только разбила Австрию, но и аннексировала три государства (два т. н. Эльбских герцогства) и один важный имперский город — Франкфурт — и стала значительным государством почти с 20 млн. населения. В самый короткий срок Пруссия затем подчинила себе под видом союза все северогерманские государства, ставшие фактически её вассалами.

Не успела война закончиться, как автор её стал уже замысливать новую войну — войну с могущественной Францией. Сейчас же после решающей битвы с австрийцами при Садовой (3 июля 1866 г.) Бисмарк отмечает в своих воспоминаниях: «Я уже тогда не сомневался, что завоеванное в этом походе нам придётся защищать в дальнейших войнах, как достижения двух первых сilesских войн Фридриху Великому пришлось защищать в более жарком огне Семилетней войны. Что французская война последует за австрийской, вытекало из исторической логики даже в том случае, если

бы мы могли предоставить императору Наполеону те небольшие компенсации, которые он ожидал от нас за свой «нейтралитет»¹.

Не вдаваясь в обсуждение весьма спорного вопроса о мотивах, побудивших Фридриха II начать Семилетнюю войну, нужно отметить маленькую неточность, которую Бисмарк позволил себе в изложении хода возникновения своей мысли о войне. По существу война Пруссии против Франции возникла не после разгрома австрийской армии под Садовой, а уже раньше, приблизительно за месяц до начала самой войны с Австрией, когда Бисмарк предлагал последней союз для войны против Франции за Эльзас. Это значит, что в войне Пруссии против Франции дело шло отнюдь не о «защите» того, что было завоевано в войне с Австрией, а о чём-то другом, именно об отвоевании области, перешедшей к Франции ещё в XVII в., и притом не от Германии и даже не от Австрии, а от Испании, которой Эльзас был передан Австрией за тридцать лет до французской аннексии!

Но неверна была и самая мотивировка, будто Наполеон собирался лишить Пруссию плодов её побед, подобно тому как Франция, Россия и Австрия будто бы собирались в 1756 г. лишить Фридриха II Силезии. Наполеон III действительно не переставал добиваться «компенсации» за то, что не помешал Пруссии в 1866 г. осуществить аннексию; и до войны 1866 г., и во время, и после неё Наполеон в качестве уплаты за свой нейтралитет поочерёдно предлагал: то уступить ему земли на левом берегу Рейна, то обещать ему дипломатическую и военную помощь на случай, если он присоединит Бельгию или Люксембург и окажется вследствие этого в войне с Англией. Наполеон мотивировал свои требования компенсации тем, что Франция неравно с другими державами была поручительницей территориального статус-кво в Европе. Если бы Наполеон позволил Пруссии поколебать этот статус-кво в свою пользу без того, чтобы и Франция, также стеснённая трактатами Венского конгресса, не выиграла на этом, то его и так уже сильно пошатнувшийся престиж был бы больно ущемлён.

¹ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 37; Соцэкгиз. М.: 1940.

Но если верно, что Наполеон III добивался территориальной компенсации за свой нейтралитет в австро-прусской войне, то не менее верно и то, что Бисмарк никогда не отказывал ему в этом. Будучи, как сам он однажды признался, больше пруссаком, нежели немцем, Бисмарк выражал готовность отдать Франции часть рейнского Пфальца, часть рейнской Баварии и даже старинный имперский город Трир. Он сам не раз указывал Наполеону и на Бельгию, и на Люксембург, и даже на некоторые кантоны Швейцарии, где население говорило по-французски и где процесс «освоения» их Францией мог бы протекать легче, чем в немецких землях. Об этом, конечно, Бисмарк умалчивал, как умалчивает об этом вплоть до наших дней большинство преданных его национальной славе историков. Однако из всех домогательств Наполеона ничего не получалось. Наполеон никогда не облекал их в ультимативную форму, в виде категорических требований, и не доводил переговоры до угрозы войны. Это в свою очередь объяснялось тем, что ему самому ясна была его слабость и очевиден риск, которому он подверг бы свою судьбу в случае вооружённого конфликта с такой первоклассной военной державой, какой показала себя Пруссия. Страна явно устала от режима Наполеона, при котором деспотизм, коррупция, карьеризм, биржевой ажиотаж и другие подобные «красоты» сочетались в одном букете. Оппозиция выступала всё решительнее и разоблачала пороки власти Наполеона. Общественные группы, на которые он опирался, — клерикалы, промышленники и даже мелкая буржуазия — всё больше от него отворачивались. Безрассудная и разорительная авантюра в далёкой Мексике¹ ещё глубже подорвала престиж его трона и династии и лишила Наполеона возможности идти на риск войны с Пруссией. Тщетно убеждали его ближайшие советники в том, что интересы его власти диктуют необходимость добиться политического успеха в области территориальной «компенсации». Напрасны были настояния его министра иностранных дел — выставить на Рейне вынужденную армию, чтобы обеспечить успех переговоров с Пруссией; тщетно заверяли военные специалисты в готовности французской армии к любой войне. Наполеон, не веря ни в свою армию, ни в свою собственную звезду, не решался энергично воздействовать на Пруссию, а выдвигал свои пожелания часто в виде лишь намёков или зондажа. Он нередко отрекался от собственного посла и собственных агентов, которые позволяли себе го-

ворить с прусским министром и его помощниками более решительным тоном, а под конец даже уволил своего, слишком энергичного и предприимчивого, министра иностранных дел (Друэн де Люис). Поведение Наполеона являло жалкую картину хотения и робости, и будь Наполеон предоставлен самому себе, он, без сомнения, очень скоро оставил бы свою затею с компенсациями и был бы счастлив, если бы его больше не беспокоили.

Бисмарк раньше сам питал большую слабость к Наполеону и его режиму и считал Францию сильной державой, отстаивал вопреки настроению правящих кругов и самого короля даже идею союза с Наполеоном для совместной борьбы за общие цели. Бисмарк заимствовал из бонапартовского политического арсенала немало приёмов для своей собственной внутренней политической практики. Но он очень скоро учёл слабость своего партнёра по переговорам и теперь, вместо того чтобы довести их до конца, умело затягивал, кормил Наполеона обещаниями и превратил эти переговоры в средство парализовать его действия.

Действительно ли существовала та пресловутая опасность, которая вынуждала Бисмарка считаться с неизбежностью войны? Ничего более лживого он, мастер извращать факты, не мог бы измыслить. Бонапартовская Франция не только воевать, но и жить-то едва могла. Бисмарк это знал, и именно поэтому ему так соблазняла мысль о войне с нею.

И всё же действительно существовала какая-то «логика истории», которая толкала на эту войну, но это была не та логика, о которой говорил Бисмарк. Она коренилась в том, что за бортом сколоченного Бисмарком в 1867 г. под прусской гегемонией германского союза остались три южных государства: Бавария, Вюртемберг и Баден (не считая южной части Гессена, северная половина которого вступила в союз). Для полного успеха Бисмарку надо было прибрать их к рукам. А они этому сопротивлялись, опираясь на статью Пражского мирного договора, которая предусматривала объединение в «прусской казарме», как выражался Маркс, лишь тех государств, которые были расположены к северу от реки Майн, и признание суверенитета и независимости государств южнее этой линии. А за этой статьёй стояла не только Австрия, с которой Бисмарк подписал договор в Праге, но, что важнее, и Франция, которая за кулисами продиктовала эту статью, угрожая вооружённым вмешательством в случае неподчинения. Бисмарк тогда ещё верил немного в силу Франции. К тому же и русское правительство грозило вмешательством: оно грозило созвать европейский конгресс в связи с нарушением драгоценного статус-кво в Европе в результате побед Пруссии. Бисмарк поэтому не решался перечить Наполеону и согласился на такое ограничение территориальных размеров прусской гегемонии.

Значит ли это, что «логика истории» требовала устранить эту статью путём войны в

¹ В 1861 г. Наполеон III направил вооружённую экспедицию в помощь мексиканским контрреволюционерам. В Мексике была провозглашена империя во главе с Максимилианом Австрийским. В результате возникшей гражданской войны авантюра Наполеона III закончилась в 1867 г. постыдным выводом французских войск по повелению США и расстрелом по приговору военно-революционного трибунала императора Максимилиана, возведённого Наполеоном на престол и им же покинутого.

Францией? Ничуть не бывало! Если бы южные государства пожелали вступить в прусский союз, то никакие статьи Пражского договора и никакие вето Франции не могли бы помешать им в этом.

Можно ли было ожидать, что Наполеон III, утративший свой престиж, боявшийся вступить в единоборство с Пруссией и слабый в военном отношении, решился бы выступать против объединённых сил всей Германии? Об этом не могло быть и речи, и не в этом заключалась пресловутая «логика истории», на которую ссылался Бисмарк. Она заключалась в другом: нужно было вставить южные государства в союз с Пруссией, а этого можно было достигнуть, спровоцировав Наполеона на выступление и создав общенациональную и патристическую «оборонительную» войну против агрессора. «Я был убеждён,— признавался Бисмарк,— что пропасть между севером и югом нашего отечества, созданная на протяжении истории различием династических и племенных чувств и жизненного уклада, будет заполнена действительной всего общей национальной войной против столетиями агрессивного соседа¹. Более того: эту войну нужно было инсценировать и поскорее, пока не остыл порыв к «национальному развитию», созданный в 1866 г., иначе — «усилившись в 1866 г., благодаря нашим военным успехам, германское национальное чувство [на территории] к югу от Майна, выразившееся в готовности южных государств к союзам, снова неизбежно охладело бы»². Выходит, что «логика истории» состояла вовсе не в том, чтобы отразить покушение Франции на плоды побед 1866 г., и даже не столько в том, что Наполеон запрещал загнать под прусское ярмо южные государства. Эта логика состояла прежде всего и больше всего в том, чтобы, пока не изгладилось впечатление от прусских побед в 1866 г., использовать его, чтобы вызвать «национальную» войну против «векового агрессора» и создать шовинистский угар, который помог бы втянуть южные государства в союз. Не какие-либо внешнеполитические осложнения да в то момент диктовали такую войну. За их отсутствием Бисмарку пришлось обращаться к временам Людовика XIV и Наполеона I, в агрессии которых, между прочим, действительно участвовали на их стороне как раз южные государства — те же Бавария, Вюртемберг, Баден и другие. Не диктовало таковой войны и чувство «национального» родства с Пруссией. Такое чувство отсутствовало не только у южных государств (католических и аграрных в противоположность протестантской и торгово-промышленной Пруссии), но и у самих пруссаков. Известно, что пруссаки устами самого Бисмарка не раз отзывались о южных немцах как о людях другой расы и особо о баварцах — как о «переходном типе между австрийцами и чехами» (собственное изречение Бисмарка, национального героя Германии!). Диктовали

эту войну расчёты Бисмарка, домогавшегося власти Пруссии над всей Германией, так что «логика истории» была исключительно логикой его собственной головы. Как в войне с Австрией, так и сейчас, Бисмарк, составляя план войны с Францией, руководился интересами прусско-юнкерского государства, и к инсценировке этой войны устремились теперь его политические усилия.

Необходимо отметить одно обстоятельство, которое упоминается и в приведённых выше словах Бисмарка относительно готовности южных государств вступить в союз. Речь в данном случае шла не о государственном союзе с Пруссией, а о военном союзе, который был заключён с Пруссией каждым из южных государств в отдельности после предварительного мира с Австрией (июль 1866 г.) и до окончательного мира с ней в Праге (август 1866 г.). История же этих союзов была такова: после выхода Австрии из войны (акт, кстати говоря, сомнительной лояльности по отношению к Баварии, Вюртембергу, Саксонии, Бадену и другим государствам, сражавшимся на стороне Австрии) последние в свою очередь были скоро разбиты и вынуждены были просить мира. Бисмарк в ходе переговоров с ними, обязавшись перед Францией и Австрией, уже по предварительному миру с последней, «уважать» независимость южных государств, но уже задумав подготовить войну с Францией, сначала сделал вид, что собирается наказать их жестокими территориальными ампутациями и тяжёлыми контрибуциями. Однако, вскоре переменяя тон, он согласился на очень льготные условия мира, потребовав взамен, чтобы они заключили военный союз с Пруссией. При этом он не преминул раскрыть им тайну притязаний Наполеона на немецкие, в частности южногерманские земли, умалчивая, конечно, о том, что он, Бисмарк, первоначально сам готов был их уступить.

Южные государства, больше обрадованные неожиданно оказанным им «соискхождением», чем испуганные французскими требованиями, согласились заключить с Пруссией требуемые договоры. Никакого тут национального подъёма со стороны южных государств, теснимых прусскими угрозами, и увлечения победами прусского оружия не было. Было принуждение, с одной, и подчинение, с другой стороны. Ограниченный срок, на который были заключены военные договоры, указывая на необходимость торопиться с осуществлением основного плана, т. е. войны с Францией.

Первая попытка осуществить этот план оказалась неудачной. Она была сделана уже в 1867 г., в связи с постановкой Наполеоном III вопроса о приобретении Францией великого герцогства Люксембургского, входившего в состав владений нидерландского короля на правах личной унии. Люксембург, сильно офрануженная страна, некогда входила в состав средневековой германской империи и даже четыре раза снабдил её никому негодными императорами. Но эта связь рано стала чисто номинальной, и герцогство поочерёдно включалось то в состав Бургундии, то Австрии, то Испании, то снова вой-

¹ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 85.

² Там же, стр. 84.

вращалось к Австрии. Оно было присоединено в годы французской революции к Франции. Победители на Венском конгрессе включили его в состав вновь образованного Германского союза, но под нидерландской короной. Во все эти времена Люксембург фактически являлся главным образом с точки зрения стратегического его значения: вместе с Бельгией и Голландией он образывал как бы ворота, через которые легко можно было проникать из Германии во Францию и обратно. Мы видели, что сам Бисмарк не раз направлял внимание Наполеона III на эту многострадальную область как на законную для Франции территориальную компенсацию в случае территориального расширения Пруссии.

Потерпев неудачу в своих более широких притязаниях, Наполеон в 1867 г. решил удовлетвориться скромным Люксембургом. Он вошёл в переговоры с нидерландским королём и достиг соглашения с ним о покупке герцогства Люксембургского. Всё, чего домогался Наполеон у Бисмарка, — это согласия увести прусские войска из города и крепости германско-союзного значения — Люксембурга, столицы герцогства, где они содержались с 1815 года. Наполеон тем более считал себя вправе ожидать этой уступки, что, во-первых, Люксембург отказался вступить во вновь образованный Прусский Северогерманский союз и таким образом порвал всякую политическую связь с Германией. А во-вторых, Бисмарк сам подкапывал мысль о присоединении Люксембурга к Франции и на первый же запрос Наполеона в Берлине дал своё согласие.

Казалось уже, что затянувшийся торг о компенсациях между бонапартовской Францией и Пруссией подходит к концу и отныне между ними водворится мир. Но это как раз не устраивало Бисмарка: ему не мир нужен был, а нужна была война с Францией. И он решил не только сорвать люксембургскую сделку, но и раздуть её в «национальный» вопрос, в вопрос «чести» и безопасности германской нации. Он отрёкся от данного им согласия и мобилизовал прессу и покорные ему партии нового северогерманского рейхстага. По всей Германии был поднят патриотический шум по поводу покушения иностранной державы на «немецкую» землю, и было выдвинуто требование под угрозой войны об отказе Наполеона от задуманной им «безнравственной» комбинации. Одновременно Бисмарк не постеснялся опубликовать сообщение о заключённых Пруссией секретных военных договорах с южногерманскими государствами вопреки Пражскому трактату и даже ещё до его подписания!

Наполеон в первый раз за всё время переговоров с Бисмарком был действительно взбешен. До сих пор переговоры велись доверительно между кабинетами, и никто о них не знал, теперь впервые они были вынесены как бы на публичный суд и притом в одностороннем и сильно извращённом освещении; вдобавок был предан огласке факт обмана Бисмарком закулисного автора Пражского мира — Наполеона III. Наполеон не без осуждения усмотрел в этих действиях Бисмар-

ка провокационный маневр — с целью вызвать его на войну. Об этом он открыто говорил прусскому послу в Париже, указывая, что отступить перед таким публичным вызовом было бы теперь равносильно полной дискредитации трона и династии в глазах французского народа. Однако идти на войну, притом против объединённой армии всей Германии под прусским командованием, Наполеон всё же не решался. Положение спасли трудности, которые неожиданно встали перед самим Бисмарком: южные государства отнюдь не проявили того патриотического духа в люксембургском деле, какое Бисмарку удалось создать в Пруссии. Расчёт на то, что они сочтут создавшийся конфликт с Францией законным поводом для войны, так называемым казус белли, оказался не совсем обоснованным. Поэтому когда Австрия, друг Франции, выступила с проектом передачи Люксембурга Бельгии с тем, чтобы последняя уступила за это несколько округов Франции, то Бисмарк, забыв, что Люксембург — «немецкая земля», охотно дал своё согласие! Так как и Наполеон готов был принять такую, ещё более скромную компенсацию, то дело окончилось бы ко всеобщему удовлетворению, если бы Бельгия дала на это своё согласие. Но она отказалась, и Бисмарку пришлось искать другого выхода из положения.

В конце концов такой выход нашёлся в виде предложения русского кабинета урегулировать люксембургский вопрос на международной конференции. Конференция состоялась в Лондоне, и в четыре дня вопрос был «урегулирован»: Люксембург остаётся во владении нидерландского короля, но прусские войска выводятся из его крепости, а крепость надлежит скрыть. Люксембург провозглашается нейтральным государством за поручительством всех великих держав. Сделав вид, что решение его вполне удовлетворяет, так как он де ничего другого и не добивался, как обеспечить границы Франции, Наполеон успокоился. Успокоился и Бисмарк, хотя прусские войска должны были теперь очистить Люксембург и «немецкая земля» осталась под чужой короной. Искусственно созданный тогда в Пруссии-Германии интерес к Люксембургу вошёл, однако, с тех пор в традицию: аннексия его стала частью программы пангерманцев, и, как известно, Люксембург в наши дни был торжественно присоединён Гитлером к «великогерманской империи».

Изобретательный Бисмарк вскоре отыскал более благодарный повод к конфликту с Францией. То было пресловутое дело о кандидатуре Гогенцоллернов на испанский престол, дело, действительно приведшее к желанной «оборонительной» войне с Францией.

В сентябре 1868 г. в Испании произошла очередная казус: королева Изабелла была свергнута и изгнана из пределов страны, и маршал Прим, ставший диктатором, подыскивал кандидата для этого беспокойного престола. Все принцы, к которым он обращался, отклонили эту честь. Но вот один немецкий банкир, неизвестно кем инспирированный, подсказал мысль о кандидатуре молодого принца Леопольда из рода Го-

генцоллернов-Зигмарингенов. Это была захудалая ветвь прусского королевского дома, глава которой, отец принца — князь Антон, — в 1849 г. продал свои владения прусскому родственнику. Позднее он стоял во главе прусского министерства и был фактически непосредственным предшественником Бисмарка на этом посту. Есть основание подозревать, что «неизвестное» лицо был не кто иной, как сам Бисмарк: по крайней мере, так, очевидно, предполагал сам князь Антон. Когда слух об этом проекте проник в парижские круги (князь Антон имел в этих кругах много общественных и даже родственных связей), французское правительство и общественное мнение сильно встревожились. Нужно иметь в виду, что традиционная политика Франции неизменно стремилась к тому, чтобы не дать водвориться в своём пиренейском тылу сильной, а тем более враждебной власти. Уже в XVI в. Франция начала жестокую и длительную борьбу с Габсбургами, занявшими тогда испанский престол, и успокоилась только, когда в начале XVIII в. их заменили после тяжёлой войны Бурбоны. Теперь неожиданно возникла кандидатура гогенцоллернского принца — пусть отдалённого, но всё же родственника прусского короля, близкого к нему по прежней службе отца; вдобавок брат принца незадолго до того был возведён на румынский престол, чем сорвался одна очень важная комбинация Наполеона.

Французы так и предполагали, что кандидатура Леопольда была делом рук Бисмарка. Однако на запрос одного из его помощников они получили категорическое заверение «честным словом», что подобная кандидатура Бисмарку даже не приходила в голову. Но прошло несколько месяцев, и слухи возобновились. Мало того: стало известно, что князь Антон и его сын дали уже принципиальное согласие на предложение Испании. Когда французское правительство через своего посла в Берлине Бенедетти сделало в Берлине вторичный запрос у самого Бисмарка, последний уже не отрицал данного факта. Он лишь заверял, что прусское правительство к этому совершенно непричастно, что это — частное дело Гогенцоллернов и что если прусский король и может оказаться заинтересованным в кандидатуре, то только в качестве главы гогенцоллернской фамилии. В своих воспоминаниях Бисмарк и впоследствии повторял, что он, как глава прусского правительства, не имел касательства к делу, которое будто бы носило исключительно семейный характер и не преследовало никаких политических целей¹. Однако мы знаем из других источников, что Бисмарк в пространной записке королю, который за старость лет уже плохо разбирался в делах и только искал покоя, доказывал, что водворение в Испании принца Леопольда будет весьма полезно для «всеобщего мира» и будет хорошо воспринято и во Франции. А на семейном совете у князя Антона, к которому был привлечён Бисмарк, он высказался в том смысле,

что когда гогенцоллернский принц принимает предлагаемую корону, он тем самым исполняет «пруско-патриотический долг»! Так выглядели непричастность и незаинтересованность Бисмарка в этой кандидатуре!

Само собой разумеется, что разъяснение Бисмарка не удовлетворило никого во Франции. Не только правительственные партии и правительственная печать, но и оппозиционная печать как орлеанистов, так и республиканцев подняла шум, требуя снять кандидатуру и напоминая о временах Карла V; объединявшего германскую императорскую и испанскую королевскую короны, с которым Франция долго и упорно воевала. Им отвечала по указке Бисмарка в таких же громких тонах германская печать, протестуя против вмешательства дерзкого «векового врага» в «семейные» дела прусского короля и выражая полную готовность постоять за честь последнего и за достоинство германской нации.

Так создан был зловеший конфликт. Несколько лет спустя, уже после войны, князь Антон в беседе с крайне патриотическим прусско-германским дипломатом (Радовицем) обвинял, говоря словами этого дипломата, «Бисмарка в том, что он в ы д в и н у л (разрядка моя.—Ф. Р.) кандидатуру (Леопольда) и использовал её исключительно с целью и в предвидении, что из неё создаст предложение к войне с Францией. Он сам, князь-отец, и его сын, наследный принц, сыграли вследствие этого ложную и глупую роль и были злостно использованы для политической цели, которая никогда не могла быть их собственной. Поэтому он и его сын снимают с себя всякую ответственность перед миром и будущими поколениями».² Так говорил сам князь Гогенцоллерн-Зигмаринген, бывший премьер-министр Пруссии, и от этого уничижающего свидетельского показания не уйти ни Бисмарку, ни прусским историкам, какими бы они фальсификациями ни пользовались!

Фактически князь Антон, увидев, какая буря поднялась вокруг кандидатуры его сына, решил взять своё согласие обратно. Он даже уведомил об этом испанское правительство. Но под нажимом Бисмарка, подошедшего к нему целую толпу агентов (среди них фигурировал и известный Лотарь Бухер, бывший революционер 1848 г., продавшийся затем Бисмарку), князь Антон и его сын опять согласились на испанское предложение.

Париж, который успокоился было при первых известиях об отказе Гогенцоллернов от испанской короны, теперь ещё больше взволновался. 6 июля 1870 г. герцог де Грамон, министр иностранных дел, зачитал в палате Законодательного корпуса следующую декларацию: «При всём уважении к правам соседнего испанского народа Франция не может допустить нарушения существующего равновесия в Европе и ущемления интересов и чести Франции возведением иностранной державой одного из своих

¹ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 79.

² Aufzeichnungen und Erinnerungen, des Botschafters Joseph Maria von Radowitz, Bd. I, S. 228. Stuttgart. 1925.

принцев на престол Карла V. Мы твёрдо надеемся, что это не случится. Мы рассчитываем, в предупреждение такого случая, на мудрость германского и дружбу испанского народов. Но если бы случилось иначе, то правительство, сильное вашей поддержкой и поддержкой всей нации, без колебаний и без слабости выполнит свой долг».

В этой декларации, как видим, не было ничего вызывающего, ничего оскорбительного ни для Испании, ни для Пруссии. Председатель совета министров Эмиль Оливье, присоединившийся к мнению де Грамона, заявил, что Франция ни в какой мере не желает войны, что она, напротив, страстно хочет мира, но, конечно, мира почётногo. Сам де Грамон на следующий день просил английского посла передать в Лондон английской королеве Виктории его убедительную просьбу воздействовать через свои фамильные связи на гогенцоллернского принца и уговорить его взять обратно свою кандидатуру в интересах европейского мира. Двумя днями позже сам император обратился к бельгийскому королю за посредничеством в том же вопросе. Совершенно очевидно, что французское правительство, не желая войны, старалось спасти положение путём посреднических услуг других держав.

Но Бисмарку нужно было изобразить, что Франция бросила Германии перчатку. И послушная пресса опять подвела шум об угрозе со стороны «вехового» врага и о том, что Пруссия и её королю нанесена была де Грамоном «публичная пощечина!» Замечательно, что эта недобросовестная версия заострялась сверх того ещё и тем, что при цитировании декларации опускалась дружественная фраза о немецком и испанском народах. Сам Бисмарк в своих воспоминаниях не гнушается извратить текст этой декларации и опускает, между прочим, указанную фразу¹.

Меж тем в своих усилиях найти мирный выход из кризиса де Грамон пошёл ещё дальше: он направил Бенедетти к самому королю Вильгельму, поскольку не прусское правительство, по заявлению главы его — Бисмарка, — а исключительно сам король имел касательство к кандидатуре. Бенедетти мог с тем большим удобством выполнять свою деликатную миссию, что король Вильгельм находился тогда на водах в Эмсе и оба хорошо знали друг друга: Бенедетти был в 1866 г. тем посредником Наполеона, который наладил мирные переговоры между Пруссией и Австрией. Он поехал в Эмс и 9 июля был принят Вильгельмом. Король, казалось, вовсе не был оскорблён выступлением де Грамона. Он был лишь недоволен его инсинуацией, будто гогенцоллернская кандидатура была нарочито выдвинута Пруссией, чтобы унизить неприятность Франции. Король заверил французского посла, что отнюдь не рассматривает эту кандидатуру как политическую акцию, а считает её чисто семейным делом. В этом де-

ле он, правда, не имеет решающего голоса, сказал Вильгельм, но ввиду возникшего осложнения он, по совести говоря, не одобряет кандидатуры и в этом смысле даже написал князю Антону, от которого теперь ждёт ответа. Это было весьма утешительно. Однако в Париже уже были сильно встревожены воинственной кампанией германской печати. Военные круги стали нервничать и требовать мер военной предосторожности; де Грамон, получив донесение Бенедетти, остался недоволен тем, что прусский король отрекался от решающего воздействия на своих родственников, ограничившись простым выражением своего неодобрения. В этом смысле он ответил Бенедетти и дал директиву — не довольствоваться неопределёнными обещаниями, а настаивать на том, чтобы Вильгельм прямо запретил провокационную кандидатуру, так как-де каждый день дорог и в случае неудовлетворительного исхода нужно в ближайшие дни начать сбор армий. На другой день при встрече на прогулке Вильгельм сказал Бенедетти, что ответа из Зигмарингена ещё не поступило. 11 июля, приняв Бенедетти, настоятельно просившего ускорить ответ, король в свою очередь просил отсрочки на двадцать четыре часа, так как он уверен, что за эти сутки получится ответ, который, несомненно, будет благоприятным и встретит одобрение французского посла.

Эти исторические беседы велись в самом корректном и даже дружественном тоне, совершенно не соответствовавшем яростному и агрессивному характеру инсценированной Бисмарком газетной кампании. Король в Эмсе прилежно читал газеты, в его свите находился для поручений чиновник министерства иностранных дел Абекен, который, несомненно, получал инструкции от Бисмарка. Однако король мало поддавался влиянию прессы и Абекена и стремился ликвидировать конфликт.

12 июля в Мадриде получено было из Зигмарингена и передано дальше за границу извещение, что князь Антон ввиду созданных кандидатурой его сына международных осложнений окончательно снял её. Вильгельм, встретив на следующий день, 13 июля, Бенедетти на прогулке, мог показать ему утреннюю газету, содержащую это известие, и выразить ему своё искреннее удовлетворение. Однако, прибавил он, он сам ещё не получил ожидаемого личного письма князя Антона, хотя знает из полученной им телеграммы, что письмо уже находится в пути. Как только оно поступит, он вызовет его, Бенедетти, и посол сможет официально сообщить о ликвидации конфликта своему правительству.

Ничего лучшего нельзя было ожидать. Париж также был удовлетворён. Оливье, бегая по кулуарам палаты, всех поздравлял с благополучным окончанием тяжёлого кризиса. И только у де Грамона ещё были сомнения: а вдруг, как и в прошлый раз, кандидатуру опять выставят? Он телеграфировал Бенедетти, требуя добиться у короля, чтобы тот не просто одобрил факт отказа от кандидатуры, а запретил её на будущее время. Одновременно он предло-

¹ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 81.

жил прусскому послу обмен писем между государями: пусть-де, мол, король напишет императору Наполеону, что, одобрив в своё время злосчастную кандидатуру, он отнюдь не имел намерения ущемлять Францию, а, одобряя сейчас отказ от кандидатуры, он хочет, чтобы все недоразумения между обеими державами, наконец, прекратились. Конечно, император ответит на это письмо соответствующим образом.

Когда посол попросил разрешения телеграфировать в Париж, что прусский король обещает и впредь никогда не давать согласия на гогенцоллернскую кандидатуру, Вильгельм отказался, заявив, что он не может связывать себя на веки подобными обещаниями, а должен судить в каждом конкретном случае особо. Он остался при своём, конечно, разумном решении несмотря на повторные просьбы Бенедетти. Эта знаменательная беседа 13 июля происходила в аллее парка в Эмсе, на виду у большой толпы гуляющих, но без слушателей, так как сопровождавший короля адъютант скромно удалился в сторону.

На этом разговор окончился. Вернувшись домой, король вскоре получил пересланное из Берлина донесение прусского посла о предложении Грамона в Париже, а несколько позже и письмо от князя Антона с извещением об отказе от кандидатуры. Теперь, согласно обещанию, данному Бенедетти, король должен был вызвать его к себе и сообщить ему о получении письма с отказом от кандидатуры. Но за это время успел приехать к нему министр внутренних дел граф Эйленбург, закадычный друг Бисмарка, который, будучи расстроен слишком мирным ходом эмских бесед и недостаточным контролем над поведением короля со стороны Абекена, послал к нему нового и более влиятельного надзирателя. По настоянию Эйленбурга король во избежание дальнейших неприятных разговоров на тему о «гарантиях» решил отменить аудиенцию Бенедетти. Он послал к нему адъютанта с устным извещением, что долгожданное письмо получено и встретило его одобрение. Бенедетти, желая вторично попытаться выполнить директиву де Грамона, всё же попросил через адъютанта принять его, но получил ответ, подсказанный Эйленбургом: король, мол, одобряет снятие кандидатуры принца Леопольда, больше ничего сделать не может и считает дальнейшие свидания излишними.

На следующий день Вильгельм уехал из Эмса. Одновременно уехал и Бенедетти. Оба, встретившись, на вокзале, пожал друг другу руки на прощанье, причём король сказал: «До свиданья, господин посол. Вы уезжаете в Берлин, я там тоже буду через несколько дней, вопрос будет обсуждаться не между нами, а между нашими правительствами». Это были обнадёживающие слова. «При отъезде из Эмса,— записывал у себя в дневнике чтец Вильгельма, некий Луи Шнейдер, которому король сам рассказал об этом,—государь ещё не верил во всю серьёзность положения; он даже весьма дружелюбно протянул Бенедетти руку, прощаясь с ним на вокзале.

Он, таким образом, нисколько не считал своего достоинства умалённым настоятельными демаршами посла, как это думала вся Германия, когда она дала себя увлечь гневом»¹.

Так, вопреки всем легендам, обстояло это знаменитое дело. Откуда же в Германии получилось ложное представление и явился «гнев»? В этот же день, 13 июля, вечером, у Бисмарка за столом сидели военный министр Роон и начальник генерального штаба Мольтке. Они были так удручены поступающими из Эмса сведениями о миролюбивых переговорах короля с французским послом, что, по словам Бисмарка, не в состоянии были притронуться к еде. Они правильно ожидали, что несмотря на всё Париж останется доволен исходом этих бесед и не подумает создавать новый конфликт из-за отказа короля связать себя обещаниями на вечные времена не давать согласия на гогенцоллернскую кандидатуру. Дичь, на которую было поднято такое «ату», ускользала из их рук, и охота, как в люксембургском вопросе, грозила ознаменоваться лишь несколькими холостыми выстрелами. В это время Бисмарку принесли из министерства расшифрованную телеграмму Абекена из Эмса с изложением событий дня. Телеграмма гласила в буквальном переводе:

«Его величество пишет мне: «Граф Бенедетти подошёл ко мне во время прогулки и потребовал от меня в конце концов весьма настойчивым образом, чтобы я уполномочил его немедленно телеграфировать, что я обязываюсь на все будущие времена никогда не давать снова моего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Я отказал ему, наконец, довольно резко, так как à tout jamais [навсегда] нельзя и не должно брать на себя подобных обязательств. Естественно, сказал я ему, я не получил ещё ничего, и так как он узнает о [происходящем] в Париже и Мадриде раньше меня, то он может убедиться, что моё правительство продолжает стоять в стороне». Несколько позже его величество получил письмо от князя. Так как его величество сказал графу Бенедетти, что ждёт известия от князя, то, приняв во внимание вышеупомянутое требование, его величество согласился, по моему и графа Эйленбурга докладу, не принимать более графа Бенедетти, а лишь приказать адъютанту заявить ему, что его величество получил теперь от князя подтверждение известия, уже полученного Бенедетти из Парижа, и не имеет ничего более сообщить послу. Его величество предоставляет на усмотрение вашего превосходительства вопрос о том, не следует ли сообщить как нашим представителям, так и в прессу о новом требовании Бенедетти и об отказе короля»².

Из слов Вильгельма, приведённых в телеграмме Абекена, можно заключить, что

¹ Schneider L. «L'Empereur Guillaume. Souvenirs intimes». Vol. II, p. 137. Paris—Nancy. 1888.

² Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 91, примеч. 34.

он регулярно сообщал в Берлин записками Абекену о своих беседах с Бенедетти и что в данной очередной записке он ограничился изложением содержания своего утреннего разговора. О дальнейших событиях пишет уже сам Абекен. Последний абзац, об опубликовании новых требований Бенедетти и об отклонении их, явно подсказан был королю его добрыми советниками, чтобы создать новую пиццу всё ещё продолжавшемуся возбуждению в связи с декларацией Грамона. Этот вывод вытекает из того, что до сих пор переговоры с Бенедетти происходили в келейном порядке и публика о них ничего не знала.

Бисмарк задумался, как бы изготовить новую пиццу для разжигания конфликта, воспользовавшись разрешением короля дать сообщения в прессу; быть может, он одновременно получил и частное сообщение Эйленбурга, которым ему это и рекомендовалось. Во всяком случае, спросив у Мольтке, готова ли армия к войне, и получив утешительный ответ, он подсел к соседнему столику и принялся составлять текст предполагаемого сообщения в прессу. Как он сам с гордостью констатирует в своих воспоминаниях, он не прибавил к абекеновской телеграмме ни одного слова, а только её «сократил». В результате получилось следующее:

«После того как известия об отречении наследного принца Гогенцоллерна были официально сообщены французскому императорскому правительству испанским королевским правительством, французский посол предъявил в Эмсе его королевскому величеству добавочное требование уполномочить его телеграфировать в Париж, что его величество король обязывается на все будущие времена никогда не давать снова своего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Его величество король отказался затем ещё раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего более сообщить послу»¹.

Таково было это «сокращение», которое изобразило дело так, как если бы Бенедетти пришёл к королю с новыми требованиями, а король велел передать послу, — может быть, ожидавшему в передней, — что не хочет его видеть и ничего ему сказать не может! Создавалось впечатление о каком-то резком разрыве переговоров, точно король захлопнул дверь перед носом французского посла. Бисмарк тем и похваляется, что его «редакция» преобразила то, что было лишь эпизодом в переговорах, в их резкий и невежливый разрыв. Недаром, когда Бисмарк ознакомил гостей со своим редакционным трудом, у них просияли лица и они с аппетитом принялись за

еду. «Раньше это звучало как отбой, а теперь это звучит как фанфара», — заметил по-военному Мольтке. «Старый бог ещё жив и нас не оставит», — благочестиво заметил юнкер Роон. А Бисмарк, оставшись один, отметил у себя в дневнике, после краткой записи эпизода: «А остальное вершат уже бог и доброе железо!» Он был уверен, что французское правительство не устоит против такого провокационного «коммунике». Для вящего эффекта в прессу ещё была пушена версия, будто Бенедетти пытался приблизиться к королю во время его прогулки по аллее, а король повернулся к нему спиной!

Вот откуда возникло представление* в Германии об умалении прусско-королевского достоинства и вспыхнул «гнев»! Но в Париже, как и предвидел автор фальшивки, разразилась буря. В свете полученного от Бенедетти изложения эмского эпизода лживое сообщение прусского правительства явно говорило о преднамеренной провокации. Теперь наступила очередь за де Грамоном восклицать: «Нам публично дали пощёчину!»

В тот день, 14 июля, по получении известий из Берлина совет министров собирался три раза. На первом заседании большинство министров стояло ещё за мир, но ко второму заседанию уже был известен и «гнев», которым разразилась бисмарковская пресса, требовавшая войны. Кабинет решил призвать резервистов. Однако Наполеон ещё колебался. Вечером на него стали нажимать со всех сторон сторонники войны: и министры и императрица. Военный министр Лебеф, бросив портфель на пол, кричал, что уйдёт с поста, если войну не объявят. После долгих и мучительных споров Наполеон покорился своей участи. На третьем заседании, состоявшемся около полуночи, кабинет принял решение объявить войну. Вынесенное на заседание Законодательного корпуса решение было утверждено, и кредиты были вотированы всеми голосами против десяти. Война была формально объявлена 19 июля.

Мир не знал о проделках и подлогах Бисмарка и отнёсся с доверием к его версии. Только два человека в Германии не разделяли этого доверия: это были два первых социалистических депутата в рейхстаге: Вильгельм Лябкнехт и Август Бебель. При голосовании кредитов они мужественно высказали своё мнение и, не доверяя также и Луи-Наполеону, воздержались от голосования. Лябкнехт даже заподозрил, что с эмской телеграммой была проделана фальсификация. Но только в 1893 г. преемник Бисмарка Каприви подтвердил замечательную догадку Лябкнехта. Вся Германия, в том числе и южные государства, прикнула к «навязанной» старым французским агрессором «национальной» борьбе. Таким образом, Бисмарк создал свою «оборонительную» войну — типичный образчик прусской агрессии и прусского вероломства.

¹ Бисмарк О. «Мысли и воспоминания». Т. II, стр. 86.

СООБЩЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ РОССИИ *

Акад. Б. Греков

Первым трудом по истории России мы все имеем право считать «Повесть временных лет» — этот действительно первоклассный памятник нашей культуры. Успешнее всего и больше всего занимался этим трудом покойный акад. А. Шахматов. Сделал он очень много. Его друзья и ученики продолжали его дело. А. Шахматов изучил до мельчайших подробностей состав наших летописей, взаимоотношение их частей, заметил все детали в составе этого величайшего произведения. Он рассматривал «Повесть временных лет» приблизительно так, как анатом рассматривает труп человека. Но на «Повесть временных лет» можно смотреть и с другой точки зрения: как на живое произведение, не анатомируя его, а воспринимая его как нечто цельное.

Начну своё изложение ссылкой на историков XVIII века.

Акад. Миллер, имевший официальное звание русского историографа, почти 200 лет тому назад писал: «Нестори продолжатели его временника составляют связь русской истории, которая так полна, что ни одна нация не может похвалиться, чтобы имела такое сокровище, которое продолжалось бы непрерывно через такое множество лет». «Слова эти сильны, — комментирует их другой историк XVIII—XIX вв. — Шлецер, — но их говорил человек, знавший и русскую и иностранную историю». В том же своём труде Шлецер полностью соглашается с Миллером. Русская нация, по его словам, — «единственная владелица важного не только для неё, но и для всей занимающейся историей публики сокровища, которую она может и должна гордиться».

Так отзывались о «Повести временных

лет» немецкие учёные, как хорошо известно, не питавшие особенно нежных чувств к России и склонные смотреть на её культуру сверху вниз. И они вынуждены были признать, что «Повесть временных лет» — явление исключительное.

Вот что, между прочим, говорит Шлецер: «Нестор, ещё раз смело повторяю, на всём этом обширном поприще (выше автор говорил о состоянии европейской историографии, современной Нестору. — Б. Г.) есть один только настоящий в своём роде полный и справедливый (выключая чудес) летописатель. Один только Генрих Латыш может ещё быть поставлен подле него, хотя описываемый им предмет и не столь обширен».

Но для Шлецера, который не мог или не хотел видеть глубоких истоков русской культуры, вполне закономерно приведшей к созданию «Повести», она, естественно, должна была казаться чудом, и Шлецер ставит вопрос прямо: «Как ему (Нестору) пришло на мысль написать временник своей земли и на своём языке?»

Тут два вопроса: 1) как Нестору пришло в голову стать историком своего народа и 2) как он смог это сделать на своём родном русском языке.

На второй вопрос ответить легче, и поэтому я на него отвечаю раньше, чем на первый.

Мы застаём древнейший русский язык в Русской Правде. В это время язык уже приобрёл известное богатство изобразительных средств. Это язык, близкий языку народных масс, простой и ясный, но в то же время уже выработавший в себе твёрдые этимологические и синтаксические формы. Этому языку не страшны были никакие «влияния». Он мог только обогащаться новыми словами или оборотами, нисколько не теряя своего национального облика. Известно, что болгарские книги и переводы с болгарского действительно оказали некоторое воздействие на русский книжный язык, но нисколько не изменили его сущности. Язык величайшего русского произведения нашей древности «Слова о полку Игореве» корнями своими уходит в народную устную поэзию, откуда автор черпает и свои удивительные эпитеты и метафоры.

Русский литературный язык при наличии особенностей народных говоров устойчиво держится на огромной территории всей Руси. От берегов северных морей до Чёрного моря, от Карпат до Волги и Оки, где

* Доклад акад. Б. Д. Грекова на сессии Отделения истории и философии АН СССР 21—24 сентября 1943 года.

Использованная литература и источники: летопись Лаврентьевская и Ипатьевская; Саесар «De bello Gallico»; «Слово о полку Игореве»; «Житие Феодосия Печерского»; «Послание Феодосия Печерского»; «Слово о законе и благодати Илариона»; Иконников В. «Опыт русской историографии»; Приселков М. «Нестор-летописец», Ключевский В. Курс, т. I; Шлецер А. «Нестор»; Ерёмин И. «Из истории древнерусской публицистики XI века».

только не жил русский человек, в юридических документах, в исторических повествованиях, в стихах и прозе звучал тот же точный, гибкий и образный язык.

Достоин замечания и то, что русский человек, умевший владеть пером, мог выбрать себе форму выражения своих мыслей и чувств.

Игумен Даниил в своём дневнике путешествия в Иерусалим (1106—1107) заявляет, что собирается писать «не хитро, но просто», т. е. сознательно отказывается от словесного витийства.

Создание славянской азбуки и переводы греческих книг на русский язык дали Руси очень много. Но это отнюдь не начальный момент русской культуры. Ведь и до появления письменности, а затем некоторое время после её появления, параллельно с нею живёт система дописьменной культуры, на которую часто и совсем не заслуженно не обращают внимания.

Чем, например, объяснить сохранение для далёких потомков Илиады и Одиссеи тысячи фактов из различных сторон жизни каждого народа, лишь частично записанных в более позднее время, как не тем, что у каждого народа есть свой период дописьменной культуры, очень интересный и заслуживающий самого серьёзного к себе отношения?

Вот что пишет Цезарь о галльских друидах. Они освобождаются от государственных повинностей, в том числе от военной и податной. На их обязанности лежит длительное учение, продолжавшееся около 20 лет. Они заучивают наизусть в стихах всю сумму сведений и по астрономии и по географии, по естественной истории и богословию. Они обязаны передать знания своим ученикам. Они считают недопустимым пользоваться письмом, потому что не хотят, чтобы их знания стали достоянием масс, и потому, что записанное уже меньше удерживается в памяти.

То же повторял несколькими десятилетиями позже Сенека: «Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet»¹.

То, что вся сумма заучиваемых сведений облекалась в форму стиха, очень характерно, так как стихи легче и точнее запоминаются. Из песни слова не выкинешь.

Во времена, предшествующие письму, определённый круг песен имел значение истории. Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранить в памяти имена и подвиги героев. В таких произведениях уделялось также большое внимание генеалогии героев, незаметно переходившей в хронику событий, связанных с определённым историческим лицом. На придворных пирах обычно присутствовали певцы-сказители, прославлявшие князей, королей и их предков. Это — явление общечеловеческое. Естественно, что оно имело место и у славян, и у антов, и у руси в частности.

Но нас в данном случае интересует не только факт наличия в очень древнее вре-

мя поэтов и певцов на исторические темы, а и то, что именно воспевали эти сказители, сюжетный материал для исторических песен, былины и сказаний. Интерес к своему прошлому, потребность связывать настоящее с прошлым говорят уже об известном состоянии культуры, о сознании данного поколения своей принадлежности к этническому и политическому целому, корнями уходящему в далёкое прошлое. Сведения об антских сказителях идут издалека.

Что касается непосредственно Руси, то у нас, кроме дошедших до нас былины, песен и сказаний, вошедших в письменную литературу, имеются и определённые указания на имена мастеров этого дела. Баян, знаменитый «соловей старого времени», пел в сопровождении гуслей, слытая свои песни в честь исторических личностей, прославившихся своими деяниями: «Аще, кому хотяше песнь творити... тогда луцаше десять соколов на стадо лебедей... песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святославичю». Живые струны Баяна «князем славу рокоташу». Неизвестный нам по имени автор «Слова о полку Игореве» хотя и поставил себе задачу петь «по былинам сего времени, а не по замышлению Баяню», т. е. быть более конкретным, чем растекавшийся мыслию по древу Баян, но, по существу, был тем же певцом исторических событий и великих людей. И мы можем без труда убедиться в том, как выполнялась эта задача. Без всяких преувеличений можно сказать, что перед слушателями певца-поэта проходила в поэтической форме подлинная история, с глубоким пониманием событий, с тонкой характеристикой политических деятелей, обоснованной оценкой людей и их дел.

После победы Даниила Галицкого над ятвягами герой победы воспевался современными ему певцами-поэтами («Песнь славу пояху има», т. е. Даниилу и его отцу Роману). «Словутный певец Митусь», взятый в плен кн. Даниилом у владыки Перемышльского, отказался петь перед пленившим его князем («За гордость не восхоте служить князю Даниилу»). Этот факт относится уже к XIII в., но это старая традиция, жившая параллельно с письменностью. Несомненно, подобные же песни пелись и про Олега и про Святослава; пелись они и гораздо раньше. Певцы слагали свои песни и пели их потому, что было о чём петь и что их охотно слушали, у многочисленных слушателей был интерес к деяниям своих героев. Так создавалась и хранилась дописьменная история Руси.

Серьёзное внимание уделяли устным преданиям в форме исторических песен, сказаний и былины и наши первые историки-летописцы, делавшие попытки обобщить известный им материал и тем самым ответить на политические и культурные запросы своих современников.

«Народная киевская сага, — пишет Ключевский, — проходит яркой нитью, как один из основных источников свода («Повесть временных лет») по IX и всему X веку; сле-

¹ Сенека «Epistolae», 88, 28.

ды её даже заметны в начале XI столетия, именно в рассказе о борьбе Владимира с печенегами. По этим уцелевшим в своде обломкам киевской былины можно заключить, что в половине XI в. уже сложился в Киевской Руси целый цикл историко-поэтических преданий, главное содержание которых составляли походы Руси на Византию». Если бы Ключевский сам не вышел из хронологических рамок, им замеченных, то мне пришлось бы внести в этот его текст поправку. Но сам Ключевский говорит несколькими страницами дальше о том, что и более ранний, докиевский период истории русского народа сохранён для нас в тех же песнях: слышится «отдалённый отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившихся на Карпатских горах».

Незачем много говорить об известных местах «Повести», взятых из песен и былин. Этих мест немало: сказание о Кие, Щеке и Хориве, о мести Ольги, о пирах Владимира, взятии Корсуни, женитьбе Владимира на Рогнеде, единоборстве Мстислава с Редедой и др. Наши специалисты-литературоведы даже находят некоторые остатки стихотворной формы в летописных записях, подчерпнутых из устных источников. Такое прямое воздействие устного стиха на письменную прозу не только правдоподобно, но и вполне закономерно.

Нужно прямо сказать, что в дописьменное время и во время сравнительно малого распространения письменности значение поэта как историка было гораздо больше, чем впоследствии. От безграмотного поэта-историка требовалось несравненно больше таланта, чем от грамотных фиксаторов отдельных фактов. Понятно, почему последним не приходилось обращаться к музам: ведь Зевс посылал вдохновение только «людям высокого духа». А протокольную запись мог вести и человек, лишённый всяких дарований.

Чтобы не вызвать упрека в бездоказательности, привожу тут отрывок из Франкской амандской летописи:

«687. Война Пишина в Тестри, где он победил франков.

688, 689, 690... 701. — пустые.

701. Смерть короля Гильдеберта.

703—707 — пустые.

708 — Умер Дрогоп весной.

709 — Выступил Пишин в Швабию против Вилария.

710 — Опять ходил Пишин в Швабию против Вилария и т. д.».

Подобные этим записи велись и у нас на Руси задолго до составления первого обобщающего труда по истории Русской земли. Этого требовал княжеский двор, центр, откуда расходились нити княжеского управления Русской землёй и где решались и осуществлялись вопросы внутренней и международной политики.

Трудно установить время, с какого началась эта практика. Можно лишь с уверенностью сказать, что она утвердилась с того времени, когда окрепла государственная власть в крупных политических центрах и особенно когда Киев стал столицей большо-

го русского государства, т. е. со второй половины IX века.

По мере расширения международных связей Руси, по мере усложнения аппарата и техники управления страной необходимость точно фиксировать политические события становилась всё более и более настойчивой. Для облегчения этих записей существовали как на Западе, так и у нас особые календарные таблицы, где под соответствующими годами отмечались нужные факты. Есть все основания предполагать, что каждый новый киевский князь заводил свои собственные записи. В «Повести временных лет» есть ясные намёки на это обстоятельство.

В той же «Повести» есть и следы обобщающих события сводок, тоже необходимых для практических целей. В «Повести» вводятся особые разделы — «От смерти Святослава до смерти Ярослава лет 85, а от смерти Ярослава до смерти Святополка 60». И. И. Срезневский не без основания полагает, что мы имеем здесь некоторый современный опыт обобщения фактов от Святослава до Ярослава, сделанный одним лицом, и от Ярослава до Святополка — другим. Но это, во-первых, не первый опыт и, во-вторых, это ещё не исторический труд.

Как же быть с греками, которые, по мнению одних, создали нашу письменную историю, по мнению других, — научили нас, как надо её писать?

Первое мнение, как совершенно ни на чём не основанное и противоречащее всем известным нам фактам, должно быть решительно отвергнуто. Второе имеет некоторые основания, но должно быть уточнено.

Конечно, русские люди многому научились у греков, в том числе познакомились и с формами литературных произведений. Русские люди рано стали читать и греческих хронистов. В этом отношении Русь была ученицей греческих мастеров.

Но это касается только формы. Если же говорить о содержании, то, подобно всем другим народам, русские люди без всяких влияний и воздействий на известном этапе своей собственной культуры почувствовали потребность оглянуться назад, на своё прошлое, осмыслить его для самих себя. Эта потребность очень стара. Её удовлетворяли в своё время поэты, певцы, сказители. Затем сделан был общественный заказ на систематическую историю родной земли и появилась к тому возможность.

Вот как пришла Нестору в голову мысль написать историю своей земли!

Нам хорошо известно, что со времени Владимира Святославовича в Киеве существовала государственная школа. Тогда же по возвращении из корсунского похода, когда Владимир прибыл в Киев с женой — сестрой греческого императора, — окружённый свитой образованных греков, он «начал поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на учение книжное».

«Учение книжное» — это не простое обучение грамотности, а систематическое образование, обучение тогдашним наукам. О митрополите-греке Иоанне II «Повесть временных лет» отзывается с величайшими похвалами: «Бысть муж хитр книгам и

ученью... и сякого не бысть прежде в Руси, ни по нем не будет сяк». Митрополит Кирилл II — тоже учёный, — по отзыву той же «Повести», был «учителем зело и хитр учению божественных книг». О двух русских митрополитах «Повесть» выражается так же: знаменитый Иларий «бже муж благ, хитр и жён и постник»; Климент «бысть книжник и философ так, яко же в Русской земле не бяшетъ».

В то же время о князе Борисе Владимировиче Нестор говорит гораздо скромнее: «Князь бже бо и грамоте научен»; «книжного учения» он не проходил; о митрополите-греке Иоанне-скопце, несомненно человеке хорошо грамотном, сказано: «Был муж не книжен, умом прост и просторек».

Грамотности обучали не в той школе, где преподавалось «учение книжное». Грамотность была известна на Руси задолго до Владимира. Детей «нарочитой чадн», т. е. старших дружинников, княжих мужей, бояр, конечно, набирали не для того, чтобы сделать из них пономарей или даже рядовых священников, а для того, чтобы создать из них образованных людей и государственных деятелей, способных поддерживать общение с той же Византией и другими странами.

Кроме этой государственной школы в Киеве, была возможность учиться и в других городах. Так, Феодосий Печерский в детстве, в Курске учился у «единого от учитель» и, по словам Нестора (может быть, несколько и преувеличенно), «вскоре извыче вся грамотикия», т. е. обучился не одной грамоте, а прошёл какой-то курс учения.

Несколько иначе можно понять сообщение «Повести» об учреждении Ярославом государственной школы в Новгороде. Ярослав, «прииде к Новгороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам». Поскольку речь идёт о «поповых детях», можно думать, что тут разумеется подготовка образованного духовенства.

Для продолжения и углубления образования, а также и для самообразования служили библиотеки. Они были введены в русские монастыри вместе с студийским монастырским уставом. Библиотека, по уставу, находилась в ведении особого брата — библиотекаря. Братия по его распоряжению должна была являться в определённые часы для чтения книг. Часть братии занималась списыванием книг. При Феодосии в Печерском монастыре был монах Иларий, «хитрый писать книги». Никон переплетал их. А в углу его стола по вечерам — обычно пристраивался сам Феодосий и пряд нити, необходимые для списывания книг.

Некоторые из братии имели свои собственные библиотеки. Ученик Феодосия Григорий не имел ничего своего, но не мог удержаться от приобретения книг. У него их стали воровать. Чтобы не вводить воров в искушение, он часть своих книг подарил «властелину града», а другую —

продал. Вырученные деньги роздал нищим. Но тяга к книге продолжалась. Он снова стал собирать библиотеку.

Монах Никита, будучи в монастыре, наизусть выучил Ветхий завет. Дамиян не спал ночи и читал книги. Феодосий поощрял «почитанье книжное». Книги накапливались и тщательно хранились. Для литературных работ, выходящих из этого монастыря, они, конечно, были необходимы.

Ярослав, по свидетельству летописца, много книг «положи в Святой Софии». Он сам был большой любитель книг и понимал значение книжных собраний. Сын его Святослав наполнял свои кельи книгами. Князь Святополк — Николай Давидович («Святоша») — тратил на книги свою казну и дарил их Печерскому монастырю.

Только в среде, очень тонко понимавшей значение книги, мог появиться человек, сказавший о книге крылатые слова, и сейчас украшающие читальный зал Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: «Книги суть реки, наполющие вселенную».

Не менее тщательно хранились и архивы. При церкви Ильи в Киеве хранились архивные документы. При других церквях в большей или меньшей степени сохранялись записи о случаях и лицах, в том или ином отношении замечательных. При церквях велись и пасхальные таблицы с заметками об отдельных событиях. При соборных храмах в Киеве, Новгороде, Полоцке, Ростове и др. были свои библиотеки и архивы. Киевская София в этом отношении особенно интересна. Ведь здесь, как и в Новгородской Софии, совершалось посажение на стол князей, тут сходились князья для переговоров, в её дворе собиралось вече. При таком значении храма записи о событиях, здесь происходивших, должны были иметь характер политический.

«Повесть» в том виде, в каком она дошла до нас, есть произведение, над которым трудилось несколько поколений летописцев, пересматривавших и продолжавших работу своих предшественников. Каждый из них был сыном своего времени и своей среды, но все они были дети одной матери — родины — и отвечали, в сущности, на один вопрос, как сложилось великое государство, «ведомое и слышимое всеми концами земли».

Но, прежде чем возник этот вопрос, должно было вырасти самое государство и занять своё место в тогдашнем мире. Только народ, осознавший самого себя, мог создать произведение, достойное себя.

Когда Киев властным распоряжением князя Олега был объявлен «матерью городов русских», Русь уже прошла большой исторический путь. Она могла рассказать и о новгородских славянах и о народах Прибалтики, о постоянном общении Руси с арабами и с соседними скандинавскими странами, то мирными, то враждебными, о приглашениях варяжских наёмных дружин, вождем одной из которых удалось узурпировать

власть в Новгороде. Ещё больше можно было рассказать о Киеве, одном из старейших городов русских, о его международном положении на путях с высококультурного Востока на Запад, о его связях с Византией, Кавказом и Средней Азией, о первых киевских князьях, о попытках варягов овладеть этим крупным центром на Днепре и пр.

Но все эти интересные и важные факты в глазах наших первых историков-летописцев отошли на второй план по сравнению с фактом объединения отдельных частей Руси в единое государство под главенством новой династии — Рюриковичей, вернее Игоревичей, поскольку династическая связь с Рюриком в «Повести» установлена очень сбивчиво и искусственно.

Событие это настолько подчёркнуто в трудах наших первых историков-летописцев, работавших под непосредственным наблюдением этой самой династии и в её интересах, что надолго загнило и заглохло и последующих историков, без всякого оправдания часто забывавших дорюриковский период истории русского народа. Такова сила влияния «Повести временных лет», сила традиции.

Успехи археологии, этнографии, языкознания и критики письменных источников разбили эту «традицию». Читая ту же «Повесть временных лет», мы открываем сейчас в ней новый смысл, понимаем её не совсем так, как понимали её Шлецер, Карамзин и даже С. М. Соловьёв.

О Руси была прекрасно осведомлена и больше чем кто-либо просвещённая среда государств тогдашнего мира Византия. Её старые связи с Русью определили и принятие Русью христианства от Византии. Но именно этот шаг и грозил очень недёшево обойтись Руси. Осложнения, возникшие на этой почве, сильно волновали общественную мысль XI—XII веков. В самом деле! Русская церковь в организационном отношении стала одной из митрополитий константинопольского патриарха, а в Византии церковная и светская власти находились в тесном союзе. Император возглавлял и империю и церковь. Совершенно понятно, что митрополит, присланный из Византии в Киев, становился во главе русской церкви, оставаясь прежде всего и больше всего представителем власти константинопольского патриарха и тем самым византийского императора. Такое положение киевского митрополита, конечно, не могло не вызвать и у русских князей и в русском обществе конфликтов по очень принципиальным вопросам.

Поэтому совершенно понятна попытка Ярослава покончить с этим двусмысленным положением.

Ярослав, стараясь поднять значение своего стольного города, устраивает его по образу Константинополя: он закладывает новый кремль, строит Золотые ворота, сооружает св. Софию, а за нею ряд церквей и монастырей. Киев соперничает с Константинополем.

Тринадцатиглавая деревянная София, уже давно перед этим (с 989 г.) стоявшая в Новгороде, не замедлила появиться и в Полоцке, символизируя культурное и политическое единство трёх крупнейших центров Руси. Не забудем, что в Новгороде и Киеве, а весьма возможно — и в Полоцке насаждался когда-то единый для всей Руси культ Перуна. Св. София идейно связывала Русь с Византией; но отсюда совсем не вытекала, как показывают факты, готовность Руси стать в подчинение Византии и потерять своё собственное лицо.

Ярослав очень определённо вёл свою национальную линию, и конфликт его с Византией вылился в поход против неё русского войска под начальством сына Ярослава Владимира, поход, который один из византийских политиков назвал войной «варваров против гегемонии греческой». Поход 1043 г. был для Руси неудачен, но Ярослав не сложил оружия и в 1051 г. решился на очень смелый шаг — возвести в митрополиты русского человека. Этот шаг Ярослава греки поняли очень правильно, однако не решились на полный разрыв и пошли на компромисс: Киев принял к себе митрополита-грека, сын Ярослава Всеволод женился на дочери императора из дома Мономахов.

Тем не менее Ярослав не изменил курса своей политики. При нём и при его содействии «не по мнозех днех» после поставления Илариона возник новый очаг русской культуры — Киево-Печерский монастырь. Антоний, его основатель, поселился первоначально даже в той самой пещере, где подвизался до него Иларион.

Около Антония стали собираться крупные люди, которым в разное время пришлось играть серьёзную роль в церковно-политической жизни Руси. Здесь мы видим «великого Никона», продолжателя Древнейшего летописного свода, очень заметную общественно-политическую фигуру, Феодосия, Варлаама, сына знатного киевского боярина, Ефрема, впоследствии епископа Переяславского. Через 4 года Киево-Печерский монастырь уже был хорошо известен. Между монастырём и княжеским двором установилось постоянное общение. Старший сын Ярослава Изяслав уже приходил в монастырь с дружиною просить у Антония молитвы и благословения на дела значительной политической важности. И другие князья, бояре, епископы, купцы приходили в монастырь преподобного Феодосия за благословением перед началом дела, для благодарственной молитвы по окончании, молились, просили иноческих молитв, жертвовали «от имени своих на утешение братии и на строение монастырю», рассказывали, размышляли вслух, исповедуя игумену и братии свои помыслы.

Печерский монастырь был «собирательным фокусом, объединявшим рассеянные лучи русской жизни, и при этом сосредоточенном освещении наблюдательный иннок мог видеть тогдашний русский мир многостороннее, чем кто-либо из мирян» (Ключевский).

Монастырь стал с момента своего основания горячим сторонником Ярослава в его стремлении к церковной самостоятельности, центром русской национальной мысли, рассадником и школой русских иерархов. «Мнози епископы (около 50) поставлены были во всю Русскую землю» именно отсюда, как подчёркивал это епископ Симон в своём письме к черноризцу Полликарпу около 1225 года.

Рост политического значения монастыря и направление его деятельности не могли не вызвать беспокойства у митрополита-грека, новая паства которого оказалась не таким уж «варварским» стадом, как, повидимому, склонны были первоначально думать константинопольские власти, а живым и деятельным народом, совсем не намеренным идти на поводу у греков и имеющим к тому все материальные и духовные возможности.

Несколько фактов позволят нам почувствовать степень остроты общественной борьбы того времени.

«Великий Никон» в связи с осложнениями между монастырём и митрополитом вынужден был покинуть монастырь и три года провёл в Тмутаракани. Недобровольно пришлось покинуть монастырь и Антонию.

Напомним, что после смерти Ярослава власть оказалась в руках трёх его сыновей: Изяслава, Святослава и Всеволода, которые заключили между собой соглашение. Но триумvirат этот не был прочен. У каждого из триумvirов были свои политические взгляды и планы. Несомненный западник Изяслав, к тому же женатый на польке, тянул к Польше и Западу. Всеволод, женатый на гречанке из царственного дома Мономахов, был ориентации византийской. Русские национальные интересы находили наибольший отклик в Святославе.

Во время восстания киевлян против Изяслава в 1074 г. монастырь и сам Антоний, несомненно, принимали в движении какое-то участие; когда Изяслав при помощи поляков вернул себе Киевский стол, Антоний, опасаясь княжеского гнева, принуждён был ночью тайно покинуть город. Характерно, что Антоний был увезён своим почитателем и единомышленником князем Святославом Черниговским. Феодосий тоже не оставался пассивным, хотя его отношение к Изяславу было иным. Он его признавал и оставался в этом отношении твёрдым до конца, но и его беспокоили симпатии Изяслава к католичеству и Польше. Феодосий избрал более безопасный, увещательный образ действий. До нас дошло послание Феодосия к Изяславу с обличением и предостережением. «Ты же, чадо, блюди кривоверных, — писал Феодосий, — и всех их словес, занеже исполнилася и наша земля злая тоя веры».

«Не подобает же, чадо, хвалити чужие веры: аще хвалит кто чужую веру, то обретается свою хуля».

«Ты же, чадо, блюди ся и свою веру не преставай хвалити, ни свойся к ним, но бегай

их и подвизайся в своей вере добрыми делы». Прямо по адресу Изяслава, жена-того на католичке-польке, поддерживавшего постоянные связи с Польшей и окружённого поляками (даже у его сына, Мстислава были польские телохранители), направлены слова, требующие «блосты своих дочерей, не давати за них, ни у них поимати». (Дочь Владимира Мария Доброгнева была замужем за польским князем Казимиром I. Сын Казимира и Мария был женат на русской княжне. Изяслав Ярославич женился на сестре Казимира).

Насколько благородно национальное чувство у этого печерского черноризца, видно из того места «Послания», где автор делает характерную оговорку: «Милуй не токмо своея веры, но и чужия: аще видиши жага или голодна или зимою или бедою одержима, аще то будет жидовин или страцин или болгарин или еретик или латинянин или ото всех поганых — всякого помилуй и от беды избави я, яже можеша». Это не узкий национализм.

«Послание» мало помогло: отутившись вторично за границей в качестве изгнанника, Изяслав ищет помощи не только у своего родственника — польского короля Болеслава, — но обращается и к германскому императору Генриху IV и к самому папе Григорию VII, которому обещал, если он будет содействовать возвращению Изяслава в Киев, признать власть Ватикана.

Знал ли или не знал Феодосий о заграничных похождениях Изяслава, во всяком случае, он обнаружил большую твёрдость в отстаивании его прав на Киевский стол, когда этот последний был занят братом Изяслава Святославом. Отношения между Феодосием и княжеским двором настолько обострились, что дело доходило до угрозы разрыва. Святослав готов был заточить Феодосия. Вмешательство вельмож и выступление братьев спасло положение. Феодосий примирился со Святославом и разрешил поминать его в церковных службах, но всё-таки на втором месте после Изяслава. Никон не пошёл на соглашение и предпочёл удалиться снова в Тмутаракань.

Цена национально-политическое направление монастыря и учитывая удельный вес его в обществе, Святослав обнаружил готовность идти навстречу монастырю: он дарит монастырю соседнее с ним княжеское поле, лично участвует в закладке фундамента каменной монастырской церкви. А когда Феодосий очень скоро после этого безнадёжно заболел, Святослав со своим сыном Глебом прибыл к умирающему и выслушал его последнюю волю. Феодосий просил князя взять монастырь под свою защиту. Это было очень важно, так как митрополиты-греки продолжали косо смотреть на деятельность Печерской обители. Феодосий знал, конечно, что Святослав в этом отношении — его единомышленник, так как князь выступал не раз против византийских притязаний на Русь. При нём митрополит даже не жил в Киеве, а предпочитал находиться в Переяславе

ле, у грекофила Всеволода, настроенного враждебно и против Святослава¹.

Феодосий умер в 1074 г., через два года отошёл в вечность и Святослав. На Киевском столе водворился Всеволод, а через полгода вернулся из изгнания и Изяслав, интересы которого так усердно защищал Феодосий.

Отражением смены князей на Киевском столе явилась неизбежная смена игуменов: Стефан был изгнан братией, и вместо него посажен верный Изяславу Никон, успевший к этому времени (после смерти Святослава) вернуться в Киев. Но неожиданная смерть Изяслава на поле брани снова спутала все расчёты политических кругов Киева. Власть оказалась в руках Всеволода, давно связанного крепкими узами с византийским императорским двором и пользовавшегося большим вниманием императора Михаила VII Дука. Два письма его к Всеволоду, до нас дошедшие и блестяще прокомментированные В. Г. Васильевским, говорят об этом совершенно ясно.

По вполне понятным причинам между Всеволодом и митрополичьей кафедрой установились доброжелательные отношения, а для Печерского монастыря опять настали трудные времена. Всеволод в противовес Печерскому монастырю устроил свой собственный Михайловский Выдубицкий монастырь и проявил большую заботу о его процветании. В празднике освящения каменной церкви этого нового монастыря самое активное участие принимал митрополит, который в то же время уклонялся от проявления внимания по отношению к монастырю Печерскому.

Печерскому игумену Никону пришлось пережить немало. К сожалению, до нас не дошёл летописный труд Никона, писанный в то время. Труд его, конечно, был проникнут духом Печерского монастыря, т. е. был насыщен общерусским патриотическим чувством, столь неприемлемым для киевского митрополита-грека и его сторонников.

Тут же в монастыре, ещё при жизни Феодосия, писались и другие произведения. Мних Иаков писал «Память и похвалу св. Владимиру» и «Сказание о Борисе и Глебе». Оба произведения далеко не академичны; пропущенные глубоким патриотическим чувством, они затрагивали и решали весьма острые вопросы.

Не секрет, что греки недоброжелательно отнеслись к появлению русских святых и всячески мешали стремлению русских людей иметь святых из своей среды.

Только с трудом и нехотя митрополит вынужден был признать святость первых русских святых — Бориса и Глеба.

Он сильно сомневался в святости братьев-князей, и только когда их мощи были перенесены в новую церковь в Вышгороде, со-

оружённую князем Изяславом, и когда церковь при этом «исполнися благоухания», митрополита объял ужас: «бе бо нетверд верою к нима», как отмечает это обстоятельство русский патрист-летописец. Митрополит-грек «пад ниц, просяше прощения». Русская же земля без всяких колебаний встретила прославление первых своих святых с величайшей радостью и величайшим усердием. Память их праздновалась весьма торжественно, и день 24 июля причислялся к великим годовым праздникам. «...праздник Бориса и Глеба, яже есть праздник новый «Русьския земля». Следующим русским святым стал Феодосий Печерский, который внесён был в синодик по распоряжению киевского князя Святополка Изяславича.

Ещё дольше и решительнее греки противились канонизации Ольги, Владимира и Феодосия. Широкая борьба велась вокруг этого, решался вопрос первостепенной важности: быть или не быть Русской земле культурно самостоятельной или продолжать находиться под опекой греков.

Греки не могли не замечать, какое применение русская паства делает из первого своего завоевания. Русские люди стали строить в честь Бориса и Глеба храмы, заботились о великолепии этих храмов.

Борис и Глеб стали явными конкурентами св. Софии. Садко, богатый новгородский гость, воздвиг на свои средства в Новгороде грандиозный храм в честь Бориса и Глеба, выбрал для него, разумеется с согласия новгородского веча и епископа, место в кремле, где когда-то стояла первая деревянная София, как раз напротив новой Софии, словно бросая ей вызов. В Новгороде же в разное время было построено ещё 7 церквей тем же святым.

В Киеве, где сидел митрополит-грек, сделать подобную демонстрацию было труднее.

Но храм Борису и Глебу появился в старой любимой загородной резиденции киевских князей — Вышгороде, куда с исключительной торжественностью были перенесены мощи этих святых. В память этого события установлен был специальный праздник Перенесения мощей Бориса и Глеба и ему был придан глубокий политический смысл. Храм Бориса и Глеба в Вышгороде занял самое почётное место среди святых Киева. Не случайно Владимир Давидович Галицкий, прибыв в Киев вместе с Юрием Долгоруким, счёл необходимым явиться прежде всего в Вышгород: «... Еха... Вышегороду к святыма мученикама поклонитися; и тако поклонився святою мученику и приеха к святой Софии». София оказалась в данном случае на втором плане.

Этим же святым строились храмы на Альте, месте убийства Бориса, в Переяславле-Русском, Ростове, Чернигове, Рязани, Пскове, Гродне, Муроме и других городах.

Шесть раз в году по тем или иным поводам праздновали память Бориса и Глеба. Ни один святой не удостоивался такого почёта.

¹ Роль Киево-Печерского монастыря в это время очень ярко изображена в брошюре М. Д. Приселкова «Нестор-летописец», мною в данном случае использованной.

Очень интересно отметить, что через несколько лет после прославления на Руси Бориса и Глеба культ этих святых был установлен в Чехии: в Созавском монастыре был построен в честь их специальный придел. Культурно-политические связи этих двух славянских народов нашли новое своё выражение. В конце XI в. житие Бориса и Глеба включили в свой житийный сборник армяны. Очень скоро и греки сочли полезным признать первых русских святых.

Печерский монастырь откликнулся на «праздник Русской земли» составлением жития первых русских святых. Дело было поручено черноризцу Нестору — крупнейшей литературной силе монастыря.

Уже давно и в достаточно определённой форме печерским мняхом Иаковом была разработана в его «Памяти и похвале св. Владимиру» мысль о том, что князь Владимир и его мать Ольга ничем не хуже императора Константина и его матери Елены и вполне достойны канонизации. Эти мысли и чувства подхватил знаменитый и непревзойдённый Иларион, повторил их с высоты митрополичьей кафедры тогда, когда она была в его руках. Греки сочли это предложение за вызов.

Общая обстановка, создававшаяся вокруг этого вопроса, подсказала грекам и их русским сторонникам соответствующую тактику. Они поняли, что одними запрещениями нельзя было ограничиться в среде, где люди умели думать и подкреплять свои мысли аргументами большой силы. По инициативе греков стряпается контрвыступление. Появляется пасквиль на Владимира, где автор пыгается всячески порочить Владимира.

Так же греки пытались парировать и другой выпад Печерского монастыря против них. Нестор выпустил своё «Житие» Феодосия, где весьма определённо и убедительно доказывал необходимость канонизации достойного русского подвижника Феодосия. В ответ на это неприемлемое для греков предложение появилось «Житие» Антония, где отодвигались заслуги Феодосия и на первое место ставилась креатура греков — Антоний. «Житие» Антония подчёркивает исключительную заслугу в истории русского христианского просвещения греческого Афона, от имени которого якобы действовал на Руси Антоний. Он-де подлинный основатель Печерского монастыря, он, а не Феодосий, ввёл в монастыре греческий монастырский устав, он заложил каменную церковь и кельи, он чудесным образом продолжает пеших о монастыре и по смерти. Одним словом, Печерский монастырь — дело рук греков.

Оба выступления греков против Печерского монастыря не нашли признания среди русских людей и скоро были забыты. А из неоспоримых фактов антониева «Жития» печерские монахи сделали другой вывод. Если Афон принимал участие в насаждении культуры на Руси, то поскольку сам Афон не находился во власти патриарха, а непосредственно зависел от императора, то и Печерский монастырь должен зависеть от русско-

го князя и ни в коей мере — от грека-митрополита.

Князь Всеволод несмотря на свои связи с Византией был человеком русским и не мог быть совсем равнодушным к стремлениям своих соотечественников. Игумен Печерского монастыря Иван сумел добиться, хотя уже и в конце княжения Всеволода, некоторого расположения к своему монастырю: князь разрешил перенести мощи Феодосия в каменную церковь, хотя ни сам, ни члены его семьи на этом торжестве не присутствовали.

Печерский игумен Иван в своём летописном своде решил сказать несколько слов в оправдание Всеволода, к тому времени уже покойного: он-де был больной и дряхлый, делами ведал не он, а молодая часть его дружины. Очевидно, ни с одной, ни с другой стороны не было достигнуто взаимного понимания.

С вокняжением Святополка Изяславича, враждебно настроенного против Всеволодовичей, игумен Иван за выступление против Святополка был арестован и сослан в наследственный город Святополка Туров.

Несмотря на многие отрицательные свойства как в характере, так и в поведении у этого князя был один плюс, нашедший себе признание в Печерском монастыре и, в частности, у Нестора. Святополк оказался сторонником той общерусской традиции, которая, как неугасимый огонь, неизменно поддерживалась в древнейшем русском монастыре. Эта симпатия к Печерскому монастырю подогревалась разладом Святополка с митрополитами Николаем (1096—1101 гг.) и его преемником Никифором.

Святополк, наконец, решился на шаг, которого давно ожидали русские патриоты. Он согласился, хотя и не на полную канонизацию Феодосия. Игумен монастыря был повышен в ранге и стал архимандритом. Рука князя Святополка чувствовалась и здесь. Даже по этим, отрывочно дошедшим до нас фактам мы чувствуем сильно повышенный пульс общественной жизни.

А в это время в своей келье Нестор, автор житий Бориса и Глеба и Феодосия, готовился к новому труду, приступить к которому вскоре получил официальное поручение.

Нестор понял свою задачу очень широко. Он и переделал и доделал труд своих предшественников, значительно раздвинул хронологические его рамки, уделил также много внимания самому князю Святополку, затушевав тёмные стороны его деятельности и подчёркнув положительные; к этому побуждало его несомненное чувство благодарности за доброе отношение к Печерскому монастырю и за поддержку его программ.

Нестор сильно поплатился за это выражение своих симпатий к Святополку, как только власть после смерти Святополка перешла к его противнику Владимиру Мономаху.

Владимир Мономах во многом расходился со своим предшественником. На Киевский стол он сел уже 60-летним мужем,

Блестяще для своего времени образованный, многоопытный в делах ратных и международных, изучавший людей, его окружающих, и в то же время знающий нужды народной массы, он успел составить план действий со строгим учётом реального политика, понимавшего разницу между желаемым и возможным. Своей основной целью — спасти русское государство от полного распада ценою необходимых компромиссов — он достиг: обособившиеся владельческие князья получили возможность сидеть в своих вотчинах-княжествах при условии признания киевского князя олицетворявшего единство Русской земли.

Очень хорошо понимая значение различных политических течений, борьба между которыми обострилась в последние годы княжения Святослава и особенно бурно проявилась в первые дни после его смерти. Мономах неодобрительно относился к деятельности Печерского монастыря и Нестора в частности.

Дело летописания было передано в послушный Владимиру фамильный монастырь Всеволодичей и попало в руки игумена Михайловского Выдубицкого монастыря — Сильвестра. Ему дано было поручение — не просто продолжать труд предшественников, а переделать его заново, по указанию самого Владимира Мономаха. Этим распоряжением высказывалось недоверие к Нестору и его монастырю, осуждался курс, им взятый и положенный в основу труда. Сделан был шаг, по своим последствиям далеко выходящий за пределы печерской монастырской стены, далеко за пределы самого Киева. Он имел значение общерусское. Имя Нестора после этого надолго стало одиозным. Оно было выброшено и из книги, строго говоря, ему принадлежащей; разрешалось лишь подразумевать его под анонимным «черноризцем Феодосьева монастыря Печерского». И много должно было пройти времени, пока это имя воскресло и прозвучало на весь мир.

Так сложилась общественно-политическая обстановка, в которой рождался первый систематический труд по истории Руси. Он всё-таки появился, и трудности, какие приходилось преодолевать его авторам, ясно говорят нам о понимании всей его важности. Происходила борьба за каждую его мысль, потому что она была не безразлична.

Киево-Печерский монастырь не желал мириться с создавшимся для него положением, постарался восстановить своё морально-политическое значение в глазах всего русского мира и ценою значительного компромисса добился того, что дело летописания снова перешло к нему, продолжаясь, впрочем, одновременно и в монастыре Выдубицком.

Если мы примем во внимание, что параллельно с этой основной линией русского летописания шли и боковые его линии, что составлялись своды и в Новгороде, и в Галицкой земле, и в Переяславле, летописным делом занимались и люди духовные (при монастырях и епископских

кафедрах) и люди светские (при княжеском дворе), то нам станет совершенно очевидным огромный интерес к вопросам своей истории в различных уголках Русской земли.

Писали много, но труд Нестора оставался неизбежным фундаментом всех последующих исторических трудов.

«Повесть временных лет» — это одно из произведений человеческого гения, которому судьба предназначила неуываемый интерес на протяжении веков. Книгу читали с волнением и интересом и тогда, когда она только что вышла из рук автора. Равнодушно её не читают и сейчас.

Кроме многочисленных русских изданий «Повесть временных лет» печаталась и переводилась за границей. Отрывки «Повести» были переведены Герберштейном, в 1771 г. был сделан перевод в Геттингене на немецкий язык. В 1860 г. в Вене она была издана Миклошичем. Одновременно с Миклошичем предпринято было в Киеве издание Котковского с переводом на польский язык. В 1812 г. был сделан перевод «Повести» на немецкий язык Иосифом Миллером в Берлине; в 1834 г. её перевёл на французский язык и издал в Париже Луи Пари; в 1849 г. в Гельсингфорсе она переведена на шведский язык; в 1864 г. Яромир Эрбен в Праге перевёл её на чешский язык; в 1869 г. в Копенгагене Смит — на датский язык; в 1868 г. часть летописи была переведена на французский язык Луи Ложе и приложена к его докторской диссертации «О Несторе»; в 1884 г. вышел во Львове перевод её на латинский язык К. Лучаковского.

Чем объяснить столь большой и неуываемый интерес к труду, писанному 900 лет тому назад в Киеве? Чем объяснить его исключительное влияние на последующую историографию о России, как русскую, так и нерусскую? Ведь же секрет, что схема, выработанная «Повестью», оказалась столь живучей, что от неё не могли уйти ни Карамзин, ни Соловьёв, ни Ключевский? А строго говоря, не имеем оснований от неё слишком далеко отходить и мы.

Для читателя XI—XII вв. это было живое слово о родине, о её прошлом и настоящем, о великих трудах предшествующих поколений, завершённых образованием могущественного государства. В наше время это источник для познания прошлого Руси, источник в своём роде единственный, дающий хотя и не полное, но стройное, правдивое и последовательное изображение хода древнего периода истории Русской земли.

Русская земля жила не изолированной жизнью: она росла, крепла и завоевывала своё место в мировой истории, постоянно соприкасаясь с другими народами. Её первые историки не могли не интересоваться этими связями, так как эти связи входили в жизнь народа русского. Отсюда и всеобщий интерес к «Нестору» (в собирательном значении слова). Поскольку история Киевского государства — это очень крупная часть всемирной истории, постольку и

книга, написанная автором-киевлянином, посвящённая Киевскому государству, не могла и не может не представлять интереса для историка любой европейской и азиатской страны.

Я не собираюсь долго останавливаться здесь на всём богатом содержании «Повести временных лет». Мне кажется необходимым лишь подчеркнуть главнейшие идеи, лежащие в основу этого произведения и указать на технику его выполнения.

Нас поражает прежде всего широта постановки вопроса о месте Руси в мировой истории. Нестору, собственно, мы и обязаны тем, что в скромных по замыслу записях он даёт широкие обобщения всемирно-исторического масштаба, пользуясь данными библии, рисует градиозную политическую и экономическую картину мира. Среди народов он отыскивает место славян, чтобы таким путём последовательно подойти к восточным славянам.

Отдавая дань идее славянского единства, бросив клич о славянском культурном единении через язык и грамоту как раз в то время, когда славянство переживало тяжёлые времена (Моравская держава была разбита венграми в начале X в., болгарское царство—Византией в начале XI в., полабские и балтийские славяне уступали немецкому напору и вместе с чехами и поляками — католическому влиянию), Нестор спешит перейти к главному предмету своего исследования — судьбам народа русского.

Очень хорошо зная географию своей страны, он точно очерчивает место, на котором намерен изобразить жизнь своих соотечественников. Но главное внимание он обращает на тот период их истории, когда вокняжилась новая династия—Рюриковичей.

Нестор, сославшись на первое упоминание о своём народе в летописании греков при императоре Михаиле, так и говорит: «мы... скажем, что ся зде (т. е. на Руси.—Б. Г.) здеа в лета си якоже прежде почали бяхом первое лето Михайлом»,— под 858 г. помещает сообщение о том, что «Михаил царь иде с войн берегом и морем на Волгары», а под следующим годом приводит факт из русской истории, но факт явно не начальный, а взятый из середины, о том, что прибалтийские народы, в том числе и славяне, платили дань варягам и что хозары брали дань с некоторых южных русских племён. О тех частях Русской земли, которые никому не платили дани, он молчит, тем самым показывая, что сообщаемые им факты имеют в его повествовании служебное, узкое назначение. Автору лишь надо показать, при каких обстоятельствах появился в Новгороде варяг Рюрик и почему новая династия столкнулась с хозарами.

Династия, по мнению историка-летописца, спасла русский и многие нерусские народы от «усобищ», она «великим трудом» сключила государство, она же должна и сейчас, когда «усобищы» с новой силой разъедают Русь, спасти политическое единство страны. Эта идея пронизывает всю тогдашнюю и последующую литературу, до-

водя её до высшего своего выражения в «Слове о полку Игореве».

Гордость за своё прошлое, опасение за будущее и призыв к защите целостности родины — этот идейный стержень «Повести временных лет» свидетельствует столько же о политической зрелости её авторов, сколько и тех, для кого она была писана.

В этом труде историк русской культуры должен отметить и другую, не менее важную сторону — умение справиться с делом составления истории своего государства и народа, подготовленность автора к большому самостоятельному творческому труду.

Образованных и талантливых людей на Руси в это время было уже много. Конечно, не все были Иларионами или хотя бы приближающимися по силе таланта к неизвестному нам по имени автору «Слова о полку Игореве», но ведь люди им подобные ни в какое время и ни в какой стране не насчитываются дюжинами.

Нестор — не поэт и не первоклассный оратор. Это только мастер своей специальности, человек, много учившийся, много знающий и умеющий структурно и литературно оформлять свои мысли. Не вешние персты возлагал он на живые струны. В его руках было только перо и... великий русский язык, инструмент уже тогда достаточно совершенный, позволявший автору просто, правдиво и доходчиво изображать «своих отцов манувшую судьбу».

Нестор — это учёный своего времени, историк, умевший подниматься до сознания связи мировых явлений.

Прежде чем браться за столь ответственный труд, он долго и упорно проделывает подготовительную работу. В его распоряжении писания его предшественников, от которых ему, однако, удаётся шагнуть далеко вперёд; он изучает греческие хроники и среди них особенно внимательно — хронику Амартола и его продолжателя — Георгия мниха; знает он хронографникифоров «летописец вскоде», житие Василия Нового, откровение Мефодия Патарского, славянское сказание об обретении грамоты словенской, источники об апостоле Андрее — просветителе скифов, договоры с греками; он знает народные предания, исторические песни и другой фольклорный материал. Наконец, он сам наблюдает и постоянно общается с современниками, делающими историю и, безусловно, ему помогавшими как личными беседами, так и материалами. Конечно, не кто иной, как князь Святополк Изяславич, допустил его в свой княжеский архив, где Нестор, видел не только договоры с греками, но и другие исторические документы.

Наконец, в самом Печерском монастыре был свой собственный ключ общественной и политической мысли. Монахи прежде кого бы то ни было узнавали и рассуждали не только о крупнейших деяниях власти, но часто и о её намерениях. Тот же Святополк Изяславич взял себе за обычай, «когда идяше на войну или инамо, тогда поклонися у гроба Феодосиева и молитву взем у агумена, тоже идяше на путь свой». В 1107 г., например, 12 августа, русские

полки одержали победу над половцами, а через 2—3 дня князь Святополк прямо с поля боя был уже в Печерском монастыре с радостной вестью Юрий Долгорукий назначил своему союзнику Владимиру свидание в Печерском монастыре, где они и «соотвориша любовь межю собою велику». Таких фактов можно привести много.

Нестор умеет критически разбираться в фактах. Он же создаёт их связь и восстанавливает хронологию.

С каким признанием несторова мастерства относились последующие историки-летописцы к его труду, видно, между прочим, и из того, что каждый из них труд Нестора вставлял в своё произведение без всяких умышленных изменений. Мы имеем и прямую его оценку простым обывателем Ростовской области, очень скромным любителем истории. Он высказался так: «Молю вас, братья, которые будут читать и слушать эти книги: если кто найдёт здесь многое недостаточное, или неполное, да не позаврит мне, ибо не киевлянин я родом, ни из Новгорода, ни из Владимира, но селянин Ростовских областей. Сколько нашёл, столько и написал. Чего силе моей невозможно и чего не вижу перед собою лежащего, то как могу наполнить? Богатой памяти не имею, докторскому искусству не учился... Мне, что бог поручит в руки, то в первые лета и после впишем».

«Аще хощеша вся уведати, — писал епископ Симон чернириццу Поликарпу в 20-х годах XIII в., — почти летописца старого ростовского».

Каждый читатель Летописи, кто бы он ни был, знал, что это книга надёжная, доброкачественная и необходимая.

Всякий образованный русский человек XI—XII вв. не только должен был хорошо владеть литературным русским языком, не только разбираться в догматах своей христианской веры, иметь понятие о логике

(это всё и есть «докторское искусство»), но прежде всего хорошо знать историю своей страны. Доказательств тому мы имеем много: высшее духовенство, князья, боярство, может быть, и не все (нам это неизвестно), писатели и поэты знают историю Руси. Иларион превосходно осведомлён в этой области. А автор «Слова о полку Игореве» нас просто удивляет не только широтой своих исторических знаний, но и глубиной понимания исторических событий.

У кого все они учились? Откуда эта осведомлённость?

Ответить на вопрос не трудно: источник их знаний — «Повесть временных лет», «откуда есть пошла Русская земля».

В Галиче ли Прикарпатском или Великом Новгороде, Владимире Волынском или Клязьменском, в далёкой ли Тмутаракани, — одним словом, везде, где только жили русские люди, по этой книге они учились почитать своё национальное и культурное единство, уважать и любить своё прошлое, гордиться общими предками, своей кровью сумевшими отстоять независимость родины.

Светильник, зажжённый в XI в. в честь Русской земли, освещал её дальнейший путь. Не угас он и сейчас.

Великорусс, украинец, белорусс, обращаясь к своему прошлому, непременно кладёт перед собой «Повесть временных лет» и находит там самого себя. В докиевском и киевском государстве он ясно видит корни, откуда пошёл его народ с присущими всем трём ветвям Руси благородными свойствами: умом, самоотверженностью, гигантским размахом природы. Только такой народ мог освоить неизмеримые пространства на двух материках и на протяжении всей своей истории успешно защищать своё собственное государство и в постоянных встречах с народами нерусскими находить с ними общий, дружественный язык.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА *

Чл.-корр. АН СССР А. Удальцов

Фашистская псевдонаука, стараясь оправдать захватнические стремления гитлеровской Германии, всячески принижает темпы и уровень исторического развития славянства, в частности восточного, или русского, славянства, отрицая его способность к самостоятельному культурному и политическому творчеству. Не всегда правильную картину этнического и культурного развития русских славян встречаем мы и в об-

щей буржуазной исторической литературе. Научно-объективное изображение этнического развития русского славянства полностью опровергает фашистскую фальсификацию в этом вопросе.

Общие основы для такой объективно-научной картины уже намечены и в работах ряда советских археологов и историков (я особенно подчеркну здесь работы археологов Третьякова и Рыбакова), и в работах таких выдающихся иностранных славяноведов, старых и новых, как например Шафарик и Нидерле в Чехии, и, наконец, в трудах много сделавшего для выяснения славянского этногенеза, особенно этногенеза

* Переработанная стенограмма доклада, прочитанного на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР 21 сентября 1943 года.

южных славян, академика Н. С. Державина.

Таким образом, нам теперь приходится обратиться во всех тех мнениях, иногда противоречивых, которые в последнее время высказывались по этому вопросу, подвести общие итоги, постараться уточнить и конкретизировать общую картину, поставить задачи для дальнейшего исследования.

Естественно, что в кратком докладе можно дать только общие линии славянского этногенеза, потому что материал по этому вопросу огромен и количество проблем чрезвычайно велико (например славяно-финская, славяно-германская, славяно-кельтская и др.). Поэтому я постараюсь коротко дать лишь общие линии этого развития в начальный его период. Подробнее остановлюсь только на нескольких, более важных, как мне кажется, вопросах.

Та точка зрения, которую я в дальнейшем буду развивать и конкретизировать, близка в значительной степени к взглядам таких старых и новых славянских учёных, как Шафарик или Нидерле, хотя во многом отличается от их точки зрения. В последнее время общие судьбы славянства, борющегося с гитлеровской Германией, сплотили нас, русских учёных, с западнославянскими учёными, в том числе с чехословацкими, и мы находим очень много общего во взглядах на этногенез славян не только с современными нам западнославянскими историками, но и с теми, которые работали ещё в первой половине XIX века.

Одновременно надо отметить и коренное, принципиальное расхождение между этими взглядами. Все западнославянские историки — индоевропейцы; они не видят самого процесса этногенеза, т. е. превращения доиндоевропейского (яфетического) населения Европы в индоевропейцев славянского типа. У них «этнос» и «славянство» не возникают заново, как новое этническое качество, — они не диалектики.

Наша теоретическая основа — это, во-первых, учение Маркса — Энгельса — Ленина, которое дополнил и развил дальше товарищ Сталин, в особенности в своей замечательной книге «Марксизм и национальный вопрос», и, во-вторых, широкое использование учения акад. Н. Я. Марра. Наш методический приём — это комплексный метод изучения явлений этногенеза с использованием одновременно археологических, лингвистических, этнографических, исторических, фольклорных и иных источников.

I

Каковы были древнейшие предки восточных славян? Чтобы ответить на этот вопрос, перенесёмся на миг в V в. до н. э., на юг Восточной Европы, в северное Причерноморье, в область скифов Геродота. В последнее время уже установилась общепризнанная у нас точка зрения, что термин «скифы» являлся термином собирательным для ряда племён и народностей северного Причерноморья эпохи Геродота и близких к нему догеродотовских и послегеродотовских времён.

Для того чтобы конкретизировать это положение и установить среди скифов Геродота возможных далёких предков славян, я начну с анализа двух легенд, которые рассказывает Геродот, называя одну из них «скифской», а другую — «эллинской».

В скифской легенде, приведённой Геродотом (кн. 4-я, главы 5—7), говорится, что от Зевса и дочери реки Борисфена, т. е. Днестра, родился первочеловек Таргитай, у которого было три сына: Липоксай, Арпоксай и младший — Колаксай. Далее рассказывается о падении с неба, вероятно в виде даров отца-Зевса, золотых плуга, ярма, секиры и чаши, которыми сумел овладеть только младший сын — Колаксай, получивший вследствие этого и царство. От старшего — Липоксая — произошли скифы рода авхатов, от среднего, Арпоксая, — катары и траспии, а от младшего, царя Колаксая, — паралаты. Общее же название для них всех, согласно легенде, — «сколоты». «По имени царя» (Колаксай. — А. У.). Скифами называли их эллины, говорит Геродот. Первоначально имя царя звучало, очевидно, как Сколаксай. Это подтверждается хотя бы тем, что, например, известное нам имя одного из причерноморских вождей, отнесённого античными авторами ещё к концу второго тысячелетия, звучало как Сколопетий, а имя одного из догеродотовских скифских царей было Скил. Таким образом, корень «скол» (скил), несомненно, являлся древнейшим для данной территории, и мы должны читать имя царя не Колаксай, а Сколаксай: отсюда закономерно происхождение и имени «сколоты».

Что особенно характерно в этой легенде о происхождении скифов, точнее сколотов? Во-первых, легенда связана территориально с Борисфеном (Днепром), так как сколоты произошли, по легенде, от дочери реки Борисфена, которого обычно на древних монетах изображали в виде человека-бога с бычьими рогами и ушами. Самая легенда связывается, судя по всему, именно с правобережным Поднепровьем. Эту западную Скифию Геродот называет «исконной», коренной, древнейшей Скифией.

Главное племя правобережного Поднепровья — паралаты, — происшедшее от того же царя Сколаксай, земледельцы, плужники, жившие передельными общинами. В легенде говорится, что человек, уснувший во время празднества в честь золотых даров неба, считался обречённым на близкую смерть, и поэтому ему уделялось гораздо большее количество земли, чем обычно полагалось. Военным оружием, даже освящённым небом, считалась секира — оружие преимущественно пеших воинов, — хотя она употребляется иногда и конниками.

Скифская легенда носит ярко выраженный сколотско-паралатский характер. Именно эти племена считаются в легенде главными среди скифов, происшедшими в отличие от других племён «от царя». Отсюда можно выдвинуть гипотезу о тех осведомителях или о том осведомителе, который сообщил Геродоту эту легенду. Осведомителем Геродота был, несомненно, сколот, или паралат,

гордый принадлежностью к своему племени, который отмежевывался от имени скифов, считая, что его употребляют лишь эллины. Геродот, если он посещал Ольвию, встретил, возможно, одного из таких сколотов-паралатов, ибо мы знаем, что эти паралаты вели обширную хлебную торговлю с Ольвией, так как сеяли пшеницу для продажи.

Во второй, эллинской легенде говорится, что от Геракла, гнавшего по степям Скифии с запада быков Гериона, и от местной богини — наполовину девушки, наполовину змеи — родились три сына, предки скифов, гелонов и агатирсов. Дева эта, обитавшая в пещере в левобережном Поднепровье (Полесье, или «Гилайя»), пока Геракл спал, украла у него кобылиц из-под ярма и согласилась их отдать только после того, как у неё от Геракла родились три сына: Агатирс, Гелон и Скиф. Из этих трёх братьев только младший, Скиф, сумел натянуть лук Геракла и опоясаться его поясом. Поэтому он остался в стране и стал родоначальником скифских царей.

Эта легенда утверждает, прежде всего, территориальную связь скифов с левобережным нижним Поднепровьем с приднепровским Полесьем (Гилайей). Именно здесь жила прамактерь их — змеинная дева. Сюда и пришёл Геракл к её пещере или, как надо предполагать, к подземному царству, куда вела эта пещера и где родились у них три сына.

Таким образом, и в этой легенде устанавливается местное происхождение скифов, их автохтонность. В связи с этим вариантом легенды стоит и другой известный нам отрывок из неё же, говорящий о битве Геракла в пещере, девы-змеи с гигантами, которые, так же как и она, изображались иногда (например на знаменитом пергамском фризе) в виде змей. Таким образом, речь вообще идёт о каких-то приключениях Геракла в змеином подземном царстве. У Диодора эта дева-змея названа «рождённой землёю». Следовательно, это божество хтонического происхождения; от него и вели своё происхождение те племена, которые жили, повидимому, в нижнем Поднепровье, но уже на левом берегу Днепра.

Согласно этой второй легенде Геродота, скифы в качестве главного оружия имели лук, а не секстру, как в первой легенде. Они прежде всего конные лучники. Кони, о покраже которых идёт речь в легенде, представляли для них особую ценность. Геракл, гонящий по Скифии стадо быков, покража у него кобылиц, продолжительные поиски их — всё это эпизоды из чисто кочевнического быта. Однако в этом районе жили и земледельческие племена, которые носят у Геродота название «земледельцев», но уже не «плужников», как племена правобережья Днепра. Поэтому в литературе было высказано предположение, что племена, жившие в нижнеднепровском Полесье, ещё пользовались вместо плуга мотыгой. Бросается в глаза при анализе второй легенды упоминание в числе главных племён Скифии, рядом с агатирсами и скифами, гелонов —

племен оседлого и земледельческого. Все эти племена хотя и родственны, но отличаются друг от друга. Племя гелонов под натиском саков заходит своими колониями далеко на север, в землю будинов (повидимому, протофиннов), со своими деревянными жилищами и городищами и знанием земледелия. Гелоны Геродота говорили по-скифски и по-эллинически, следовательно, были эллинизированным местным населением Северного Причерноморья.

При анализе «эллинской» легенды можно предложить гипотезу: осведомителем Геродота мог быть один из полуэллинов-гелонов, который выдвинул своих соплеменников в один ряд с основными племенами — скифами и агатирсами; повидимому, и целый ряд сведений о северных племенах — о будинах и неврах — исходил у Геродота из того же гелоновского источника. Гелоны лучше других племён могли быть знакомы с областями и народами Севера.

Итак, у Геродота говорится не о какой-то однородной, единой народности скифов, жившей в северном Причерноморье, а о целом ряде народностей, из которых каждая имеет свою собственную мифологию, свой особый быт, собственное представление о своём происхождении и этнической самостоятельности, несмотря на общее родство друг с другом.

Прежде всего это сколоты, которые происходят, как считает первая легенда, от Сколаксия. Полагаю, что «сколоты» — это древнейший местный термин ещё доафетического происхождения, обозначающий автохтонное население Причерноморья. Термин «скифы» можно представить себе как видоизменение термина «сколоты».

Наконец, паралаты — необычайно интересное племя среди племён и народностей, упоминаемых Геродотом. Термин этот состоит из двух частей: из основы «пар» и, вероятно, двух суффиксов: «ал» и «ат». Суффикс «ал» («ала»), повидимому, характеризует собой «происхождение» (он же уменьшительный суффикс) и встречается нередко в названиях племён, например иллирио-фракийских и других. Суффикс «ат» («ат») характеризует множественное число. Таким образом, корень здесь — «пар», у которого по аналогии с Колаксом-Сколаксом выпало начальное «с». Следовательно, в архетипе мы имеем форму «спаралаты». Корень «спар» («спер», «спир») встречается в восточноиранских языках, в том числе и в современных, а также у фракийцев.

Член-корреспондент АН СССР М. С. Андреев сообщил мне о целом ряде названий плуга или сохи в различных горных диалектах Таджикистана. В верховьях Оксуса и Зеравшана встречаются такие модификация этого термина: *spór, spír, spír, ispór, úspír, ispár, zapéga, spórín, sépórín, spúndr*, и, наконец, название лемеха у плуга в современном иранском языке — *súpór*. Таким образом, термин «спаралаты» означает в иранском осмыслении «плужники», т. е. то, что Геродот перевёл вполне точно греческим термином. Все же я полагаю, что это — иранское осмысление термина «спар»,

я происхождение его местное, яфетическое и доиранское (может быть, фрако-киммерийское). Яфетическая его семантика требует ещё дальнейшего выяснения.

Отделив в термине «спар-алаты» суффиксы, получим основу «спар», что соответствует «спорам» Прокопия, который через каких-то неизвестных литературных посредников принял это правильное первоначальное обозначение предков славян и донёс его до VI в. нашей эры.

Геродот, который, повидимому, был в Ольвии и в Подольи, лучше других знал западных скифов-автохтонов и сравнительно меньше был осведомлён о восточно-скифских отношениях. Больше него были осведомлены в этом отношении другие античные авторы, предшественники Диодора и Плиния. Впрочем, и сам Геродот слышал о том, что скифы (очевидно, «кочевники» и «царские») пришли из Средней Азии, будучи вытеснены отсюда массагетами. Он даже считал эту легенду о происхождении скифов более правильной, чем две первые легенды.

Итак, в лице сколотов-паралатов перед нами одна из местных племенных групп, которые мы можем рассматривать в качестве основных предков славян. Эти сколоты-паралаты-споры являлись автохтонным земледельческим населением Среднего и Нижнего Днепра, знавшим пашенное земледелие (с употреблением плуга) и производившим хлеб на продажу. Паралаты Геродота — споры Прокопия — поля Иордана — поля и поляне нашей летописи — таковы этапы их дальнейшего развития. Они представляли собой в V в. до н. э. наиболее передовую часть населения Северного Причерноморья и корнями своими уходили в трипольскую культуру, ярко расцветшую на рубеже неолита и бронзы, но опять-таки на основе земледелия, тогда ещё мотыжного. Среднее Поднепровье долго было одним из наиболее передовых и культурных центров древнейшей Европы.

В трипольской культуре встречались два течения: одно связывало эту культуру с Придунайским западом, с племенами «денточной» керамики, доходившими на запад до Франции. Другое связывало трипольскую культуру с Балканским югом, с племенами «крашеной» керамики и с древнейшей Элладой. Двойственность сказывалась и в двух типах погребения: трупосожжения и трупоположения. Западные связи облажали население трипольской культуры с племенами, которых мы могли бы назвать предками иллирийцев, южные связи — с протофракийскими племенами. Преобладание скотоводства в послетрипольский период с культурой погребений со скорченными и окрашенными костяками не положило конца земледельческим традициям среднего Поднепровья. В скифский период мы вновь находим здесь высокую земледельческую культуру, знавшую пашенное земледелие уже с употреблением плуга.

Культура приднепровских сколотов или паралатов была связана с западным Галльштадом, с эллинистическим культурным центром

Причерноморья — Ольвией и с фракийским югом (где в V в. сложился уже мощный союз племён под гегемонией одризов), с протоиранским Востоком, с яфетическим Кавказом и с протофинской северо-восточной культурой. Эта культура составляла в основе своей звено в целой цепи фрако-киммерийских племён, тянувшейся от Фракии до Северного Причерноморья (с перерывом между Днестром и Доном, заполненным пришлыми из Средней Азии протоиранскими саками в лице скифов-кочевников и скифов царских, авхетов, сарсаров и др.) через область савроматов до Средней Азии (массагеты, может быть, хорезмийцы). Племена Среднего Поднепровья скрещивались со своими соседями, превращаясь постепенно в протославян с протоиллиро-фрако-киммерийской подосновой и с иранизированным верхним слоем, увязанным с верхними слоями господствующими в Северном Причерноморье сакских протоиранских племён, скифов-кочевников и скифов царских.

К северу от паралатов жили невры, с которыми легенда связывает оборотничество, способность превращаться в волков, очевидно, вследствие существования у них культа волка. Территория их — верховья Днестра и Буга и область к северу от Припяти. Геродот рассказывает об их частичном приходе к вудинам на восток в результате нападения на них «змей» (очевидно, людей с культом змеи), основная их территория была связана с областью низовьев Нарва и Нурца, с Нурской землёй.

Легенды об оборотничестве, о превращениях в волков, вера в «валкалаков» (колдунов-оборотней) и т. д. были очень распространены именно в этих местах Белоруссии и Литвы.

Невры, вероятно, составляли южную племенную группировку позднейших венетов, пограничную со сколотами. Это были общие предки протобалтийцев и протославян, ещё не полностью разделившихся, близко родственных друг другу, а также и своим западным соседям, завислянским лугиям, уходившим корнями своими в «лужицкую» культуру и, может быть, родственным протоиллирийцам; эта «лужицкая» культура, по признакам даже фашистских археологов Запада, представляла собой одно из лучших достижений древнейшей Европы.

Таковы те две основные народности (обе автохтонные, обе земледельческие) — сколоты во главе с паралатами на юге Восточной Европы и невры на севере, — из которых впоследствии, путём длительного, постепенного их взаимного скрещения, взаимопроникновения и аккультурации сложилось основное ядро протославянской народности.

II

Перейдём коротко к вопросу о возникновении протославянской народности. Это период от II в. до н. э. до II в. н. э., до эпохи Птолемея, до эпохи начала движения славян на запад и вытеснения ими оттуда к югу восточных германцев. Несколько ранее этого периода (в IV и III вв.

до н. э.) возникло уже настоящее государство у близкородственной славянам народности на Балканском полуострове — фракийское (или македоно-фракийское) царство Лизимаха; в самой Скифии к этому времени относится царство Скипура. В III в. происходит ряд других событий, оказавших большое влияние на предков славян. В 30-х годах начался поход бастарнов и галатов с запада в степи северного Причерноморья. Бастарны — это, видимо, кельтизированные фрако-иллирийцы. Они шли вместе с кельтами (галаты греческих авторов) и образовали в Причерноморье обширный племенной союз, который на востоке доходил до Ольвии, а на юге — до фракийских городов Аполлонии и Месембрии. В то же время двинулись с востока, из Средней Азии, сарматы в лице роксоланов и аорсов. Они также затем образовали обширный союз в Причерноморье, и с ними считались уже в международной политике малоазийские государства, участвовавшие в борьбе, которая шла в то время между Римом и Македонией, а затем с Митрадатом.

В 179 году сложился союз сарматских племён под предводительством «царя» Гатала. Этот племенной союз вступил в тесные сношения с пергамским царём Эвменом и Фарнаком Понтийским. В северовосточном Причерноморье составилась на основе этих связей антимакедонская группировка, в противовес антиримской ориентации бастарнского союза племён северозападного Причерноморья. Племена Причерноморья, таким образом, втянулись в широкие международные отношения, связанные с борьбой между Римом и Македонией, и образовали на северном берегу Понта две группировки с противоположной внешнеполитической ориентацией, грозно стоящие друг против друга. Создался конфликт, который, надо полагать, разрешался силой оружия. Но в позднейший период, после завоевания босфорского царства Митрадатом, всё Причерноморье в целом оказалось втянутым в сферу влияния Митрадата, в антиримскую коалицию.

Сплочение сарматских племён сыграло большую роль в этногенезе роксоланов. Первоначальное имя этого племени сохранилось в херсонесской надписи в честь полководца митрадатова — Диофанта, — относящейся, по видимому, к самому концу II столетия до н. э., ко времени первого похода Диофанта. Это имя — «ревксиналы». Интересно сравнить эту форму «ревксиналы» с формой «роксоланы». Здесь основа «ревкс» и суффиксы «ин» и «ал», а в термине «роксоланы» — почти те же суффиксы «ол» и «ан», только в обратном порядке. Позже у Птолемея сохранилась близкая форма «ревкканалей» (корень «ревк» и суффиксы «ан» — «ал»). Тут уже полное совпадение в суффиксах с формой «рокс-оланы», но всё же с обратным их порядком. Вот почему вторую часть термина («оланы») я не считаю названием племени («оланы»), а суффиксами, тем более что и пишется всегда эта форма — «оланы», а иногда даже встречается форма «уланы».

В это время сколоты и паралаты непосредственно в наших источниках не упоми-

наются. Обычным термином для обозначения предков славян являлся в I—II вв. н. э. термин «венеты» (венеды).

В описании венетов у Тацита встречается, на первый взгляд, большое противоречие. С одной стороны, это оседлая народность, которая в этом отношении вполне подобна земледельческим германским племенам. Тацит прямо отличает венетов и от диких охотников финнов, и от кочевников — сарматов. Однако тот же Тацит указывает на то, что народ венетов, занимаясь грабежом, «исходил все леса и горы между певкинами и феннами, т. е. между Чёрным и Балтийским морями. Это противоречие разрешается просто. Венеты во времена Тацита переходили уже на последнюю ступень «варварства» или на стадию «военной демократии», во время которой война и грабёж становятся промыслом (Энгельс), достигнув грани между доклассовым и классовым обществом. В результате — ряд передвижений и военных столкновений.

По видимому, именно тогда происходило продвижение на север сколотов — паралатов или споров, отрезанных от Чёрного моря бастарнами и сарматами. Следы такого расширения территории в сторону севера отмечает археология, в особенности последние работы Третьякова, дающие яркий материал для доказательства этого явления. Обнаруживается расширение на север из Приднепровья так называемых полей погребальных урн, причём на севере они принимают более миниатюрный характер. Это поля погребений племён, находящихся в походе и мало задерживающихся на одном месте. Другое доказательство — появление на севере, в области новгородских славян, в тот же период — на грани I в. до н. э. и I в. н. э. — укрепленных поселений, наличие которых указывает на усиление вооружённых столкновений.

Наконец, в результате этого движения на севере появился целый ряд местных изделий южного типа, в особенности керамических, сходных с производившимися в среднем Поднепровье. Тов. Третьяков выдвинул гипотезу о выделке этих вещей на севере женщинами, переселившимися сюда с юга (III—V вв.). Не желая допускать продвижения всего населения, он допускает переселение одних только женщин. Это признание частичного переселения нужно, конечно, расширить.

Наконец, ещё одно из доказательств принадлежит антропологу тов. Чебоксарову. Он доказывает, что антропологический тип новгородских славян близок к южному, среднеднепровскому типу населения. Всё это указывает на то, что действительно происходило продвижение к северу южных племён, скрещивавшихся с местным населением. Результатом скрещения было образование протославянской народности из двух основных компонентов: сколото-паралатского и невровенетского.

Таким образом, ко II в. уже образовалось ядро протославянской народности, которая в результате скрещения с западными своими соседями, славянизирующимися лугиями, дала западное славянство, а позднее на юге совместно с протославянскими ядро-фра-

кийцами — южное славянство (это прекрасно показал акад. Н. С. Державин).

К тому же времени, к эпохе Птолемея, произошло окончательное выделение из состава балто-славянской (венетской) племенной группы уже настоящих балтийских племён — судинов, галиндов и других, о которых говорит нам Птолемей, живших попеременно с протофиннами и частично скрещивавшихся с ними. Среди племён складывавшейся славянской народности и в это время (I—II вв.) наиболее высокой культурой обладали племена среднего Поднепровья и Поросья, поддерживавшие связи с Римской империей и оставившие много кладов римских монет на своей территории (быть может, «спалы» Иордана).

В это время на юге происходило дальнейшее развитие близкородственных нашим предкам фракийских племён — это образование обширного гетского союза племён в I в. до н. э. под предводительством Бурвисты, а на грани I и II столетий н. э. под предводительством Декебала нового союза дако-фракийских племён, который распался под ударами Рима при императоре Траяне.

III

Что касается готского вопроса, то можно считать вполне установленным, что готы пришли в Причерноморье, будучи ещё на сравнительно низкой ступени культурного развития; здесь они встретились с более высокой культурой, сармато-аланской, преемницей эллино-скифской, восприняли эту культуру и в дальнейшем перенесли её на запад в своих западных скитаниях. Готы не представляли собой какого-то политического единства и вовсе не основывали в Причерноморье какого-либо обширного государства. Здесь в это время, рядом с готами, продолжали своё самостоятельное существование самые различные причерноморские племена: бастарны, левкины, карпы, телуры, роксоланы и др.; все они, самостоятельно или организуя совместные военные предприятия, нападали на восточные границы Рима. Готы распались на остготов и визиготов (грейтунгов и тервигтов), тайфалов и гепидов. Некоторое объединение части готов сложилось лишь ко времени Германарика (вторая половина IV в.). Но и это объединение быстро распалось под ударами гуннов и антов. Готское объединение проходило одновременно с возникновением в Причерноморье двух других крупных военноплеменных союзов — аланского на востоке и антского на западе.

Антский союз сложился в борьбе с готами, вероятно, в течение III—IV вв. нашей эры. Археологическим признаком этого события является распространение так называемой липицкой культуры полей погребений, которая постепенно из Прикарпатья начала расширять свою территорию к Поднепровью и Поприпятью. В состав антского племенного союза входили, видимо, племена костобожов, сабоков, карпов, частью бастарнов, роксолан, южная часть среднеднепровских склавиннов в лице спалов Иордана и, может быть, часть придонских сармато-аланских племён. Обра-

зование антского союза племён весьма знаменательно. Факт образования этого союза означал скрещение предков славян и сарматов при гегемонии роксоланов. Недаром племена антского союза назывались иначе роксоланами (Иордан). Отсюда, очевидно, ведёт своё начало термин «Русь», обозначающий первоначально южную ветвь восточного славянства. Можно считать вполне правильной точку зрения тех старых авторов, которые раньше нас говорили о южном происхождении Руси именно от роксолоанов. Отсюда же ведёт своё начало и культура этой ранней Руси, или антская культура, продолжавшая традиции культур эллино-скифской и сармато-аланской.

В заключение следует сказать, что зарождение первых славянских государств в VII—X вв. шло на основе сложения классового общества, дальнейшего процесса консолидации восточного славянства и образования ко времени Киевского государства из отдельных восточнославянских племён великого русского народа с высокой самостоятельной культурой, преемницей древних причерноморских культур: трипольской, эллино-скифской, сармато-аланской, антской.

Из всего изложенного можно сделать общие выводы для характеристики истоков древней русской культуры. Культура эта преемственно складывалась на основе развития ряда автохтонных племён и народностей Восточной Европы, синтезируя в этом общем процессе аккультурации элементы культур Запада, Востока и Юга в лице хеттской, западно- и восточноиранской и культур Галльштадта и Эллады.

Предки древнерусского народа не отставали в своём культурном развитии от других племён и народов Средней и Северной Европы, они дали такие выдающиеся образцы, как трипольская культура или культура эллино-скифская, а на Западе продолжали высокие традиции «лужицкой» культуры.

В борьбе с внешними завоевателями племена, складывавшиеся в процессе истории в древнерусский народ, дали ряд военноплеменных союзов, а затем и своё государство, возникшее на местной основе и всегда отстаивавшее свою культурную самостоятельность. Ни кельто-иллирийские бастарны, ни восточногерманские готы, ни северогерманские варяги, ни кочевники степей Причерноморья не могли заставить отклониться восточнославянское культурное развитие от его самостоятельного пути.

Этническое развитие русских славян обнаруживает вместе с тем близкое родство восточнославянских великороссов, белоруссов и украинцев (процесс разделения начался лишь с XIV в.) с западными и южными славянами, а в то же время и с современными балтийскими народами — литовцами и латвиями. Оно обнаруживает исконное братское участие в общем культурном творчестве с русскими славянами и других народов Советского Союза, прежде всего народов Кавказа и Средней Азии, дружно отстаивающих теперь против нашествия современных дикарей и варваров свои культурные завоевания.

РАННЯЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН*

Проф. Б. Рыбаков

Бесчисленное множество источников и материалов показывает, что Русь в X—XIII вв. была одной из высококультурных и передовых стран Европы. Тем более нелепы измышления немецко-фашистских фальсификаторов истории о том, что славяне будто бы не имели своей истории, что «на Востоке нет культурных ценностей».

Вандалы XX в. стремятся оправдать свой грабёж богатых славянских стран и истребление славянских народов мнимой неисторичностью и бескультурьем славян: чехов, украинцев, русских, белоруссов.

Теория, согласно которой славяне происходят из прикарпатской прародины, откуда они впоследствии непрерывно расселялись, привела к неизбежному выводу: предки русских — анты, — повернувшись спиной к Европе, устремились на север, чтобы заново начать жизнь на русской равнине.

Приверженцы этой теории рисовали быт и хозяйственный уклад древнего славянина, используя известную летописную фразу о племенах, «живущих звериным образом»; славянин-зверолов без пашен, без оседлости, без ремесленных навыков вынужден был бродить по лесам в поисках пушного зверя или скрываться в болотах от более сильных соседей.

Ещё в 70-х годах XIX столетия находились учёные, сомневавшиеся в подлинности «Слова о полку Игореве» на том основании, что его высокие художественные достоинства будто бы не вяжутся с общим уровнем русской культуры XII в., что эта поэма представляет собой «куст роз среди ржаного поля».

Немецкая националистическая историография объявила славян народом без собственной культуры, «тестом без закваски».

Создателями культуры на территории славянских племён объявлялись представители германской расы — варяги или готы, — которым и приписывалось всё выдающееся в истории Руси, все богатые древности в русской археологии.

На эти измышления фашистских фальсификаторов можно ответить словами великого Ломоносова, написанными им по поводу антирусских инсинуаций Августа Шлецера: «Из сего можно видеть, какие пакости может наколобродить в русских древностях такая, припущенная к ним, скотина!»

Задачей советских историков являются дальнейшее выявление огромного фактического материала о ранней культуре славян, тщательное изучение его и широкая публикация. При исследовании таких отдалённых эпох необходимо комплексное привлечение самых разнородных источников — письменных, археологических, зумизматиче-

ских, лингвистических, по истории искусств и других.

Данная работа ставит целью осветить следующие основные вопросы:

1. Местные корни славянской культуры. Скифы-пахари.

2. Связь славян с римской цивилизацией в I—IV вв. нашей эры.

3. «Готская культура» и анты.

4. Культура славянских племён в VI—VIII вв., как предшествующая культуре Киевского государства.

В противовес исторической концепции, считавшей восточных славян пришельцами, на той территории, на которой развернулась их дальнейшая история, современная наука всё настойчивее убеждает в автономности славян и их генетической связи со скифами.

В развитие взглядов профессора А. Д. Удайлцова о роли скифов-пахарей (пахарей) в этногенезе славянских племён Приднепровья, взглядов, основанных на исторических и лингвистических доводах, приведу некоторые данные из археологии.

Во-первых: чрезвычайно интересна историческая география Среднего Приднепровья. Если мы будем наносить на карту различные элементы скифской и русской культуры, то увидим, что все они будут располагаться в одном и том же районе по обоим берегам Днепра (Киев, Канёв, Чернигов, Переяславль, Полтава). Именно в этих пределах, согласно исследованиям А. А. Спицына, располагался основной массив курганов скифов-пахарей¹. Здесь же позднее мы видим важнейшие жизненные центры Киевской Руси.

Во-вторых: самый тип скифских курганов чрезвычайно близок к позднейшим русским курганам X в., раскопанным в Киеве, Чернигове и других местах Среднего Приднепровья. И там и здесь обширные деревянные камеры-домовины, воины погребены в полном вооружении, вместе с ними насильственно похоронены рабыни. Одинаков и состав жертвенных животных: конь, баран, бык.

В-третьих: В. А. Городцов устанавливал чрезвычайно интересную связь русского народного искусства со скифским. В своём исследовании он обнаружил, что сюжеты севернорусских вышивок сохранили в неприкосновенности мотив изображений, связанных с культом великой богини скифов². Новые материалы устанавливают наличие подобных изображений в X—XIII вв., что

¹ Спицын А. Курганы скифов-пахарей. Известия Археологической комиссии. Вып. 65.

² Городцов В. «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве». Труды Гос. Исторического музея. Вып. I. М. 1926.

* Извлечение из доклада, прочитанного на сессии Отделения истории и филологии АН СССР 22 сентября 1943 года.

образует промежуточные звенья между скифским и русским искусством. Богиня является центром композиции, а по сторонам её стоят два всадника с поднятыми руками или со священными предметами в руках. Вместо богини иногда изображается древо жизни, а вместо всадников — одни кони.

Сравнительное изучение языческих памятников доказывает общность славянского изображения божества — так называемого идола Святговита, найдённого в реке Збруч, с изображением каменной бабы скифского времени. Среди атрибутов четырёхликого божества славян находятся конь, турий рог и меч. Прямым родоначальником его является каменная баба скифского времени с берегов Нижнего Днепра. Это изображение также снабжено турьим рогом и коротким мечом. На некоторых скульптурах скифо-сарматского времени наблюдается даже многоярусность изображений, характерная для Святговита. Турьи рога — ритоны — это неотъемлемый атрибут ритуальных сцен и священных изображений и в скифском и в древнерусском языческом искусстве; они часто встречаются в курганах обеих эпох.

Любопытные пережитки эллино-скифских традиций сохранились в киевских terra-cotta XI—XII веков. На глиняных изображениях женщины с ребёнком на руках мы часто видим скифский головной убор, уже не бытовавший в Киевской Руси; техника же изготовления головы восходит к традициям античных мастеров коропластов (голова скульптуры штамповалась особым штампом — «типосом»). Эти древние богини, предшественницы христианской богородицы, дожили до современности в виде глиняных игрушек. Откуда в Киеве в эпоху Ярослава и Мономаха могли взяться эти полуантичные изображения, если не было прямой генетической связи Руси с древним населением Приднепровья античного времени? На связи славян со скифами указывает и керамический материал. В городах Среднего Приднепровья в XII—XIII вв. бытовали горшки с миниатюрной ручкой и глиняные ковши («черпала»), восходящие к характерному скифскому ковшу.

Возвращаясь к географии Киевской Руси, следует отметить, что оборонительная линия русских крепостей, защищавшая Русь от половецких набегов, прошла по старым скифским валам, ограждавшим земледельческую Скифию на Среднем Днестре от набегов степных номадов.

Чем внимательнее вглядываешься в быт, хозяйство, язык, религию и искусство скифов-пахарей Среднего Приднепровья и славянских племён этих же мест, тем больше и больше открывается сходных черт, свидетельствующих о глубоких родственных связях русского населения Киевщины, Переяславщины, Полтавщины в X—XIII вв. с земледельческими племенами скифов. В глубокой древности на плодородных берегах Днепра закладывались основы той культуры, которая у позднейших авторов получила название славянской. Усиление связи с соседями на западе и на северово-

стоке привело к значительному территориальному расширению области этой культуры, языка и бытовых черт. Историческая последовательность этих связей рисуется в следующем виде.

1. Древнейшие связи Среднего Приднепровья эпохи трипольской культуры уводят нас на югозапад, к низовьям Дуная. Этот архаичный комплекс культурного единства протоскифских, земледельческих племён Днестра и Днепра с иллиридакийскими племенами в историческое время неоднократно обновлялся (например в VI в., в эпоху наступления на Византию), как это выясняют работы академика Н. С. Державина.

2. В античную эпоху существовало резкое различие между племенами лесной полосы Европы (стоявшими в стороне от магистральных путей мировой истории) и земледельческим населением лесостепи, которое было связано с южными причерноморскими областями, где в это время высаживались греческие аргонавты, основывали города, завязывали торговые связи с местными плебоянами и пахарями. К новым городам потянулись туземные племена, создавая причудливую смесь античного и варварского мира. Связи племён Среднего Борисфена с Ольвией, Херсонесом, Пантикапеем, и Фанагорией очень важны для понимания позднейшей, южной ориентации славянских племён Приднепровья, которые также были связаны с такими приморскими городами, как Белгород (в устье Днестра), Корсунь (Херсонес), Корчев (Керчь—Пантика) и Тму-таракань (Фанагория).

Кочевые орды, вторгавшиеся с востока, иногда прерывали эти связи с Причерноморьем, но связи эти неизменно возобновлялись после преодоления воинственной преграды.

3. В римское время, в первые века нашей эры, сохраняется различие между Приднепровьем и северовосточными племенами, но зато устанавливаются новые связи в западном направлении.

Влияние Рима сказалось на варварских народах, заселявших очень широкую полосу и живших на севере от границ империи. От Нижнего Рейна до Среднего Днепра тянется эта полоса восприятия римской культуры, создававшая известную близость местных племён между собой.

Племена Эльбы, Одера и Вислы устанавливают связи с Приднепровьем, подготавливая будущее единство восточных и западных славян. Археологически это нашло отражение в культуре «полей погребальных урн», протянувшихся от Эльбы до Среднего и Нижнего Днепра.

4. В течение V—VII вв. варварский мир, до того смотревший на Рим через стены пограничных укреплений, обрушивался на империю, затопив её тысячами воинственных отрядов. Эта бурная эпоха имела очень большое значение для установления единства южных и северных племён Восточной Европы. В походах на Восточноримскую империю принимали участие не только племена Дуная и Днепра, издавна

связанные в какой-то мере с античной цивилизацией, но и более отдалённые лесные племена, до того не принимавшие участия в жизни своих южных соседей. В VI—VII вв. устанавливаются наиболее поздние, культурные связи Среднего Приднепровья с этими лесными племенами Северовостока. Племена Северовостока постепенно воспринимают славянский язык и элементы приднепровской культуры. Их сближение облегчали не только совместное участие в походах на Византию, но и возростающая роль земледелия на Северовостоке. Так стиралось существовавшее ранее различие в культурном облике днепровских скифов-пахарей и северовосточных обитателей лесных дьяковских гордид.

Как видим, во все исторические периоды Среднее Приднепровье неизменно являлось узлом культурных связей, направлявшихся сначала на югозапад, на Дунай, затем на юг и юговосток, к Понту, потом на северозапад, в направлении Вислы и Эльбы, и, наконец, на северовосток, к Ильменю, Оке и Верхней Волге. Разумеется, эти связи никогда не требовали обязательного перемещения населения, но отдельные миграции, возможно, были. Иногда Приднепровье было отправной точкой при движении на юг, к античным городам, иногда же оно являлось центром притяжения для дружинных отрядов племён, расселившихся к северу от них (например в X в. и, возможно, в VI в. нашей эры).

Общественно-историческая роль Среднего Приднепровья в деле формирования народов Европы очень велика. Среднее Приднепровье не было геометрическим центром славяноства (видимо, этому мешало лежащее рядом огромное степное море кочевых коневодов), но оно постоянно выступало гегемоном среди соседних областей. Историческая роль, которую Киев играл в средневековой Европе, была лишь логическим завершением того важного значения Приднепровья, какое оно имело на протяжении многих предшествующих веков.

Расположенное на пограничье европейских лиственных лесов и азиатских травяных степей, Среднее Приднепровье сочетало в себе благоприятные условия обеих ландшафтных зон. Мягкий климат, плодородные чернозёмной почвы, запасы болотной железной руды, наличие строевого леса и прекрасных пастбищ, прямые речные пути, связывающие с богатым приморским югом, и широкие просторы степей, по ту сторону которых лежали сказочные страны Востока,— всё это создавало предпосылки для полнокровного исторического развития народов Приднепровья.

К тому времени, когда появляются первые исторические свидетельства римских писателей о славянах (под именем венедов), к первым векам нашей эры, относятся археологические памятники, известные под названием «полей погребальных урн», или «полей погребения».

Это большие кладбища, оставшиеся от крупных земледельческих посёлков. В. Хвойка, И. Пич и Ю. Готье доказали связь «полей погребения» со славянами и гене-

тическую связь славян с населением земледельческой Скифии. «Поля погребения» обнаружены на обоих берегах Днепра и идут далее на запад, в области западных славян.

Культура населения, оставившего нам «поля погребения», носит яркий отпечаток воздействия Рима. Там часто встречаются римские провинциальные фибулы¹, которые вызывали местное подражание. Наряду с местной лепной посудой появляется чёрная лощёная посуда с вязанными контурами, сформованная на гончарном кругу и обожжённая в гончарном горне. Её очень легко спутать с привозной, но против этого говорят находки на Украине гончарных горнов, свидетельствующих о местной выработке посуды. В данном случае очевидно влияние Рима на технику керамического производства. Введение римского гончарного круга и горнового обжига явилось целым переворотом в области керамического производства.

На глубину и прочность связей с Римом указывает обилие кладов серебряных римских монет II—IV вв. нашей эры в Среднем Приднепровье. Область их наиболее интенсивного залегания совпадает с областью «полей погребения» славян, во-первых, и с древней областью скифов-пахарей, во-вторых.

Чем объяснить этот мощный поток римского серебра? За какие товары, купленные в Приднепровье, расплачивались римские купцы таким количеством монет? Видимо, объяснение следует искать в удивительном совпадении русских и римских зерновых мер. Основная русская мера сыпучих тел — четверик (=26,24 литра) — с точностью до сотых долей литра соответствует римскому четверику-квадранталу (=26,24 литра), внешним выражением которого была амфора.

Таким образом, у русских были старые римские зерновые меры; это, а также обилие римских монет в славянских областях свидетельствует о том, что население Приднепровья в эпоху «полей погребения» продолжало традиции земледельческой Скифии и вело широкую торговлю хлебом с активным балансом. Кроме денег в Приднепровье найдены в большом количестве различные предметы домашнего обихода и украшения, изготовленные в римских городах, иной раз специально для сбыта варварам (стеклянная и металлическая посуда, бусы, фибулы и пр.). К этому времени относятся заимствование у римлян ряда технических новшеств и латинской терминологии. Славянские отряды всё ближе и ближе по-

¹ Фибула (латинское fibula) — известная с древних времён особого рода застёжка, напоминающая брошку или современную безопасную булавку. Форма и техника выполнения фибулы с течением времени видоизменялись. Каждая эпоха оставила на фибуле отпечаток своих эстетических понятий, технического совершенства, а иногда и своего культа, вследствие чего фибула имеет большое значение для доисторической хронологии.

додвигаются к римским городам. Ещё Тацит упоминает о венедах, которые с оружием передвигались на огромном пространстве от Финнов до Певкинов (на Нижнем Дунае).

В III—IV вв. в некрополях старых греческих городов вроде Ольвии мы встречаем варварские погребения с керамикой пропотолавянского типа, а в Пантикафее, близ позднейшей русской Тмутаракани, находим надгробные плиты с надписями, говорящими о погребении под ними «антоз».

Этническое имя антов является, по А. Шахматову, видоизменением латинского названия венеда, венеты, которое в славянской форме должно было звучать как вати, ватичи («вентичи», с носовым звуком). В IV—VII вв. название «анты» применялось к «несметным племенам» восточных славян.

Материалы, говорящие о славяно-римских отношениях и о степени влияния римской культуры на антов, можно было бы дополнить фактом существования у антов предметов с выемчатой эмалью, изящных бронзовых украшений, расцвеченных неуваждающими красками стекловидной смальты¹.

Но здесь я вступаю в область, где давно укоренились взгляды о готском происхождении этих вещей, и, не разрешив вопроса о так называемой готской культуре, нельзя двинуться вперед.

В археологической литературе давно установилось туманное и расплывчатое понятие «готских древностей», «готского стиля». В разное время к этим древностям причислялись золотые фибулы с инкрустацией, предметы с выемчатой эмалью, пальчатые фибулы и другие.

Историография вопроса о «готских» древностях показывает, что термин «готские» прилагали к ним не на основании твердых исторических сопоставлений, а исключительно исходя из предположений, что всё яркое в истории Восточной Европы должно принадлежать только готам. Других оснований нет. Конгломерат различных и разновременных предметов, объединённых условным термином «готские древности», требует тщательного формально-археологического анализа, на основе которого возможно будет сделать более правдивые исторические выводы.

Необходимо устранить путаницу в хронологии (колебания в датировках около тысячи лет), установить чёткую типологию, произвести в некоторых случаях технологический анализ, картографировать распространение каждого типа и установить взаимоотношение изучаемых вещей с другими, современными им.

Археологические исследования предметов с выемчатой эмалью приводят к следующим выводам:

1. Среди варварских эмалей Европы можно выделить некоторые типы предметов (треугольные ажурные фибулы, лунницы), встречающиеся только в Среднем Приднепровье, главным образом близ Киева, где они развились из римской провинциальной фибулы II—III вв., так называемого вендского типа. В небольшом количестве эти вещи проникали с берегов Днепра на север, в бассейн Оки и верхней Волги.

Гипотеза Нидерле о прибалтийском происхождении всех эмалей не подтверждается материалами.

2. Дата распространения вещей с эмалью (установленная Спицыным) «не ранее V в.» и далее—до VIII в. нашей эры²—не находит подтверждения, так как фибулы с эмалью днепровского типа обнаружены в «полях погребения» III—IV веков.

Предельная дата эмалей—V век нашей эры, когда они исчезают во всей Европе.

3. Вещи с эмалью на территории Приднепровья никогда не встречаются совместно с пальчатыми фибулами (особый вид фибул с 5 или 7 шипами).

4. Выходя за пределы днепровского круга предметов с выемчатой эмалью, следует отметить, что варварские эмали широко распространены во всей северной половине Европы (Англия, Рейн, Южная, Швеция, Средний Дунай, Юговосточная Прибалтика, Среднее Приднепровье, Северный Кавказ). Область их распространения прилегает к северной границе Римской империи и совпадает с зоной широкого распространения римских монет.

5. В каждой области рисунок бронзовой основы однородных предметов (например фибул) различен и, видоизменяясь на месте, приобретает черты своеобразия. Так например для киевских фибул характерны утрата массивности и появление ажурности, превращающей предмет в лёгкое бронзовое кружево с изящными цветными вставками.

Одновременное исчезновение варварских эмалей в V в. во всей Европе наводит на мысль, что стеклянную массу для эмалей местные мастера получали из римских стекловаренных мастерских, пришедших в упадок, возможно, в связи с нашествием гуннов и германцев.

6. Ни в одном из готских комплексов выемчатые эмали не встречены, и связывать их с готами у нас нет решительно никаких оснований.

Район распространения эмалей киевского типа совпадает с районом «полей погребения», что позволяет их прочно связать со славянским населением Приднепровья III—V веков. Предметы с эмалью свидетельствуют о высоком мастерстве местных ремесленников и о их регулярных связях с римскими городами Причерноморья, откуда они получали эмаль.

Итак, в результате анализа предметов с эмалью днепровского типа, относимых ранее к «готской культуре», совершенно очевидно, что они были славянскими, а не готскими.

¹ Эмаль наносилась на бронзовые предметы, в которых заранее приготавливались гнезда, выемки, предназначенные для заполнения эмалью. Толчёное цветное стекло насыпалось в эти выемки и плавилось в специальных жаровнях, после чего эмаль прочно соединялась с бронзой, образуя на поверхности красивый многоцветный узор.

² Спицын А. Предметы с выемчатой эмалью. Западный отдел русской и славянской археологии. Вып. V. 1905.

Вторая половина «готской культуры» (пальчатые и зооморфные фибулы) требует особого рассмотрения, так как выяснение славянской принадлежности значительной части этих вещей несколько сложнее.

В V в. нашей эры прекращают своё существование «поля погребения»; в это же время исчезают выемчатые эмали, исчезает в Приднестровье применение гончарного круга (возродившись лишь в IX в.), прекращается приток римских монет; можно сказать, что под римским периодом в истории приднестровского славянства подведена черта. Это резкое изменение в развитии местной культуры связано с общеевропейскими событиями — падением Рима, нашествием гуннов.

В истории тех государств, которые не испытали непосредственного пребывания гуннов на их землях, не наблюдается и такого перелома в развитии культуры.

Многие вопросы славяно-гуннских взаимоотношений для нас ещё не ясны, но сейчас, исходя из новой датировки некоторых археологических явлений, можно установить важное значение гуннского военного союза в деле периодизации истории славянской культуры. Второй период в истории развития славянской культуры начинается примерно в VI в., в эпоху завоевания славянами Восточной Римской империи.

В старой археологической литературе мы почти не найдём указаний на наличие какого бы то ни было славянского археологического материала этой эпохи. Опять на нашем пути исследования становится «готская культура». Большинство исследователей (кроме А. А. Спицына) считает пальчатые фибулы готскими; как довод в пользу этого мнения приводится сходство форм фибул из Керчи и из Западной Европы, куда они могли быть занесены готами. Антропоморфные и зооморфные фибулы рассматриваются как прототипы пальчатых фибул и датируются I—IV вв. нашей эры¹. Одним из основных аргументов в пользу признания пальчатых и зооморфных фибул готскими выдвигается нахождение их в составе инвентаря готского могильника Суук-Су в Южном Крыму (раскопки Н. Репникова).

Предварительная работа по типологии и картографированию типов фибул приводит к следующим выводам:

1. Необходимо различать фибулы по материалу и технике их изготовления. Керченские пальчатые фибулы сделаны из серебра со вставкой камней, техникой резь-

бы по восковой модели². Дата их — V век нашей эры.

Другой тип фибул изготовлен из бронзы, без камней, тоже по восковой модели, но без резьбы, а путём имитации кропотливой резьбы более простым вдавливанием. Видимо, образцом для подражания служили керченские фибулы.

2. Картограмма находок фибул второго типа, при составлении которой очень важным оказались неопубликованные коллекции музеев Украины, убеждает в том, что Среднее Приднестровье и область на восток от него были основным районом их бытования в VI—VII веках.

3. В Западной Европе есть фибулы, представляющие также подражание и дальнейшее развитие форм керченского типа, но отличное от днепровского. Фибул приднестровского типа на Западе нет. Это свидетельствует о том, что и славяне и готско-аланские племена, прошедшие на Запад, черпали из одного, боспорско-херсонесского источника, но дальнейшее развитие шло совершенно самостоятельно, и славянское искусство на Днестре существенно отличалось от меровингского.

4. Простые пальчатые фибулы днепровского типа датируются довольно точно византийскими монетами VI—VII вв. императоров Юстиниана и Маврикия. Эволюция выразилась в усложнении фибулы звериной орнаментикой и в появлении пышных композиций с человеческой фигурой в центре. Таким образом, антропо- и зооморфные фибулы должны датироваться не I в. нашей эры, как думал Д. Н. Эдинг, а значительно более поздним временем — VII и, может быть, VIII в. нашей эры.

5. Область распространения антропоморфных фибул меньше чем их родоначальника — пальчатых. Она охватывает только Киевщину и Подтавщину, не заходя далее на восток.

6. Анализ пальчатых фибул в готском могильнике Суук-Су показал следующее: готы имели свой тип фибулы, совершенно отличный от пальчатой. Эти готские фибулы, тонкие, пластинчатые, в Приднестровье совершенно неизвестны. Пальчатые фибулы в Суук-Су непарны (гарнитур состоял из двух фибул), случайны и носят явно привозной характер. Местом их изготовления следует считать Среднее Приднестровье, откуда они проникали в небольшом количестве как в Крым, так и на Оку.

Эти частные выводы позволяют уже перейти и к более широким историческим обобщениям.

Оказывается, что и вторая половина так называемых готских древностей — пальчатые фибулы — в значительной своей части (кроме керченских и западноевропейских типов) является изделием антских мастеров на Днестре, Ворскле и Дону и к готам отношения не имеет. Все эти данные дают нам ценнейший материал по культуре антов.

Во-первых, пальчатые фибулы и встречаемые совместно с ними другие вещи позволяют очертить область более или

¹ Эдинг Д. Антропоморфные и зооморфные фибулы Восточной Европы. Труды Института национальных и этнических культур Востока. Т. II. М. 1931.

² Отливка металлических вещей по восковым моделям производилась следующим образом: мастер делал модель из воска, заливал её глиной и, когда глина засыхала, вытапливал воск, наливая вместо него металл. Керченские мастера обрабатывали восковую модель резцом, а днепровские — просто заострённой палочкой.

менее единой культуры в пределах восточнославянских земель. На правом берегу Днестра (от Киева до бассейна Роси) проходит узкая полоса распространения пальчатых фибул и тянется далее на восток по всей лесостепной зоне вплоть до Дона. Ни в лесах, ни в степях фибула не обнаружена. Эта территория очень точно отвечает сведениям Прокопия Кесарийского о расселении бесчисленных антских племён на север от Меотиды. Хотя анты были известны византийцам и на Нижнем Дунае, но ядро антского племенного союза в VI—VII вв. находилось, по всей вероятности, на территории полян и северян.

Во-вторых, то обстоятельство, что в первой половине VI в. на Днестре начинают подражать боспорским украшениям, свидетельствует об установлении тесного контакта антов с Боспором. Возможно, что до того, как обрушиться на Византию, анты пришли сначала в соприкосновение с более близкими городами Причерноморья, обновив те связи, которые существовали ранее — в III—IV веках. Всё это делает для нас ещё более понятным текст Прокопия, который не случайно переходит к описанию антов тотчас после описания других народов по берегам Керченского пролива.

Закончив с готовым вопросом в применении к археологическим материалам и выяснив, что новые категории вещественных источников относятся к восточным славянам, необходимо остановиться на общей характеристике культуры антов эпохи Юстиниана, Маврикия и Ираклия, т. е. VI—VII веков.

Основное ядро антского племенного союза, если исходить из археологических данных, полностью совпадало как со старой территорией скифов-пахарей, так и с областью распространения «полей погребения», выемчатых эмалей и аладов римских монет. Несмотря на существенные отличия культуры антов римского времени от культуры тех же антов византийско-хазарского периода мы продолжаем наблюдать устойчивую географическую закономерность в том, как расположены различные признаки культуры. Те районы, которые были передовыми в одном периоде, продолжали оставаться такими же и в последующем.

Пальчатые и зооморфные фибулы VI—VII вв., богатые клады византийских и сасанидских вещей обнаружены в основном на той же территории, что и лучшие памятники II—IV веков. Стержнем этого ядра антской культуры был Днестр, который не разъединял, а связывал население обоих берегов.

Один из важнейших вопросов истории антской культуры — это вопрос о поселениях. Городища ромейского типа с их рядовыми комплексами жилищ никак не могут считаться типичными для всей антской территории: ромейские городища представляют только периферийную, провинциальную культуру восточных окраин антской земли, совершенно так же, как характеристика антов в «Стратегиконе» Маврикия относится лишь к югозападной окраине антской земли с её лесами и болотами Нижнего Дуная.

Эта окраинная культура имела в основе пашенное земледелие, о чём свидетельствует обилие крупных зерновых ям на городищах (например на Гочевском), но по своему уровню она была всё же примитивной. Не эти области были основной исторической территорией восточного славянства: сердцевинной антской земли являлось, как доказано выше, Среднее Приднепровье. К величайшему сожалению, почти полная неисследованность городищ Киевщины, Черниговщины и Полтавщины лишает нас возможности обрисовать культуру днепровских племён с той полнотой, какой они заслуживают. Отмечу лишь, что городища на территории древней, земледельческой Скифии, опоясанные на юге для защиты от кочевников цепью «змеевых валов» (фольклор говорит, что они возведены славянским Прометеем—Сварогом — при помощи побеждённого им змея), в десятки раз превосходят по своим размерам маленькие ромейские посёлки. Эти огромные скифские города были обитаемы и во времена антов. Область больших городищ Приднепровья совпадает с областью фибул VI—VII вв., наиболее пышных по форме. Целый клад фибул был найден на одном из таких городищ — Пастерском (на юг от реки Роси).

Анты не только продолжали расселяться в крупных городищах скифского времени, но и строили новые города. Легенды о новых антских городах иногда рассказывались очень далеко от места их возникновения. Такова, например, судьба Киева. Известная русская летописная легенда о построении Киева Кием, Щеком и Хоривом оказывается, как показал интереснейший материал, опубликованный Н. Я. Марром, имела армянскую параллель, записанную не позднее VII в. армянским историком Зеноном Глаком. Армянский рассказ о построении города Куара в стране Палуни является отголоском постройки Киева в земле полян. Передаточным элементом явились или антские поселения на Северном Кавказе (Тамань) или те славянские дружины, которые вместе с хазарами воевали в VII в. в Закавказье.

Летописная легенда (которую можно приурочить к VI в.), говоря о деятельности Кия, сообщает о его попытках основать город на Дунае. Возможно, что ряд названий дунайских городов (которые, по традиции, ещё в XIV в. причислялись к русским) произошёл от одноимённых им антских городов Приднепровья. Таковы Переяслав Русский близ Днестра, и Преслав на юг от Дуная, или Переяславец на самом Дунае, таковы Киев на Днестре и Киевец на Дунае.

Проблема происхождения городов Киевской Руси ещё не решена, но, видимо, огромным антским городищам будет принадлежать очень важная роль в её решении.

Участие антов в завоевании Византии общеизвестно. По ряду признаков можно проследить устремление колонизационного потока в завоеванные области с берегов Днестра (на Нижний Дунай и во Фракию).

По некоторым косвенным данным можно предполагать, что результаты завоевания Византии неодинаково влияли на различные

славянские племена: дружины окраинных племён, с более примитивной культурой, оседали на новых местах (дреговичи, северяне), дружины же таких ведущих племён центра антской земли, как поляне, возвращались с награбленной добычей на берега Днепра, где остатки этой добычи сохранились до нашего времени в виде кладов византийских вещей VI—VII веков. Приднепровские клады VI—VII вв., в которых найдены изделия лучших константинопольских и сасанидских мастеров, рисуют нам очень яркую картину постепенного скопления огромных богатств в руках славянских князей VI—VII веков. Разнообразная пиришественная утварь, умывальные приборы, оружие — всё это позволяет нам составить представление о различных сторонах древнего быта. Былинны пиры князя Владимира можно перенести на три столетия назад и представить пирующую дружину какого-нибудь антского князя, вроде упоминаемого Менандром Межамира: столы уставлены золотыми кубками, кушанья подаются на церковных дискосах из завоёванных преческих городов, вино заготовлено в серебряных амфорах, пирующие умывают руки из серебряного умывальника в виде головы антилопы.

Дружинная культура антов не ограничивалась восприятием только внешней обстановки византийских или восточных дворцов: по целому ряду фактов мы можем судить о том, что славянские князья и их ближайшее окружение были в VI в. уже достаточно подготовлены к восприятию византийской культуры во всей её глубине.

Анту Доброгасту византийский император поручает важный пост таксиарха — начальника эскадры, ант Всегорд — крупный полководец византийского войска. Антом по происхождению являлся, по всей вероятности, и знаменитый Хилбуд, о котором Прокопий говорит, что он был близок к императорскому дому и хорошо знал военное искусство.

Если мы примем во внимание, насколько сложна была организация византийской армии и, какое развитие получила у греков военная теория, то поймём, что от антов, поступавших на византийскую службу, требовались глубокие и серьёзные знания.

Славяне к этому времени перестали уже быть народом без всякой письменности. Не имея собственной азбуки, они использовали в качестве литературного языка греческий.

Византийский святой Андрей Юродивый (умер в 510 г.) был по происхождению славянином или, по другим слухам жития, «русинном» (то есть антом из Среднего Приднепровья, где в VI в. мы знаем народ «рос»). Житие особо оговаривает его способности к греческой грамоте. Славяне в Вифинии употребляли в VII в. греческую письменность для свинцовых печатей, привешивавшихся к документам. Интереснейшим памятником византийской эпиграфики является надгробная надпись, найденная в Константинополе в 1902 г. болгарским учёным И. Ивановым:

«Здесь погребён Хилбудий, сын Самбата, умерший месяца ноября индикта 7. Супруга Хилбудия».

Судя по индикту, надпись относится к 529 году. Вполне вероятно, что погребённый здесь Хилбудий тождественен с антом Хилбудием, описанным Прокопием. В таком случае имя отца Хилбудия — Самбат — приобретает особый интерес в связи с названием Киева «Самбатас». Сам Хилбудий несколько напоминает летописного Кия — и тот и другой пытались вместе с антами («с родом своим») поселиться на Дунае (по Прокопию, в городе Туррисе), но оба были вынуждены оставить Дунай из-за конфликтов с местным южнославянским населением.

Если сближение Хилбудия царьградской надписи с Хилбудием из «Готской войны» Прокопия верно, то мы получаем интереснейший документ об антской, русской могиле в Царьграде в VI в., в эпоху проповеди здесь «русина» Андрея. Отрывочные и не всегда ясные сведения об антах в Византии бесспорны в одном отношении: между утончёнными византийцами и социальными верхами приднепровских племён не было такой непроходимой пропасти, которая устраняла бы возможность их культурного общения. Здесь необходимо учесть предшествующий период культурного воздействия Рима на восточных славян.

Археологические материалы Среднего Приднепровья дают нам целый ряд памятников местного художественного ремесла, также свидетельствующих о высоком культурном уровне антов.

В бассейне Роси, в Мартыновке, найден клад, в составе которого были византийские вещи, клеймённые штемпелями константинопольских мастеров VI в., и ряд местных изделий. Особый интерес представляют серебряные литые фигуры коней и людей, в своё время нашитых или набитых на какую-то плоскость. Кони с золотыми гривами и золотыми копытами совмещают ряд натуралистических черт с сильной стилизацией. Общая манера изображения напоминает сарматское искусство. Четыре мужских фигуры все однотипны: изображён усатый мужчина с длинными волосами; руки уперты в бока, ноги несколько расставлены, волосы и усы позолочены, рубаха подпоясана и имеет позолоченные нарукавники и широкую выпитую вставку на груди. Эта выпитка на груди до сих пор бытует в мужской одежде Украины и Белоруссии. Такая же выпитая вставка повторяется в изображениях гуслиря на киевском серебряном браслете XII века.

Мартыновский клад интересен как ещё одно звено между скифо-сарматским миром и миром русским: с одной стороны, сарматская стилизация златогривых коней, а с другой — типичная украинско-белорусская одежда мужчин.

С точки зрения искусства интересны упоминавшиеся неоднократно антропоморфные и зооморфные фибулы. Как доказал Д. Н. Эдинг, эти фибулы содержат изображения великой богини, аналогичные по своему содержанию сюжетам русской народной вышивки.

Центральную часть композиции занимает человеческая фигура, руки которой нередко переходят в звериные изображения и

заканчиваются звериными мордами. В качестве предстоящих и сопровождающих богиню встречаются кони, бараны, петухи, змеи. Набывшаяность всей композиции звериными изображениями настолько напоминает скифское искусство, что шведский археолог Т. Арне, желая примирить факт наличия этих скифских элементов со своим утверждением о том, что фибулы принадлежат готам, придумал следующее объяснение: очевидно, готы раскапывали скифские курганы и таким путём восприняли их искусство. Нам нет нужды прибегать к таким натяжкам; несомненно, что архаичные элементы непрерывно бытовали в тех областях народного искусства, которые не сохраняются в земле (вышивка, резьба), и время от времени прорывались в область более прочных, бронзовых и серебряных, изделий, сохранившихся до наших дней.

Некоторые фибулы из Киевщины украшены скульптурными изображениями мужских голов. Крупные носы, волосы подстрижены в кружок, лица обрамлены окладистой бородой. Общий облик этих древних античных скульптур настолько близок к знакомому облику русского крестьянина, что так и кажется, будто перед глазами находится какая-нибудь деревянная резьба XIX в., изображающая обычный персонаж из сказок и народных игрушек: русского мужика, а не его далёкого исторического предка с берегов Днепра.

Подводя некоторые итоги исследования ранней культуры восточнославянских пле-

мен, надо сказать, что и в римский и в византийско-хазарский период особенно выделяется своей культурой Среднее Приднепровье, область антов, полн. область полулегендарного народа богатырей,— Русь; то есть та область, которая несколько позднее получила название Русской земли, Руси.

Глубокие корни этой культуры восходят к скифам-пахарям, затем славянизовавшиеся потомки скифов упорно овладевали римским мастерством, торговали с Римом своим зерном, воспринимали римские обычаи.

Далее следует некоторый перерыв в наших источниках, который наступает приблизительно в V в., когда дружины антов были втянуты в гуннские походы. Начиная с VI в. мы вновь видим на берегах Днепра богатую культуру, принадлежавшую удачливым победителям Византии, участникам походов в Закавказье, «могущественным племенам антов».

Время от времени на цветущие поселения Среднего Приднепровья нападали то с юга — степные племена, то с севера — различные варвары вроде готов и варягов; но, отражая набеги степняков и подчиняя своему влиянию жадных до добычи северян, восточные, русские славяне сохраняли и развивали свою культуру, закономерным завершением которой явилась культура Киевской Руси, ослепляющая современников и чарующая потомков своей утонченностью, изысканностью и красочностью.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ ПЕТРА I С ДАТСКИМ КОРОЛЕМ ФРЕДЕРИКОМ IV *

В. Бонч-Бруевич

Чем больше мы изучаем историю нашей страны, тем больше привлекает наше внимание период царствования Петра I. Пётр I вёл непрестанную борьбу за неприкосновенность наших северозападных границ. Чтобы раз и навсегда отделаться от докучливого шведского агрессора, он укрепил ближайшие подступы к новой столице — Петербургу, а также подступы к исконным русским землям — Пскову, Новгороду и Смоленщине.

Из наших архивов до сих пор ещё не извлечены и не опубликованы все нужные материалы, которые дали бы возможность

полностью исследовать эту знаменательную эпоху строительства нашего государства.

В настоящей статье приводится весьма интересная, до сих пор не опубликованная переписка Петра I с датскими королями Христианом V и Фредериком IV во время действия союза России с Данией.

Петру было пятнадцать лет, когда он послал датскому королю Христиану V за своей подписью грамоту, в которой очень настойчиво предлагал ему всеми мерами противодействовать избранию французского принца де Конти на польский престол. «Полеже,— пишет Пётр в грамоте от 16 июля 1687 г.,— в королевстве польском некоторые из санаторей, забыв целостность государства своего и права и волности свои и не вспомянув обязательства с христианскими государями—против креста святого неприятеля святого союзу и мирного утверждения, обирают и хотят учинить на королевство польском и великом княжестве Литовском за государя себе королем из Франции князя Барбонского Деконтия по французской

* Подлинники приведённых документов находятся в Датском королевском музее— в Копенгагене. В 1939 г. представитель Государственного Литературного музея сфотографировал их и приобщил эти фотокопии к собранию рукописей музея. Публикуемые нами письма Петра I. Государственный Литературный музей предполагает издать в своих «Летописях».

факции, которому спомочники к тому общие всего христианства неприятели салтан турской и хан крымской, о чём они все чрез послов своих в Польшу будучих, домогались того и домогаютца напрасно. И естли бы по тому их намерению и по промыслу христианских неприятелей будет помянутой князь Деконтий королем польским, тогда бы была немалая радость тем креста святого неприятелем, а пограничным христианским и союзным государем к промыслу и к войне на того ж неприятеля большая препона. Того ради подобает заранее на промысл и на ухищрение общего всех христиан неприятеля, салтана турского и спомочников его, бодро, смотреть и злое их намерение предварять».

«Имеем ведомость,—пишет далее Пётр,— что по писму из Польши тот князь Деконтий имеет прийти в Польшу морем, о чём мы, великий государь, наше царское величество, вас, брата нашего, великого государя, вашего королевского величества любительно просим; ежели бы оный князь имел в Польшу тот путь морем употребить, тогда б вашему королевскому величеству войсками своими для общие христиан пользы и святого союза в том ему препятие учинить, а имянно, в Зунте и в Балтийское море проход ему заградить».

Так начинал Пётр I своё правление: энергично требуя от своего соседа силой вмешаться в дела беспокойной Польши, устраняя нежелательного и вредного претендента на польский престол—предмет вождельний многих. Конечно, дело здесь было не в «кресте святом», а в том, что дружба де Конти с турецким султаном и крымским ханом ставила под удар Россию с двух фронтов, чего никак нельзя было допустить.

Правление Петра I всегда отличалось активной внешней политикой. Пётр энергично боролся с внешними врагами, более всего со шведами и турками, которые не раз пытались урвать у России те или другие её земли. Пётр I противопоставил им союз с западноевропейскими государствами (Дания, Польша, Пруссия) и энергично настаивал на привлечении в этот союз Англии, преследуя всё время одну и ту же цель: укрепить границы государства российского, обеспечить выход России к Балтийскому морю и защитить подступы к главнейшим стратегическим пунктам страны.

Карл XII затеял авантюристическую войну с Россией и вторгся в Украину, где намеревался соединиться с изменником и предателем отечества — Мазепой,— чтобы, опираясь на союз с Турцией, разбить русские войска. Но в знаменитой битве под Полтавой Пётр I разбил шведов наголову; Карл XII, раненый, с трудом успел уйти в пределы своего турецкого союзника.

В нашем распоряжении находятся два неопубликованных письма Петра I, написанных им собственноручно, прямо «из обоза», датскому королю Фредерику IV. 28 июня 1709 г. Пётр сообщает, что 27 июня одержал «преславную викторию против нашего неприятеля, короля шведского...—разорением всего его полка» (т. е. войска.—В. Б. Б.),

и «пленением шведского генерала фельдмаршала и Рейншелда и первого министра графа Пипера куню с несколькими генералами и многими знатными офицерами и рядовыми и взятием многих знаков воинских».

Через несколько дней, когда подведены были все итоги огромной победы, Пётр сообщил 8 июля 1709 г. датскому королю, что «в достальное с той баталии ушедшее войско, которого паче чаяния нашего ещё не малое число обреталось, принуждено нашим со всем здатися». Сообщая всё это, Пётр настойчиво предлагает датскому королю немедленно возобновить общие действия против шведов. Придавая огромное значение победе под Полтавой, Пётр настойчиво добивался активного участия союзников в войне; он доказывал, что совместные действия в интересах не только России, но главным образом, и в интересах всей коалиции—«аллианции», как выражался Пётр; только общими усилиями союзников и возможно победить сильного на суше и на море врага. Но союзники медлили, упускали подходящий момент для совместных действий. У Петра поэтому были все основания сомневаться в искренности намерений и датчан, и поляков, и немцев, и англичан. Он взял на себя великую задачу избавить Европу от беспокойного агрессора—шведского короля Карла XII, не дававшего покоя всем северным государствам.

В ожидании помощи от союзников Пётр действовал на своём фронте вполне самостоятельно и решительно. Одновременно он всячески укреплял свою армию, развивал военную промышленность, тщательно подбирал ближайших сотрудников, вместе с ним осуществлявших его великие преобразования. Пётр выработал на практике, в бою, новую стратегию, к которой, как к своим истокам, нисходит стратегия Суворова.

Петру необходимо было прежде всего укрепить подступы к Петербургу, утвердиться на берегу Балтийского моря, создать флот и защищать право России на постоянный и удобный выход в море. Россия должна была стать не только могущественной сухопутной, но и достаточно сильной морской державой.

После победы под Полтавой Пётр значительно пополнил свою армию, в течение одного года оснастил её наилучшей для того времени техникой и перевёл войска из-под Полтавы к Петербургу, откуда предпринял свой поход в Ингерманландию.

Уже 14 июня 1710 г. Пётр уведомляет короля датского Фредерика IV о том, что русские войска взяли г. Выборг: «при приезде вашем в армию нашу под Выборгом и, по учинённому расположению к генеральному штурму шведской комендант тая крепости видя то и что уже бреш великой учинен, не дожидаяся оного штурму, помянутую крепость сего июня 13-го дня здал и во оную введены наши войска».

Пётр развил энергичное наступление и, обезопасив себя с северной стороны, тотчас же перенёс свой главный удар на за-

пад. 9 июля 1710 г. он сообщил датскому королю письмом, что «в 8/19 день июля из нашей армии, при Риге стоящей, радостную ведомость получили, коим образом шведской генерал-губернатор в том городе, не дожидаясь формальной атаки, 4/15-го июля помянутую крепость и цитадель на акорд наш сдал и уже во оную наши войска введены».

Рига была началом дальнейшего укрепления Петра на этом побережье Балтийского моря. 29 сентября 1710 г. русскими войсками был взят г. Ревель. Уведомляя датского короля об этой победе, Пётр I пишет в письме от 18 октября: «Мы из нашей армии от Ревеля радостную ведомость получили, коим образом сей город и замок, не ожидая формальной атаки, нам на акорд здался и во оный по сем действительно наши войска в 29 день сентября введены, и сим тако с нашей страны (да будет высшему за сие благодарение) сия кампания щасливо и победоносно скончалась».

Недолго, однако, Пётр и его армия радовались окончанию войны. Турецкий султан, всё время находившийся в тесных дружественных сношениях с шведским королём, в результате происков Карла XII объявил войну России.

Прекрасно сознавая всю опасность положения, Пётр сейчас же снимается вместе со своей армией и направляется на дальний юг, чтобы задержать турок и занять выгодные позиции. Выступая в поход, Пётр ставит об этом в известность своего союзника, короля датского, письмом, помеченным 15 июля 1711 г.: «Кампания в сих краях против наследного неприятеля, всевышнему слава, щасливо начата, понеже коль скоро генерал мой фельтмаршал граф Шереметев с большею частию моей кавалерии и с некоторою конною инфантериею через Днестр переправился и в Волоскую землю вступил, то принц волоский Кантемир за нас декларовался и по силе учиненного и от него самого подписанного трактата себя нам обязал чрез сию войну, яко союзник, крепко держаться и со всею своею силою кутно со мною против общего неприятеля действовать, яко же он уже действительно с десятью тысячами человек благовооружённых и конных волохов с помянутым моим генералом фельтмаршалом Шереметевым соединился и еще более войск к себе ожидает. Я же сам прибыл сюды к Днестру 12-го сего месяца щасливо с моею гвардиею и обрел здесь мою армию (кроме неколиких немногих региментов, которая на постах стояли и тако же сюды маршруют и в несколько дней сюды будут) всю в собрании, и ныне переправляетца оная чрез Днестр и коль скоро то учинитца, то буду я во имя божие марш свой против неприятеля далее продолжать и воинския операции, смотря на его поступки чинить, и 17-го числа сего две дивизии инфантерии моей для получения лучшего корму конского наперед, маршировать будут, за которыми и я с прочими по двух или трех днях следовать буду. О неприятеле имею я ведомость, что, хотя великой везирь с некоторыми полками к Дунаю пришел и по

сю сторону Дуная транжемонт (шанцы) зделал и некоторою инфантериею осадил, но перейдет ли сюды со всею армеею и при моем приближении будет ли стоять, сие научит время, хотя многие о том зело сумневаются».

15 июля 1711 г. он уведомляет датского короля: «Мы с войсками нашими в турецкую землю вошли и с турками встретились у реки Прута и имели жестокие бои». Не желая тратить силы на этом второстепенном фронте, Пётр добивался заключения мира с турками, о чём писал в том же письме датскому королю: «Для наших и общих, касающихся с вашим величеством интересов, далее в той войне не поступили и учинили с турки вечный мир». Почти целый год пришлось Петру оказывать давление на Порту, пока наконец он не заставил её ратифицировать предварительное мирное соглашение и заключить «вечный мир». Турки не раз хотели его нарушить, ибо, как объяснял Пётр, «наши неприятели чрез всякие козарства и сплетки искали оную (Порту. — В.Б.Б.) от того отворотить и к новому нарушению с нами привести». Об обмене мирными договорами Пётр I уведомил датского короля особым письмом, помеченным 12 мая 1712 года.

Как только Петру I удалось замирить турок, он поспешил «отъехать» в Померанию «и тамо операциям своею особю присутствовать». По установлении общего плана действий союзников против шведов, Пётр сейчас же уехал в «Санкт-Петербург», где спешно приготовился к походу. Уже 17 апреля 1713 г. он посылает датскому королю «дружбы братское объявление», в котором сообщает, что «мы по восприятю нашем пути из Голштиндии сюда щасливо прибыли и к надлежащему воинскому походу, о котором мы вашему величеству при отъезде нашем объявили, всякое уже приуготовление учинили, и вскоре марш во оной восприимем и действия чинить по всякой возможности не оставим. И желаем также слышать о счастливых действиях вашего величества при Тонинге».

Стремясь укрепить позиции новой российской столицы — Петербурга, Пётр I оттеснил шведов в их пределы. Вокруг Петербурга образовалась значительная территория, огненные принадлежавшая России. Пётр укрепил подступы к столице и обезопасил её от внезапного вторжения беспокойных соседей.

В 1713 г. Пётр I продвинулся в глубь Финляндии и 28 августа того же года взял столицу Финляндии Гельсингфорс, отняв, таким образом, у шведов плацдарм для нападения на Петербург. Пётр немедленно известил об этом своего постоянного союзника — короля датского — письмом из Або от 30 августа 1713 г., в котором писал: «Мы по укреплению Элинфорса и при оном гавана, путь свой против неприятеля продолжали, который всегда от нас удалялся, и хотя мы зело искали видеть оного в лице, но оной никогда показать себя (не) хотел, кроме одного разу, где наши передовые

с их отделенною партией акцию имели. Потом, почитай, без сопротивления в сей столичной княжества Финхского город прибыл сего месяца в 28 день, и тако сия княжество о помощи божию от неприятеля оторвано, от чего неприятель гараздо чествовать будет, ибо уже от взятых языков и из перенятых писем означилось, что в Стокгольме во многом дороговизна началась».

Продолжая своё победоносное шествие, Пётр I в ноябре 1713 г. подошёл к Тавастгутской крепости, вынудил шведов сдать её, а отступившие их войска несмотря на серьёзные водные препятствия сейчас же атаковал, переправившись через реку и озеро на плотках и вплавь. Об этих успехах русских войск Пётр поспешил уведомить своих союзников. 4 ноября 1713 г. он отправил датскому королю письмо, в котором писал: «Понеже войска наши, бывшие в Финляндии под командою генерала и адмирала нашего графа Апраксина, по возвращении из Абова от Гелзенфорса приближались к крепости Тавастгутской, тогда неприятельское войско, немало тамо не противясь и пометав пушки в воду, уступило и, отошед четыре мили, укрепилось при реке Пелкене под командою трёх генералов маеоров Армфлета, Финтингова и Лабара, имея по другую сторону той реки к своему авантажу немалое озеро, однако ж, наши зделав плоты, на которых 6 дня октября несколько порадя, отправили чрез озеро в обход, и когда оные к неприятелем приближались, тогда и чрез реку прямо драгуны мало не вплавь, а салдаты на плотках же неприятеля в учиненных их крепостях атаковали, и хотя неприятель жестоко себя оборонял, однако ж всевышний оружие наше благословил и над неприятельским войском знатную победу даровал, так что то неприятельское войско не токмо ис крепостей с утратою всей артиллерии выбито но и многое число оного побито и в полон взято».

Окончательно обезопасив себя от шведов со стороны Финляндии, Пётр I стал разрабатывать план перенесения войны с Карлом XII на его собственную территорию, в Швецию. Для этого прежде всего надо было завоевать господство на Балтийском море. Именно об этих своих стремлениях проникнуть в Швецию Пётр уведомлял датского короля письмом от 19 ноября 1713 г.: «Понеже Финляндия с помощью божиею, вся суть завована по самой Синюс Ботникус, где наши войска все зимовать будут, а далее шхерами до Аланта и оттоль до шведских берегов пройтись скомпоуеями и бригантинами отнюдь невозможно, ибо неприятели имеют о самой берег глубина и свободной проход з Болшого моря большими караблями в трёх местах, а имянно: Ивермитде, Ангут, Юмодорзунт, ис которых первой видел присланной от вашего величества Герасимус Эрба, что во оном виде адмирал Лили с шкадрою, где наши скомпоуеи две недели под оным лежали, чтоб обойти мимо, но не могли. Также паче всех тех мест zelo широкой переезд от

Галанта до шведского берега, где никоими мерами от болших караблей пройтись невозможно, ибо на многие мили чисто и нигде островов нет, а мы большими караблями не сильны, а землею действа чинить негде, ибо достальная армия шведская, в Финляндии обретающаяся, ретироватца имеет за Торне, куды войску нашему иттить невозможно за дальностью».

Чтобы обеспечить полное спокойствие на северной границе, Петру необходимо было уничтожить и те резервы, которые шведы отвели с главного театра этой войны и сосредоточили около деревни Лапала. 19 февраля 1714 г. он, наконец, обнаружил их и тотчас же дал сражение, которое весьма кратко описывает королю датскому: «Наше оружие божиею помощию в 19 день прошлого февраля в Финляндии недалеко от Ваза, под деревнею Лапала над шведами под командою генерала маеора Аренфельда такую совершенную викторию одержало, что немного из неприятельской армии ушло, но болшую часть на месте побита и в полон побрана, и их вся артиллерия и багаж взят».

Сообщая это радостное известие, Пётр не преминул и здесь ещё раз напомнить своему союзнику о том, что надо пользоваться случаем и сейчас же действовать энергично.

В том же письме он выражал надежду, что король «с своей стороны всею силою действовать и труды вспомогать изволите, дабы напоследи от неприятеля пристойно и всем прибыльный и безопасный мир получить возможно».

Однако союзники Петра и теперь, когда сухопутные войска шведов, находившихся в Финляндии, в Ингерманландии и на всем Остзейском побережье были разбиты наголову, попрежнему оставались почти совершенно инертными.

Покончив со шведами на суше, Пётр перешёл к действиям на море. Его молодой балтийский флот укреплялся с каждым днём, и Петр задумал с храбрыми своими моряками очень рискованную и весьма важную операцию.

Вот что он сообщает об этом своему датскому союзнику в письме от 20 сентября 1714 г.: «Мы сентября в 4 день с болшею частию нашего воинского карабелного флоту в Кроншлот и в 9 день нашею особую счастливо паки в Санкт Питербург возвратились. Мы в сию кампанию нашей собственной персоны ни труда и дждавления не щадили со всевозможною силою против общего неприятеля действовать яко же и всевышний справедливость вашего оружия во оной таким образом благословил, что мы июля в 27 день победу на море против нашего неприятеля одержали, а имянно, с нашими гребным флотом сквозь весь, у Гангута авантажю стоящий неприятельской флот, несмотря на жестокой, учиненной на наших, от неприятеля огонь, пробьлись и потом шведского шаутбейнахта Эреншилда со всею, под его командою бывшею эскадрою по жестоком бое счастливо взяли».

Петру необходимо было для перенесения войны в Швецию совершить большую десантную операцию. Первую пробу, этого

* Так в подлиннике.

рискованного дела он поручил генерал-адмиралу графу Апраксину. Об этом своём новом военном предприятии он сейчас же сообщил датскому королю письмом от 13 июля 1719 г.: «К вечеру ветер к походу в Швецию стал благополучен, и тако отправил я с галерным моим флотом с довольным числом войск генерала адмирала графа Апраксина для учинения действий внутрь Швеции под прикрытием моих воинских караблей... Он первого на десять числа о четырёх часах полудни благополучно со всем флотом галерным без всякого препятая от неприятелю вошёл в швецкие шеры при Кавелшере в десяти милях от Стокгольма и намерен был того ж дня итти к Ваксгольму, где неприятельские кастели обретаются».

Действуя самостоятельно и решительно против шведов, Пётр в то же время всячески старался укрепить коалицию путём привлечения в неё Англии.

Ещё 20 сентября 1714 г. он писал датскому королю: «Я добрую склонность, в которой его великобританское величество ныне обретаеця и учиненные от него представления ко вступлению в наш союз и к действительной публичной декларации против нашего общего неприятеля такова состояния быть нахожу, что так я, как и особливо ваше величество и любовь, наивящие притчины имеем об оных рассуждение иметь и нас без утраты времени чрез ближайшее и тесное обязательство о дружбе и вспоможении сего сильного государя уверить. Сие так явно есть, что я не могу понять, какие притчины ваше величество и любовь иметь можете в том, какие затруднения чинить, или как к тому вид есть, весьма от того отдалитца».

Петру пришлось писать датскому королю Фредерику четыре раза, пока он добился от него ответа на вопрос о вовлечении в союз Англии. Лишь 27 октября 1715 г., т. е. через тринадцать месяцев после первого письма Петра I, пришёл ответ от датского короля с известием о том, что союз с английским королём заключён. Англия склонилась в «северную алианцию» и «против короля швецкого манифест воинский публиковать». Пётр сейчас же ответил датскому королю, поздравляя его с «дружеско-братским и счастливым окончанием сего великого дела».

Несмотря на то что Бремен и Верден пришлось уступить англичанам, 15 апреля 1715 г. Пётр писал королю датскому, что он «довольно» признал, «какая великая польза из приступления такого сильного государя в наш союз всему общему благу природы имеем».

Пётр хорошо понимал взаимные интересы России и Англии и придавал большое значение содружеству этих двух сильнейших государств. Союз их, по мнению Петра, должен был обеспечить покой и мир в Европе и обезопасить её от всяких покушений агрессивных государств. В то время таким государством была Швеция и определялась Пруссия, которая вскоре стала переходить от слов к делу, всё более и более в дальнейшем развивая свою агрессивную политику.

Честно выполняя все свои обязательства по отношению к союзникам, Пётр ревниво следил и настойчиво добивался соблюдения этих обязательств союзниками. Попытка датского короля в 1714 г. породниться со шведским королевским домом путём брака вызвала резкий протест Петра I. С присущей ему прямоотой он обрушился на этот проект «семейной алианции» и написал датскому королю 24 января 1714 г. письмо, весьма вежливое по форме, но решительно осуждавшее этот «партикулярный мир», осуществляемый посредством династического брака, вопреки союзному соглашению северных государств: «Не можем мы обойтися, вам дружеско-братски не обявзя, что мы такого поступка от вас наименьше чаять могли, понеже намерение и желание наше всегда токмо туды склонилось, чтоб в непремённой дружбе постоянно при алианции с вашим величеством и любовью пребывать и себя никоим образом от того отлучить не допустить».

Требую прямого ответа на поставленный вопрос, Пётр кончает открытой угрозой: «В противном случае, и ежели ваше величество и любовь в том своем намерении пребудете, мы себя принужденных найдем такожде иные меры предвосприять, и, как можем, о собственной своей безопасности старатся, что мы вашему величеству и любви представить за потребно изобрели, и пребываем, в протчем, вашего величества и любви верный брат, друг и сосед Пётр».

Датский король отказался от своего намерения, и его «супружеская алианция» не состоялась.

Пётр недаром так зорко наблюдал за поведением своего «друга, брата и соседа» датского. В 1720 г. Фредерик IV всё-таки решился на измену и, не предупредив Петра, заключил сепаратный мир со шведами. Датский король поставил в известность Петра об этом сепаратном мире уже после его подписания.

Возмущённый Пётр ответил весьма сдержанным письмом от 1 октября 1720 г., в котором напомнил Фредерику всю историю северного союза, заявив, что ежели бы он, Пётр I, счёл возможным своевольно нарушить договор, «то б мы давно со всяким желаемым авантажем от сей войны освободитца и благополучный мир получить могли».

Заканчивая письмо, Пётр дипломатически благодарил неверного короля датского за «учиненное нам обнадеживание, что вы в своём мирном трактате со Швецією не токмо ничего предосудительного нам к нашему интересу не постановили, но и всегда в постоянной дружбе и доброй конфиденции с нами пребывать соизволяете».

Однако и здесь, как и ранее, датский король не оказался на высоте положения. Негодованию Петра не было предела, когда он узнал «от разных мест» и из «печатных публичных ведомостей», что Фредерик IV не только изменил всем основаниям коалиции, но даже звёл в мирный трактат со Швецией явно вредные для России «артикулы», по которым русские суда не допускались в датские гавани; таким образом,

флот русский оказывался запертым в восточной части Балтийского моря, и мореплавание его крайне затруднялось.

«Со удивлением усмотрел, — писал Пётр I в другом письме от 1 октября 1720 г., — что в пятом артикуле того трактата ваше величество и любовь обязались во время сей войны между мною и Швециею моим воинским караблям и арматорам не позволять ни в какие вашего величества и любви гавени входить, и никаких призов и взятых неприятельских караблей во оные вводить, а, насупротив того, по оному артикулу шведам токмо не позволено российских призов в гавены вашего величества и любви приводить, а о их швецких воинских караблях в том ничего не упоминается и следовательно им то позволяется, что моим караблям запрещено, а имянно, в гавены вашего величества и любви свободно входить».

После смерти Карла XII, убитого в битве под Фридрихсгалем, шведы ушли из Норвегии, принадлежавшей в то время Дании.

Союзники стали заключать один за другим мир со Швецией. Наступила очередь и за Россией, которая дольше всех не шла на мир со Швецией. Лишь в августе 1721 г. начались эти мирные переговоры на конгрессе в г. Нейштадте, закончившиеся подписанием 30 августа мирного договора. Об этом, очень важном событии Пётр I уведомил короля датского особым письмом от 14 сентября 1721 г., в котором сообщал, «что з божиею помощью трактат между мною и его величеством королем и королевством швецким о вечном мире на конгрессе в Нейштате чрез со обеих стран полномочных в 30 день минувшего августа заключен и подписан».

Недолго проболев тяжкой болезнью, Пётр I умер 28 января 1725 года. 12 февраля 1725 г. Екатерина I известила датского короля особой грамотой о смерти своего супруга, императора всероссийского Петра I, и о своём восшествии на русский престол.

ОБСУЖДЕНИЕ В РЕДАКЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА КНИГИ «ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР»

По инициативе редакции Исторического журнала 12 октября 1943 г. было созвано совещание историков для обсуждения книги «История Казахской ССР с древнейших времён и до наших дней». В совещании приняли участие редакторы и авторы названной работы, научные сотрудники Института истории Академии наук во главе с директором его академиком Б. Д. Грековым, сотрудники редакции «Исторического журнала» и другие товарищи — всего 27 человек.

Совещание открылось вступительным словом проф. Б. М. Волина, который отметил, что выход книги «История Казахской ССР» имеет огромное политическое и культурно-историческое значение не только для казахского народа, но и для других народов СССР. Тов. Волин охарактеризовал эту книгу как труд, который делает честь его организаторам, авторам и редакторам, особенно если принять во внимание труднейшие военные условия, в которых она создавалась. Книга эта — подлинно научный подвиг коллектива, участвовавшего в её создании.

«История Казахской ССР», научные и литературные достоинства которой несомненны, вызвала вполне заслуженный и естественный интерес в различных кругах советского общества. Редакция «Исторического журнала» сочла целесообразным подвергнуть обсуждению эту книгу на авторитетном совещании историков. Конкретное и деловое обсуждение этой книги должно помочь двигать дальше столь необходимое дело создания истории других народов нашего Союза, не имеющих ещё написанной истории.

Первое слово предоставляется одному из авторов и редактору этой книги — члену-корреспонденту АН СССР, заместителю директора Института истории АН СССР — проф. А. М. Панкратовой.

Проф. А. М. Панкратова в своём слове ознакомила собрание с историей создания «Истории Казахской ССР» и с основными её методологическими установками. Общая борьба великого русского народа и братских народов нашего многонационального государства, сказала тов. Панкратова, теперь, как никогда, обязывает советских историков тщательно изучить конкретные условия исторического развития каждого из братских народов нашей страны, в особенности те взаимоотношения и связи, которые исторически устанавливались между русским народом и братскими народами, чтобы объяснить, почему в период такой войны, какую мы сейчас переживаем, наш Советский Союз, как многонациональное государство, выдержал все испытания, показал себя самым прочным политическим и государственным строем.

Нельзя сказать, продолжает тов. Панкратова, что раньше историки братских народов не ставили перед собой задачи создания истории своих республик. Как и другие, узбекский и казахский филиалы АН СССР давно включили в план своих работ создание истории своих республик. Но общее состояние нашей исторической науки в этой области было таково, что немногочисленным кадрам, находящимся в этих филиалах Академии наук, было не под силу поднять грандиозную работу по созданию истории своих республик от древнейших времён и до наших дней.

В этих советских республиках были объединены все наличные кадры: национальные, местные кадры, прибывшие из Москвы; были созданы два рабочих коллектива, способные в кратчайший срок осуществить эту большую научную и политическую задачу.

Перечисляя лиц и те учреждения, которые были привлечены к созданию истории Казахской ССР, тов. Панкратова называет казахский филиал Академии наук, филиал ИМЭЛ, Казахстанский союз писателей, историков Казахстана, библиотечные организации, а также целый ряд имён выдающихся специалистов по смежным с историей научным дисциплинам, среди них: археологи, этнологи, этнографы, государственеды—академик Мещанинов, член-корреспондент АН СССР Малов, проф. Бернштам и др. Огромную роль в этом начинании сыграл Центральный комитет коммунистической партии Казахстана, под непосредственным руководством которого было проведено в течение двух месяцев обсуждение всех глав «Истории Казахской ССР».

Переходя к изложению основных методологических установок, которые легли в основу книги, тов. Панкратова останавливается на вопросе об источниках. Одним из очень больших затруднений при изучении истории Казахской ССР является то, что до XIX в. казахи не имели своей письменности, но, с другой стороны, казахский народ сохранил замечательнейший фольклор, который с большой исторической и художественной правдой из поколения в поколение передавал изустно известия, характеризующие многие этапы развития казахского народа, и, в особенности, касающиеся его внутренней истории.

При написании истории Казахской ССР наряду с источниками литературными на китайском, монгольском и арабском языках был привлечён и большой фольклорный материал. Использование письменных источников, говорит тов. Панкратова, чуждых, а часто и враждебных казахам, требовало от наших исследователей большой осторожности, серьёзной научной пылливости, а также большого политического и научного чутья, чтобы из этого материала извлечь зерно истины. Меньше всего разработана та часть истории Казахской ССР, которая посвящена древнейшим периодам истории Казахстана, первобытно-общинному строю, дофеодалному периоду и раннему феодальному периоду. Периоду первобытно-общинного строя на территории Казахстана в книге уделено лишь несколько страниц, которые являются лишь введением к последующей истории Казахской ССР.

В дальнейшем очень важным моментом в истории этой страны является образование племенных союзов на территории Казахстана. Вопрос о формировании казахской народности разрешён в «Истории Казахской ССР», исходя из общей теории акад. Марра. На основе этой теории здесь делается попытка анализировать историю тех древнейших племён на территории Казахстана, следы которых можно найти и в археологии, и в фольклоре, и в памятниках литературы позднейшего периода. Сделана попытка

воспроизвести и некоторую линию исторической преемственности развития этих народов, учитывая все изменения, которые они претерпели.

Вторая трудная и сложная проблема, которая перед нами стояла, указывает тов. Панкратова, и которая не вполне ещё нами разрешена,—это проблема образования казахского ханства и дальнейшего его разделения на три казахских жуза, или, как раньше называли, на три орды. По этому поводу было очень много споров и дискуссий. Трудность здесь заключается в том, что за неимением точных данных этот вопрос конкретно-исторически не может быть нами достаточно исследован, а поэтому мы взяли только то, наиболее вероятное объяснение его, которое приведено в настоящей книге. Мы объясняем развитие казахского ханства и разделение его на три жуза в соответствии с теми политическими и экономическими изменениями, которые происходили на территории Казахстана.

По-новому мы подошли и к вопросу об оценке исторической роли отдельных ханов. Литература, которая была посвящена казахскими историками отдельным ханам, имела две неправильные тенденции. Одна тенденция сводилась к идеализации казахских ханов, другая сводилась к полному отрицанию их роли.

Мы рассматривали все эти вопросы исторически и с этой точки зрения рассматривали роль каждого хана. Поэтому деятельность таких ханов, как Касым-хан или хан Аблай, создавший кодекс законов, мы оценивали как прогрессивный фактор в развитии казахского народа, в установлении его единства и государственного объединения.

Третья проблема, которой касается тов. Панкратова,—это проблема оценки отдельных национально-освободительных восстаний на территории Казахстана и национально-освободительного движения в целом. В этом вопросе существовали две резко противоположные тенденции. Одна тенденция все национально-освободительные восстания объявляла прогрессивными, потому что они были направлены против царской власти, против царской России, а другая считала все эти восстания реакционными.

Мы прежде всего считаем, говорит тов. Панкратова, что борьба каждого народа за свою национальную независимость является, несомненно, фактором прогрессивным, но мы рассматривали все национально-освободительные движения конкретно и при этом с двух точек зрения: с точки зрения формирования боевых традиций казахов в борьбе за независимость, с одной стороны, а с другой—мы изучали движущие силы национально-освободительной борьбы на каждом этапе.

Одна из больших проблем, стоявших перед составителями настоящей книги, как признаёт тов. Панкратова, заключалась в том, чтобы правильно оценить факт колониального подчинения Казахстана царской России и исторические последствия этого подчинения. Можно ли рассматривать присоединение Казахстана к России как результат завоевания или его надо рассмат-

ривать как результат добровольного присоединения?

Весь ход этого присоединения показывает, что присоединение Казахстана к царской России есть результат завоевания Казахстана царскими колонизаторами.

Но, нисколько не идеализируя военно-феодалный империализм и его политику в Казахстане, мы вместе с тем считали необходимым подчеркнуть, что включение Казахстана в орбиту влияния России, ставшей на путь развития капитализма, оказало прогрессивное влияние и на дальнейшее развитие Казахстана.

Поясняя эту мысль, тов. Панкратова указывает на ускорившийся распад феодальных отношений в Казахстане, хотя введение капиталистической экономики отнюдь не соответствовало интересам колонизаторов. Процесс разложения патриархально-феодалных отношений становился всё более интенсивным, но оформленной буржуазной экономикой в Казахстане так и не сложилось до самой Октябрьской революции.

Тов. Панкратова указывает далее, что борьба казахского народа за свою независимость проходила при горячем сочувствии и при помощи передовых представителей русского народа.

Последняя проблема, на которой остановилась тов. Панкратова, — это проблема общей оценки советского периода в истории Казахской ССР и принципиально-исторического значения величайших изменений в результате победы социализма в СССР. Нет надобности говорить, как важно показать именно в настоящее время казахскому народу величайшее значение превращения национальной программы партии большевиков в государственную программу. Мы считали необходимым показать, что Октябрьская революция поставила всю прежнюю национально-освободительную борьбу казахского народа на другую политическую почву, ещё более тесно и непосредственно связав казахский народ с русским народом в общей борьбе против империализма, особенно в гражданской войне.

Мы показали, при каких условиях совершается прыжок гигантского исторического значения, когда народ, которому грозила дегенерация, вступает на путь исторического возрождения после победы Октябрьской революции, давшей ему возможность сложиться как нация.

Заключивая свою характеристику методов работы над книгой, тов. Панкратова говорит о том, что последняя глава книги посвящена героической роли казахского народа на фронте Отечественной войны.

Член-корреспондент АН СССР, проф. С. В. Бахрушин, говорит, что проф. Волин совершенно правильно охарактеризовал политическую значимость обсуждаемой книги.

— Как человек, которому пришлось работать в соседней, Узбекской, республике, — сказал проф. Бахрушин, — я должен подчеркнуть те громадные трудности, которые пришлось пережить коллективу, работавшему по истории Казахстана. Это

первый крупный опыт, и опыт весьма успешный. Я имею в виду не только большую научную ценность сделанной работы, не только громадное политическое её значение, но хочу отметить и её прекрасные литературные качества. Книга читается чрезвычайно легко, с захватывающим интересом.

Тов. Бахрушин считает громадной заслугой авторов то, что они познакомили советского читателя с поэзией казахских акынов и казахских поэтов. Этот источник, может быть, не столь полно освещает все стороны быта казахов, как какие-нибудь акты юридические или летописи, зато вскрывает такие стороны внутренней жизни казахского народа, которые остаются закрытыми в других источниках.

Обсуждаемая книга — начало большой и более углублённой работы по истории Казахстана, сказал тов. Бахрушин. Далее, он поставил вопрос о том, какие части книги должны быть доработаны. Тов. Бахрушин выражает прежде всего пожелание, чтобы книге был предпослан библиографический справочник.

В книге есть историографическая глава, но она дана так, что использовать этот историографический материал читатель не сможет: не указано даже, какие из перечисленных источников переведены на русский язык. Поэтому было бы желательнее сверх историографического очерка дать библиографию.

Тов. Бахрушин ставит принципиальный вопрос: как нужно трактовать историю Казахской ССР? Должны ли мы ограничиться историей казахского народа или включить в исследование историю всех народов, которые обитают на территории Казахской ССР?

— Я согласен, — говорит тов. Бахрушин, — с тем, что этот труд должен быть историей Казахской ССР с уклоном в сторону основной народности — казахов, — но всё-таки это должна быть одновременно и история народов Казахстана. С этой точки зрения имеется некоторый пробел.

Совершенно не освещена история живущих на территории Казахстана ойротов, — сказал тов. Бахрушин. — Я хотел бы указать на то, что ойроты в XVII в. организовали довольно сильное государство на Иртыше. Весь Восточный Казахстан находился под властью ойротов-кашоутов. Позже Восточный Казахстан был в руках такого выдающегося государя, как Алдан Куйтайтша. Богатейшие коллекции, тибетские рукописи почерпнуты Академией наук оттуда. Надо будет дополнить «Историю Казахской ССР», должным образом осветив историю ойротов.

Тов. Бахрушин считает также пробелом книги то, что в ней не показана жизнь русского народа в Казахстане. Между тем роль русских в Восточном Казахстане велика. Семипалатинскую область заселяли с XVIII в. русские переселенцы, которые здесь создали большое земледелие. Семипалатинская область была житницей Сибири уже в начале XX века. Это следовало показать, принимая во внимание большое количество русских переселенцев и значи-

тельное развитие русской экономики. Желательно было бы отметить и роль таджиков в некоторых из районов Казахстана. Города на Сыр-Дарье—это города таджикские, заселённые таджиками. Правильно было бы это отметить.

Тов. Бахрушин ставит затем на обсуждение собравшихся вопрос о том: не следует ли более точно установить этапы развития государства в Казахстане? Он напоминает, что Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» очень конкретно характеризовал эти этапы.

— У нас в этом отношении имеется уже соответствующий опыт различения этапов в образовании государства, в истории СССР и других народов. Феодалное государство мы принимаем с известной осторожностью, а период, когда только складывается феодалное государство, мы выделяем, называем его варварским государством. Когда мы читаем, что в эпоху Хакк-Назара была централизованная власть, я думаю, что это модернизация,— говорит тов. Бахрушин.— Тем более что в других местах книги подчёркивается— и правильно подчёркивается,— что при феодалном строе очень долго ещё существуют и общинные и родовые отношения и эти элементы сохранились в более позднее время. При дальнейшей разработке истории Казахской ССР желательно было бы несколько уточнить этот вопрос.

Проф. В. И. Пичета (член-корреспондент АН СССР) отмечает высокие литературные достоинства «Истории Казахской ССР», которая поэтому читается необыкновенно легко. Эта лёгкость объясняется, вероятно, блестящим языком, живостью изображения, обилием образов, сказал тов. Пичета. В то же время тов. Пичета указывает на неполноценность историографического очерка в «Истории Казахской ССР». По его мнению, изучение литературы по тому или другому вопросу нельзя ограничивать перечнем названий книг и имён авторов. Необходимо характеризовать идеологию каждого автора, и тогда это будет научная историография, а не библиография.

В своей большой работе по истории польской историографии тов. Пичета применил этот метод. Зная политическое лицо каждого автора, зная обстановку, в которой он писал, и общественные настроения того времени, можно видеть, что вся эта историография есть результат эпохи и её культуры, их отражение. Это надо принять во внимание для будущего издания книги: нельзя ограничиться только одной библиографической справкой.

По вопросу о русской колонизации и колониальной политике тов. Пичета выражает полную солидарность с точкой зрения авторов «Истории Казахской ССР», отказавшихся от теории «наименьшего зла» в применении к Казахстану.

— С большим удовольствием,— говорит тов. Пичета,— я прочёл главу, посвящённую казахской культуре. Тут для меня было всё ново, всё свежо и всё интересно. Я совсем не был знаком с казахским эпосом, и здесь раскрылись для меня такие же цен-

ности, какие раскрываются в сербских и белорусских песнях.

Большое достоинство книги тов. Пичета видит в том, что в ней глубоко изучен вопрос о влиянии на развитие казахской культуры великих писателей: Пушкина, Достоевского, Шевченко.

Акад. Б. Д. Греков, отвечая на замечания, сделанные тов. Бахрушиным по поводу периодизации и формулировки исторического содержания периодов в «Истории Казахской ССР», признаёт, что сомнения и замечания по этому поводу неизбежны, потому что этот вопрос очень сложен:

— Но, я думаю,— говорит тов. Греков,— что в книге проявлена крайняя осторожность: сначала говорится о первобытном строе, о различных племенных союзах, об образовании дофеодалных государств на территории Казахстана, затем следует материал о формировании феодальных отношений у тех народов, которые предшествуют казахскому народу, и лишь затем даётся заголовок «Образование казахского государства». Мне кажется, что другого выхода не было, как назвать казахское ханство государством. Здесь уже имел место не племенной союз, во главе которого стоит хан. Если бы мы сказали, что это просто кочующая орда, это было бы, несомненно, грубой ошибкой. Другого термина у нас нет. У Энгельса есть места, где он говорит об очень раннем образовании государственных форм. Поэтому здесь большой ошибки нет, когда мы в XVI и XVII вв. впервые упоминаем государство.

Я должен согласиться с тов. Бахрушиным, что было бы лучше, если бы вопросы, связанные с Россией, с русским народом, были полнее представлены. Это сюжет очень благодарный, и если в дальнейшем мы будем продолжать начатую работу, то необходимо будет его развернуть.

В книге недостаточно ярко выявлены политические и классовые течения, которые имелись в самом казахском народе в XIX веке.

Тов. И. А. Кудрявцев (член редколлегии «Исторического журнала») говорит, что «История Казахской ССР» представляет замечательное сочетание научной ценности и чрезвычайно большой политической актуальности. Книга эта развёртывает яркую картину превращения патриархально-феодалной страны, страны нищей и забытой, в страну богатую, социалистическую. Книга показывает на огромном историческом материале решающую роль русского народа в деле национального возрождения казахов, решающую роль русской культуры в расцвете культуры национальной, показывает ведущую роль русского народа, боевые традиции казахского народа, традиции борьбы за независимость.

— Мы можем с полным правом сказать,— говорит тов. Кудрявцев,— что эта книга действительно воспитывает патриотизм, волю к борьбе, веру в победу, вдохновляет на подвиг во имя родины. Поэтому трудно переоценить политическое значение книги.

Не менее велико и её научное значение. Это первая история казахского народа. Перед коллективом авторов и редакторов её стоял целый ряд трудностей: авторы должны были собрать и исследовать новый материал, надо было решить множество научных исторических проблем и, наконец, надо было их популярно изложить. И со всем этим авторы справились, совершив настоящий научный подвиг, преодолев все трудности.

В книге есть ряд нерешённых проблем. К ним я отношу вопрос о происхождении казахов, о корнях казахской народности. Мне думается, что простое перечисление того, какие народы и племена побывали на территории Казахстана, не даёт ещё решения этого вопроса. Не решён в этой книге и вопрос о происхождении слова «казах».

Второй вопрос — о характере и причинах распада казахского ханства в конце XVI и начале XVII века. Мне думается, что здесь авторы не свели концов с концами. О характере ханства авторы пишут следующее: «Основное отличие относительно-централизованных феодальных государств, каким было Казахское ханство при Касыме, Хакк-Назаре и Тевекжеле, от более ранних государственных объединений, таких, как империя Чингиз-хана, Киевское государство, империя Карла Великого, заключается в том, что в первом случае в основе единства лежит развитая система вассальных отношений, а не завоевание, как в дофеодальных государствах» (стр. 107).

Но когда авторы характеризуют причины того, почему это «феодальное» государство начало распадаться на жузы, они указывают опять-таки на рост феодальных отношений.

Третий вопрос, поставленный тов. Кудрявцевым, — это вопрос о присоединении Казахстана к России. Тов. Кудрявцев считает, что авторы правильно сделали, отказавшись от теории «наименьшего зла». Присоединение Казахстана к России совершалось в колониальной форме, и эта колониальная зависимость породила свои противоречия, в частности национально-освободительную борьбу казахского народа; тем не менее надо категорически отказаться от того, чтобы трактовать присоединение Казахстана к России как явление реакционное.

Тов. Кудрявцев присоединяется к замечанию тов. Бахрушина о роли русских колонистов в Казахстане. Совершенно бесспорна роль русских поселенцев в Казахстане в советский период. То же следует сказать и о роли украинцев-переселенцев в деле культурно-экономического подъёма казахского населения.

Дальше тов. Кудрявцев высказывает сомнения в связи с периодизацией советского периода в «Истории Казахской ССР». Он напоминает, что Казахстан принадлежит к таким районам Советского Союза, в которых решался вопрос о некапиталистическом пути развития. Это основное своеобразие истории Казахстана в советское время не учтено авторами, когда они устанавливали периодизацию.

— Мне думается, — говорит тов. Кудрявцев, — что периодизация общая, применённая

к Казахстану, мешает понять своеобразие его исторического процесса и по существу и в темпах и затрудняет изучение советского периода. Вот почему было бы правильной дать для истории такого народа особую периодизацию в связи с особыми путями, которыми он шёл.

А. Н. Бернштам, д-р исторических наук (один из авторов книги), указал на ряд спорных толкований некоторых вопросов из истории древнейшего периода. Например в книге написано: «Многие учёные указывают, что усунь и канглы принимали участие в установлении циклического летосчисления и в создании так называемого архонского письма». Нет оснований говорить, что эту точку зрения разделяли «многие учёные».

Но существо вопроса, конечно, не в этих мелких дефектах. Суть заключается в том, что в первой части этой книги нам не удалось показать процесс формирования казахского народа, не удалось достаточно ярко показать взаимодействие между Казахстаном и другими районами, другими территориями. Это вопрос весьма острый.

Тов. Бернштам высказывает мнение, что для восстановления истории Казахстана необходимо выделить и показать те места и территории, которые занимал Казахстан. С этой точки зрения надо было несколько выпуклее дать историю Казахстана как территории, для которой характерна отделимость северной части от южной.

Следующее замечание тов. Бернштама относится к тому, что в «Истории Казахской ССР» не всегда должным образом учтены интересы соседних с казахами народов. Например надо учесть различное, иногда противоположное понимание казахами и киргизами роли Арман-хана, Кенессары Касымова и др.

В заключение тов. Бернштам выражает недовольство внешним оформлением книги. Большая часть книги не имеет иллюстративного материала.

Следующим по порядку выступил проф. С. А. Покровский. Ввиду ограниченности времени тов. Покровский не предполагает подробно останавливаться на положительных сторонах учебника и прямо переходит к изложению своих замечаний.

— В предисловии, — говорит тов. Покровский, — авторы пишут о том, что ключом к истории Казахстана является указание Энгельса на отсутствие частной собственности на землю; это замечание, действительно, является ключом к пониманию истории всего Востока. Но недостаточно конкретно показано, как отсутствие частной собственности на землю влияло на развитие событий в Казахстане.

Продолжая свои критические замечания, тов. Покровский говорит, что даже в период советский, после Октябрьской революции, в Казахстане сохранились остатки патриархально-феодальных отношений; авторы книги их недостаточно полно раскрыли.

Третье замечание относится к вопросу о характере Казахского ханства. Тов. Покровский присоединяется к выступлению тов.

Кудрявцева. Тов. Покровский считает, что упрек, сделанный авторам по этому вопросу тов. Бахрушиным, также обоснован.

Проф. Вяткин (один из авторов книги) соглашается с тем, что вопрос об этногенезе казахского народа освещён недостаточно, но считает, что при наличии существующих материалов вопрос об этногенезе можно ставить лишь в весьма ограниченной степени. Дальнейшая работа, возможно, даст материал, который позволит поставить вопрос глубже.

Относительно пожелания тов. Бахрушина включить в дальнейшем в книгу вопрос об ойротах и об истории русского народа в Казахстане тов. Вяткин высказывает следующее соображение:

— Мы считали, что в основу построения этой книги нужно положить историю автохтонных народов. Ойроты не были в Казахстане автохтонным народом—это пришельцы.

Тов. Вяткин полагает далее, что в книге правильно поставлен вопрос о феодальных и дофеодальных государствах.

— Мне думается,— говорит он,— что в книге правильно поставлен вопрос о том, что феодальное государство было временем господства тюрков и карлуков. Феодальный уклад тогда уже вполне определился. Начиная с этого времени мы можем говорить о феодальном государстве, хотя, может быть, и не в таком развитом виде, как на Западе. Путаницы в вопросе о феодальном и дофеодальном государствах здесь нет.

Касаясь выступления тов. Пичеты об историографии, тов. Вяткин соглашается с тем, что историографию надо писать именно так, как говорил тов. Пичета, но только в том случае, когда историографический очерк является самоцелью. Что же касается историографического очерка в «Истории Казахской ССР», то его целью было лишь показать, какими материалами воспользовались авторы. Отвечая на замечание тов. Покровского по вопросу о частной собственности на землю, тов. Вяткин упрекает его в том, что он невнимательно читал кни-

гу, ибо в ней говорится о частной собственности на скот, а не на землю. Поэтому здесь противоречий нет.

Несправедливым считает тов. Вяткин и другой упрек тов. Покровского—по поводу того, что в книге остаётся нераскрытым термин феодально-патриархальных отношений. Дать их общее определение на всём протяжении истории Казахстана абсолютно невозможно. Феодально-патриархальные отношения модифицировались, и при этом довольно значительно. В книге дана их характеристика на различных этапах.

Выступившая затем Б. Л. Лихтер (канд. исторических наук) говорит о том, что появление «Истории Казахской ССР», несомненно, даст толчок к дальнейшему написанию истории национальных республик. Но последняя глава не соответствует стилю книги. В этой главе не чувствуется той большой исследовательской работы, которой пронизана вся книга.

В своём заключительном слове А. М. Панкратова, поблагодарив редакцию «Исторического журнала» за организацию совещания, сказала, что весь коллектив авторов «Истории Казахской ССР» учтёт сделанные замечания при втором издании книги. Тов. Панкратова согласна с тов. Лихтер, что последняя глава книги не носит характера исследовательской работы. Но это и не входило в задачу автора, который стремился лишь показать на отдельных примерах, как казахский народ, воспитанный на героических традициях, с успехом их реализует в новой обстановке.

Тов. Панкратова указала, что «История Казахской ССР» будет иметь некоторое значение для работы по созданию истории других республик. На основании «Истории Казахской ССР» в Казахстане сейчас готовится учебник для средней школы.

Подводя итоги совещания, Б. М. Волин констатировал, что оно дало очень много интересного материала для дальнейшего улучшения обсуждённой книги и что весь ход прений заслуживает того, чтобы быть опубликованным в журнале.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИТОГИ ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ КРАСНОЙ АРМИИ

(с 5 июля по 5 ноября 1943 года)

Красная Армия, в результате напряжённых четырёхмесячных боёв, успешно выполнила оперативно-стратегический план Верховного Главнокомандования. Задача, поставленная перед вооружёнными силами Советского Союза — изгнать в течение лета и осени вражеские войска за линию Смоленска, реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра, а также ликвидировать Кубанский плацдарм немцев — полностью осуществлена.

Летняя кампания 1943 года, как известно, началась 5 июля решающим, по заявлению гитлеровского командования, наступлением немецко-фашистских войск на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях. Противник ставил перед собой задачу окружить и уничтожить советские войска, расположенные в Курском выступе, выйти в глубокие тылы Красной Армии и решить исход войны в свою пользу.

Итоги летних боёв показали, что этот новый стратегический план немцев, построенный без реального учёта соотношения сил, оказался от начала до конца авантюристическим и позорно провалился. Красная Армия в упорных оборонительных боях измотала и обескровила главные силы немецко-фашистской армии, начавшие 5 июля наступление. Немцы понесли огромные потери, но не добились успеха.

Разгромив наступавшие на Курск немецко-фашистские войска, Красная Армия, по приказу Ставки Верховного Главнокомандования, 12 июля сама перешла в решительное наступление, прорвала сильно укреплённую оборону немцев и после многодневных ожесточённых боёв 5 августа, — ровно через месяц после начала наступления немецких войск, — овладела городами Орёл и Белгород.

Таким образом, самый мощный и опасный для нашей страны Орловский укрепленный стратегический плацдарм врага, который гитлеровское командование рассчитывало использовать как трамплин для наступления на Москву, был ликвидирован.

Вторым важнейшим укрепленным плацдармом немецкой армии являлся район Белгорода и Харькова.

Немцы сосредоточили в этом районе свою основную танковую группировку, в том числе отборные танковые дивизии «СС», создали крупные склады вооружения и боеприпасов и соорудили мощные укрепленные линии обороны.

Начав наступление на Харьковском направлении, наши войска прорвали оборону противника и, сломив его упорное сопротивление, 23 августа штурмом овладели городом Харьков.

Тем самым Белгородско-Харьковский плацдарм немцев был успешно ликвидирован.

Ликвидация Орловского и Белгородско-Харьковского плацдармов противника являлась крупнейшей операцией наших войск после разгрома немцев под Сталинградом. Победы Красной Армии в районе Орла и Харькова создали прочную основу для дальнейшего развития наступления наших войск и осуществления плана Верховного Главнокомандования по освобождению Донбасса и всей левобережной Украины.

Третьим важнейшим укрепленным плацдармом немцев являлась восточная часть Донбасса с основным рубежом обороны по линии реки Северный Донец и реки Миус.

По Приказу Верховного Главнокомандования наши Южные армии перешли в наступление, форсировали реки Миус и Северный Донец, прорвали оборону немцев и одержали крупную победу над немецкими захватчиками в Донецком бассейне. В течение шести дней стремительного наступления наших войск был освобождён весь Донбасс — важнейший угольный и промышленный район страны.

Развивая успешное наступление, наши войска быстро погнали немцев на запад; освободили почти всё побережье Азовского моря и вышли к Мелитополю и Запорожью — сильным укрепленным районам на подступах к Крыму и низовьям Днепра.

Потерпев тяжёлые поражения под Орлом, Белгородом, Харьковом и в Донбассе, немецкое командование предприняло отчаянную попытку остановить наступление советских войск на рубеже реки Десны, превращённом на всём её протяжении в мощную линию современной обороны, укреплявшуюся в течение двух лет и считавшуюся немцами непреодолимой. Наша войска решительными действиями в трудных условиях форсировали Десну и взломали эту линию немецкой обороны.

В то время как наши войска южнее Брянска гнали немцев на запад, был также нанесён удар по вражеским войскам на Смоленском и Рославльском направлениях. Взломав сильно укрепленную долговременную оборонительную полосу врага, наши войска

форсировали Днепр в его верхнем течении, овладели междуречьем Западной Двины и Днепра — так называемыми Смоленскими воротами, и освободили город Смоленск — важнейший стратегический узел обороны немцев на Западном направлении.

Решительными действиями наших войск на Кубани было сломлено также сопротивление противника в районе Новороссийска, в низовьях реки Кубани и на Таманском полуострове. Тем самым был ликвидирован оперативно-важный плацдарм немцев на Кубани, который обеспечивал им оборону Крыма и возможность наступательных действий в сторону Кавказа.

Потерпев тяжёлые поражения в предыдущих боях, немцы пытались во что бы то ни стало остановить наступающие советские войска на Днепре. Немецкое командование стянуло основные силы своей армии на защиту мощной полосы обороны по Днепру и реке Молочная, рассчитывая прочно обосноваться на этом выгодном для обороны рубеже. Но и эти расчёты немцев провалились. Красная Армия форсировала крупнейшую водную преграду — Днепр, взломала мощные долговременные оборонительные сооружения противника и создала на правом берегу Днепра ряд стратегически важных плацдармов. Развивая наступление, Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжёлое поражение в излучине Днепра и освободила Днепропетровск и Днепродзержинск — важнейшие промышленные центры юга нашей страны и железнодорожный узел Пятихатку. Вместе с тем, наши войска прорвали мощную оборонительную полосу немцев на рубеже реки Молочная, которая по своему инженерному оборудованию противотанковыми препятствиями, по плотности насыщения пехотой, артиллерией и танками была ещё более сильной, чем оборона немцев на реке Миус. Таким образом, наши войска взломали всю оборону противника от Запорожья до Азовского моря и вышли к нижнему течению Днепра, отрезав с суши войска противника в Крыму.

В результате этих умело осуществлённых по плану Верховного Главнокомандования операций Красная Армия освободила от противника огромную территорию, лишила немцев стратегически важных районов и коммуникаций. Враг на протяжении 1.200 километров — от устья реки Сож до Черного моря был отброшен за Днепр. Вся левобережная Украина была в короткий срок освобождена от немецких захватчиков.

В ходе наступательных боёв наши войска форсировали четыре серьёзных водных преграды — Северный Донец, Десну, Сож и Днепр, проявив при этом высокую маневренность и военное мастерство.

Таким образом, менее чем за четыре месяца наступления на советско-германском фронте Красная Армия возвратила Родине огромную территорию в 350.000 кв. километров, имеющую важнейшее экономическое и военно-стратегическое значение. Полностью очищены от немецко-фашистских захватчиков Краснодарский край, Ростовская, Ворошиловградская, Сталинская, Харьковская, Полтавская, Сумская, Черниговская, Курская, Орловская и Смоленская области. Освобождена значительная часть Запорожской, Днепропетровской и Киевской областей. Началось изгнание немцев из Белоруссии. Ведя наступление на фронте в 2.000 километров, Красная Армия продвинулась на запад от 300 до 450 километров и освободила более 38.000 населённых пунктов, из них 162 города. Вызволены из фашистской неволи миллионы советских людей.

Освобождение Донбасса, Харькова, Орла, Таганрога, Брянска, Смоленска, Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья и других крупных промышленных центров значительно увеличивает экономические ресурсы Советского Союза и ещё более усиливает могущество Красной Армии. Очистив от немецко-фашистских захватчиков громадную территорию между Северным Донцом и Днепром, Красная Армия вернула Родине богатейшую житницу, один из плодороднейших сельскохозяйственных районов страны. С потерей этого обширного хлебобродного края гитлеровцы лишились крупной продовольственной базы, за которую они так неустойчиво цеплялись.

Красная Армия освободила от врага крупные железнодорожные узлы: Смоленск, Рославль, Невель, Брянск, Кричев, Унеча, Орёл, Хутор Михайловский, Ворожба, Конотоп, Бахмач, Нежин, Харьков, Полтава, Сумы, Ромодан, Гребенка, Дебальцево, Ясиноватая, Никитовка, Павлоград, Красноград, Лозовая, Красноармейское, Волноваха, Синельниково, Пятихатка, Днепропетровск, Запорожье и др. Тем самым в руках советских войск оказались важнейшие железнодорожные магистрали: Москва—Смоленск, Москва—Орёл—Курск—Белгород—Харьков—Ростов, Харьков—Сталино—Мариуполь, Москва—Брянск—Новобелица, Курск—Ворожба—Дарница, Орёл—Брянск—Рославль—Смоленск, Харьков—Красноград—Днепропетровск, Сухиничи—Брянск—Ворожба, Вязьма—Брянск—Конотоп, Кричев—Унеча—Ворожба—Сумы—Харьков, Бахмач—Ромодан—Полтава, Новобелица—Нежин—Гребенка—Золотоноша, Харьков—Полтава—Кременчуг, Харьков—Полтава—Ромодан—Дарница—Сталино—Волноваха—Пологи—Запорожье, Запорожье—Мелитополь—Генчиск, Днепропетровск—Пятихатка и другие.

Таким образом, Красная Армия отвоевала важнейшие железнодорожные магистрали, связывающие центр нашей страны с югом, и тем самым серьёзно улучшила условия манёвра войск, изменив оперативно-тактические возможности дальнейшей борьбы в свою пользу. В то же время с потерей этих важных стратегических коммуникаций немецкая армия в значительной степени лишилась благоприятных условий для манёвра войск и её оперативно-тактические возможности ухудшились.

За время наступления наши войска освободили от захватчиков морские порты — Аята, Тамань, Таганрог, Мариуполь, Осипенко (Бердянск) и важнейший порт и вторую военно-морскую базу Черноморского флота — Новороссийск.

С 5 июля по 5 ноября 1943 года Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжёлые потери в людях и технике. За этот период наши войска разбили 144 дивизии противника, из них танковых и моторизованных 28 дивизий. Все эти дивизии за время летней кампании неоднократно пополнялись живой силой и техникой. Противник потерял только убитыми до 900.000 солдат и офицеров. Бзято в плен 98.000 немецких солдат и офицеров, из коих более половины раненых. Всего же за время летних боёв противник потерял убитыми, ранеными и пленными более 2.700.000 солдат и офицеров.

За этот период нашими войсками уничтожено: самолётов противника — 9.900, уничтожено и подбито танков — 15.400, из них «тигров» и «пантер» — 800, бронемашин — 890, уничтожено орудий разного калибра — 13.000, из них самоходных орудий «фердинанд» — 1.350, миномётов около 13.000, пулемётов свыше 50.000, автомашин — 60.500, автостерн — 390, мотоциклов — 2.500, тракторов — 900, повозок с грузами — 13.000, железнодорожных вагонов более 4.000, паровозов более 300, разных складов более 2.000.

За это же время нашими войсками захвачены следующие трофеи: самолётов — 289, танков — 2.300, из них «тигров» и «пантер» — 204, бронемашин — 190, орудий разного калибра — 6.800, в том числе самоходных типа «фердинанд» — 139, миномётов — 6.180, пулемётов — 24.460, снарядов — 7.759.000, мин — 2.100.000, авиабомб — 300.000, противотанковых, противопехотных мин и фугасов — 1.500.000, винтовок и автоматов свыше 450.000, винтовочных патронов — 100.500.000, кабеля разного свыше 50.000 километров, автомашин — 15.482, паровозов — 414, вагонов — 13.210, повозок с грузами — 5.400, лошадей — 30.400, тракторов и тягачей — 873, складов с различным военным имуществом — 1.889, мотоциклов около 3.000, велосипедов — 16.685, радиостанций — 1.201.

Всего противник с 5 июля по 5 ноября 1943 года потерял: самолётов — 10.189, танков — 17.700, орудий — 19.800, пулемётов — 74.460, миномётов — 19.180, автомашин — 75.982.

Координацию действий войск фронтов и помощь в руководстве боевыми операциями наших войск по общевойсковой части осуществляли представители Верховного Главнокомандования маршал Василевский, маршал Воронов, маршал Жуков, маршал Тимошенко, а по авиационной части — маршалы авиации Голованов и Новиков и генерал-полковники авиации Ворожейкин, Фаладеев, Худяков.

СОВИНФОРМБЮРО.

«Правда» от 5/XI 1943 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ДЕКЛАРАЦИЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ О ПРИЗНАНИИ ИТАЛИИ СОВМЕСТНО ВОЮЮЩЕЙ СТОРОНОЙ

В связи с тем, что сегодня, 13 октября, Италия объявила войну Германии, Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Великобритании и Соединенных Штатов Америки решили опубликовать следующую Декларацию о признании Италии совместно воюющей стороной:

«Правительства Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов признают позицию Королевского Итальянского Правительства, как это было сформулировано Маршалом Бадольо, и принимают активное сотрудничество итальянской нации и вооруженных сил в качестве совместно воюющей стороны в войне против Германии. Военные события после 8 сентября и жестокое обращение немцев с итальянским населением, достигшие своей кульминационной точки в объявлении Италией войны Германии, фактически сделали Италию совместно воюющей стороной, и Советское, Британское и Американское Правительства будут продолжать сотрудничать с Итальянским Правительством на этой основе. Три Правительства признают обязательство Итальянского Правительства подчиниться воле итальянского народа после того, как немцы будут изгнаны из Италии, и подразумевается, что ничто не может ущемить абсолютного и неотъемлемого права народа Италии принять конституционными средствами решение о демократической форме правительства, которую он в конечном счете будет иметь.

Основанные на совместном ведении войны взаимоотношения между Правительством Италии и Правительствами Объединенных Наций не могут сами по себе повлиять на недавно подписанные условия, которые сохраняют свою полную силу и могут быть изменены лишь по соглашению между Союзными Правительствами в свете той помощи, которую Итальянское Правительство сможет оказывать делу Объединенных Наций».

«Правда» от 14 ноября 1943 г.

СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вчера в Москве открылось Совещание представителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Советский Союз представлен делегацией во главе с Народным Комиссаром Иностранных Дел т. В. М. Молотовым, Соединенные Штаты — делегацией во главе с Государственным Секретарем т. Корделлом Хэллом и Великобритания — делегацией во главе с Министром Иностраных Дел г. Антони Иденом.

Совещание незамедлительно после открытия приступило к практической работе.

(ТАСС).

ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ПОСТАВКАХ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

19 октября 1943 года в Лондоне подписано третье Соглашение о поставках снабжения в Союз Советских Социалистических Республик между Правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Канады и Союза Советских Социалистических Республик, согласно которому первые три Правительства принимают на себя обязательство поставить Советскому Союзу вооружение, оборудование, материалы и продовольствие. Два предыдущих Соглашения этого рода были подписаны: первое — в Москве в октябре 1941 года, и другое — в Вашингтоне в октябре 1942 года; данное Соглашение является продолжением существующих обязательств. Однако, в этот раз Канада впервые участвует в подписании Соглашения, хотя поставки из Канады до сих пор составляли часть обязательств Соединенного Королевства и в некоторых случаях часть обязательств Соединенных Штатов. Период, охватываемый вторым Соглашением, закончился 30 июня, но, хотя третье Соглашение было подписано только теперь, его положения проводились в жизнь в течение последних трех месяцев и поток снабжения всякого рода в Советский Союз не прерывался.

Настоящее Соглашение подписали:

От имени Соединенного Королевства — Постоянный Заместитель Министра Иностранных Дел А. КАДОГАН, Министр военного производства — О. ЛИТТЛТОН;

От имени Соединенных Штатов — Посол США в Великобритании Д. ВАЙНАНТ;

От имени Канады — Высокий Комиссар Канады В. МАССЕЙ;

От имени Советского Союза — Посол СССР в Великобритании Ф. Т. ГУСЕВ, торговый представитель СССР в Великобритании Д. Г. БОРИСЕНКО.

«Правда» от 20/X 1943 г.

АНГЛО-СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ КОММЮНИКЕ О КОНФЕРЕНЦИИ ТРЕХ МИНИСТРОВ В МОСКВЕ

С 19 по 30 октября 1943 года в Москве состоялась Конференция Министров Иностраных Дел — Соединенных Штатов Америки г-на К. Хэлла, Соединенного Королевства г-на А. Идена и Советского Союза В. М. Молотова, имевшая 12 заседаний.

Кроме Министров в Конференции принимали участие: со стороны Соединенных Штатов Америки — Посол Соединенных Штатов В. Аверелл Гарриман, генерал-майор Джон Р. Дин от Армии Соединенных Штатов, г-н Грин Х. Хэворт, г-н Джеймс Данн и эксперты,

со стороны Соединенного Королевства — Посол Его Величества сэръ Арчибалд Кларк Керр, г-н Вильям Стринг, генерал-лейтенант сэръ Хэслинг Исмей и эксперты

и со стороны Советского Союза — Маршал К. Е. Ворошилов, Заместители Народного Комиссара Иностраных Дел А. Я. Вышинский и М. М. Диплиннов, Заместитель Народного Комиссара Внешней Торговли В. А. Сергеев, от Генерального Штаба генерал-майор А. А. Грызлов, ответственный работник НКВД Г. Ф. Саксин и эксперты.

Повестка включала все вопросы, поставленные на обсуждение тремя Правительствами. Одни из этих вопросов требовали окончательных решений, которые и были приняты. По другим, после обсуждения, были приняты основные принципы с тем, чтобы детальная разработка их имела место в дипломатическом порядке или в специально созданных для этого Комиссиях. Третьи вопросы предполагали лишь обмен мнениями.

Правительства Советского Союза, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов тесно сотрудничали между собой во всех вопросах, касающихся осуществления общего военного усилия. Тем не менее, впервые Министрам Иностраных Дел Трех Правительств удалось провести совещание.

В первую очередь состоялись исчерпывающие и искренние дискуссии по поводу мероприятий, которые следует предпринять для сокращения сроков войны против Германии и ее сателлитов в Европе. Было использовано присутствие военных советников, представляющих соответствующих Начальников Генеральных Штабов для того, чтобы обсудить определенные военные операции, в отношении которых были приняты решения и которые уже готовятся, и для того, чтобы создать базу для теснейшего военного сотрудничества в будущем между тремя странами.

Признав первейшей целью ускорение конца войны, три Правительства также оказались единодушны в том, что в их собственных национальных интересах и в интересах всех миролюбивых наций важно продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, и на период, который последует за окончанием военных действий, и что только этим путем можно добиться поддержания мира и полного развития политического, экономического и социального блага их народов.

Это убеждение воплощено в Декларации, к которой уже во время Конференции присоединилось Китайское Правительство и которую подписали три Министра и Китайский Посол в Москве от имени своих Правительств. Эта публикуемая сегодня Декларация, предусматривая еще более тесное сотрудничество в ведении войны и во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению врагов, с которыми четыре государства находятся соответственно в войне, устанавливает принципы, на которых по соглашению четырех Правительств, должна быть основана широкая система международного сотрудничества и безопасности. Предусмотрено включение в эту систему всех других миролюбивых государств, больших и малых.

Конференция согласилась в необходимости создания механизма, обеспечивающего теснейшее сотрудничество между тремя Правительствами при изучении европейских вопросов, возникающих из развития войны. С этой целью Конференция решила создать Европейскую Консультативную Комиссию с местопребыванием в Лондоне для изучения этих вопросов и для выработки совместных рекомендаций трем Правительствам.

Предусмотрено также обеспечение продолжения по мере надобности консультаций представителей трех государств в соответственных столицах через существующие дипломатические каналы.

Министры далее решили создать Консультативный Совет по вопросам Италии, состоящий первоначально из представителей их трех Правительств и Французского Комитета Национального Освобождения. Предусмотрено включение в этот Совет представителей Греции и Югославии, имея в виду их особый интерес, вытекающий из агрессии фашистской Италии в отношении их территорий во время настоящей войны. Этот Совет будет заниматься повседневными вопросами, исключая военные операции, и будет формулировать рекомендации, рассчитанные на координацию политики союзников в отношении Италии.

Три Министра Иностранных Дел признали при этом целесообразным подтвердить публикуемой сегодня Декларацией позицию их Правительств в пользу восстановления демократии в Италии.

Министры также объявили, что целью их Правительств является восстановление независимости Австрии. Они вместе с тем напомнили Австрии, что при окончательном урегулировании будут приняты во внимание усилия, которые Австрия может сделать для своего собственного освобождения. Декларация об Австрии публикуется.

Министры опубликовали во время Конференции Декларацию Президента Рузвельта, Премьер-Министра Черчилля и Главы Советского Правительства Сталина, содержащую торжественное предостережение, согласно которому при предоставлении перемирия любому германскому правительству, те германские офицеры, солдаты и члены гитлеровской партии, которые имеют какое-либо отношение к зверствам, убийствам и казням в странах, захваченных германскими вооруженными силами, будут доставлены обратно в страны, где были совершены их ужасные преступления, для того, чтобы они подверглись обвинению и наказанию по законам этих стран.

В атмосфере взаимного доверия и понимания, характеризующей все работы Конференций, подверглись рассмотрению и другие важные вопросы как текущего характера, так и относящиеся к будущему обращению с гитлеровской Германией и ее сателлитами; к экономическому сотрудничеству и к обеспечению всеобщего мира.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая,

объединенные в своей решимости в соответствии с Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 года и с последующими декларациями, продолжать военные действия против тех держав ~~эти~~, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны, пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции;

сознавая свою ответственность в деле обеспечения освобождения самих себя и союзных с ними народов от угрозы агрессии;

признавая необходимость обеспечения быстрого и организованного перехода от

войны к миру и установления и поддержания международного мира и безопасности при наименьшем отвлечении мировых человеческих и экономических ресурсов для вооружений; совместно заявляют:

1. Что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности.
2. Что те из них, которые находятся в войне с общими врагами, будут действовать совместно во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению этих соответственных врагов.
3. Что они примут все те меры, которые они считают необходимыми, против любого нарушения условий, предъявленных к их противникам.
4. Что они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые.
5. Что они будут консультироваться друг с другом и, по мере того, как этого потребуют обстоятельства, с другими членами Объединенных Наций, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности.
6. Что по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации.
7. Что они будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций, в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения в отношении регулирования вооружений в послевоенный период.

**В. МОЛОТОВ
КОРДЭЛЛ ХЭЛЛ
АНТОНИ ИДЕН
ФУ БИН-ЧАН**

Москва, 30 октября 1943 года.
«Правда» от 2/XI 1943 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ИТАЛИИ

Министры Иностранных Дел Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Советского Союза установили, что три их Правительства полностью согласны с тем, что политика союзников по отношению к Италии должна базироваться на основном принципе: что фашизм и все его пагубные влияния и последствия должны быть полностью уничтожены, и что итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии. Министры Иностранных Дел Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства заявляют, что деятельность их Правительств с начала вторжения на итальянскую территорию была основана на этой политике, поскольку настоятельные военные требования это позволяли.

Министры Иностранных Дел трех Правительств согласились, что при осуществлении этой политики в будущем имеют важное значение и должны быть проведены в жизнь следующие меры:

1. Необходимо, чтобы Итальянское Правительство было сделано более демократичным, путем включения представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма.
2. Свобода слова, вероисповедания, политических убеждений, печати и собраний будет возвращена в полной мере итальянскому народу, который должен также иметь право образовывать антифашистские политические группы.
3. Все учреждения и организации, созданные фашистским режимом, должны быть упразднены.
4. Все фашистские и профашистские элементы должны быть устранены из управления или из учреждений и администраций публичного характера.
5. Все политические заключенные фашистского режима должны быть освобождены и им должна быть предоставлена полная амнистия.
6. Должны быть созданы демократические органы местного управления.
7. Фашистские главы и другие лица, известные или подозреваемые в совершении военных преступлений, должны быть арестованы и переданы в руки правосудия.

Выступая с этой декларацией, три Министра Иностранных Дел признают, что пока в Италии будут продолжаться активные военные операции, время, когда будет возможно полностью осуществить вышеуказанные принципы, должно определяться Союзным Главнокомандующим на основе указаний, которые будут получены через Объединенный Штаб. Три Правительства, подписавшие настоящую декларацию, будут, по просьбе любого из них, консультироваться друг с другом по этому вопросу.

Также имеется в виду, что ничто в этой декларации не ограничивает права итальянского народа впоследствии избрать свою собственную форму правления.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ АВСТРИИ

Правительства Соединенного Королевства, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки согласились, что Австрия, первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии, должна быть освобождена от германского господства.

Они рассматривают присоединение, навязанное Австрии Германией 15 марта 1938 года, как несуществующее и недействительное. Они не считают себя никоим образом связанными какими-либо переменами, произведенными в Австрии после этой даты. Они заявляют о том, что они желают видеть восстановленной свободную и независимую Австрию и тем самым дать возможность самому австрийскому народу, как и другим соседним государствам, перед которыми встанут подобные же проблемы, найти ту политическую и экономическую безопасность, которая является единственной основой прочного мира.

Однако, обращается внимание Австрии на то, что она несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии, и что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее собственный вклад в дело ее освобождения.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГИТЛЕРОВЦЕВ ЗА СОВЕРШАЕМЫЕ ЗВЕРСТВА

Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются. Жестокости гитлеровского господства не являются новым фактом, и все народы или территории, находящиеся в их власти, страдали от худшей формы управления при помощи террора. Новое заключается в том, что многие из этих территорий сейчас освобождаются продвигающимися вперед армиями держав-освободительниц, и что в своем отчаянии отступающие гитлеровцы гунны удваивают свои безжалостные жестокости. Об этом теперь с особой наглядностью свидетельствуют факты чудовищных преступлений на освобождаемой от гитлеровцев территории Советского Союза, а также на территории Франции и Италии.

В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают своей нижеследующей декларацией:

В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии.

Таким образом, немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, — должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами. Езд которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие.

Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников.

«Правда» от 2/XI 1943 г.

**РУЗВЕЛЬТ,
СТАЛИН,
ЧЕРЧИЛЛЬ.**

КОНФЕРЕНЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТРЁХ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ — СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТЕГЕРАНЕ

С 28 ноября по 1 декабря в Тегеране состоялась Конференция руководителей трёх союзных держав — Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР тов. И. В. Сталина, Президента Соединённых Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта, Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля.

В работах Конференции принимали участие:

от Советского Союза — Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов, Маршал К. Е. Ворошилов;

от Соединённых Штатов — Специальный Помощник Президента г-н Г. Гопкинс, Посол в СССР г-н А. Гарриман, Начальник Штаба Армии США генерал Д. Маршалл, Главнокомандующий Военно-Морскими Силами США адмирал Э. Кинг, Начальник Штаба Военно-Воздушных Сил США генерал Г. Арнольд, Начальник снабжения армии США генерал Б. Сомэртвелл, Начальник Штаба Президента адмирал У. Леги, Начальник Военной Миссии США в СССР генерал Р. Дин;

от Великобритании — Министр Иностранных Дел г-н А. Иден, Посол в СССР г-н А. Керр, Начальник Имперского Генерального Штаба генерал А. Брук, фельдмаршал Д. Дилл, Первый Морской Лорд адмирал флота Э. Кеннингхэм, Начальник Штаба Военно-Воздушных Сил Великобритании Главный Маршал Авиации Ч. Портал, Начальник Штаба Министра Обороны генерал Х. Исмей, Начальник Военной Миссии Великобритании в СССР генерал Г. Мартель.

Конференция приняла Декларацию о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трёх держав, а также Декларацию об Иране. Тексты деклараций публикуются.

(ТАСС).

ДЕКЛАРАЦИЯ ТРЁХ ДЕРЖАВ

Мы, Президент Соединённых Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооружённых сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаём высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединённых нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждём того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года.

Рузвельт
Сталин
Черчилль

ДЕКЛАРАЦИЯ ТРЁХ ДЕРЖАВ ОБ ИРАНЕ

Президент Соединённых Штатов, Премьер СССР и Премьер-Министр Соединённого Королевства, посоветовавшись друг с другом и с Премьер-Министром Ирана, желают заявить об общем согласии их трёх Правительств относительно их взаимоотношений с Ираном.

Правительства Соединённых Штатов, СССР и Соединённого Королевства признают помощь, которую оказал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз.

Эти три Правительства сознают, что война вызвала специфические экономические трудности для Ирана, и они согласились, что они будут попрежнему предоставлять Правительству Ирана такую экономическую помощь, какую возможно будет оказать, имея в виду те большие требования, которые налагают на них их военные операции по всему миру и существующий во всём мире недостаток транспортных средств, сырья и снабжения для гражданского потребления.

Имея в виду послевоенный период, Правительства Соединённых Штатов, СССР и Соединённого Королевства согласны с Правительством Ирана в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены наряду с экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединённых Наций, — конференциями или международными организациями, созванными или созданными для обсуждения международных экономических вопросов.

Правительства Соединённых Штатов, СССР и Соединённого Королевства едины с Правительством Ирана в своём желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны, в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре Правительства.

Черчилль
Сталин
Рузвельт

1 декабря 1943 года.

«Правда» от 7/XII 1943 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Салищев К. Основы картоведения. Историческая часть. Издательство геодезической и картографической литературы Главного управления геодезии и картографии при СНК СССР. М. 1943. 238 стр. 15 руб.

Рецензируемая книга проф. К. А. Салищева восполняет пробел в русской исторической и картографической литературе, посвящённой вопросам исследования поверхности земного шара и истории картографии.

Этим вопросам вообще мало уделялось внимания, особенно в последние годы. После трёхтомного исследования Н. К. Лебедева «Завоевание земли» (Госиздат. 1925), посвящённого популярной истории географических путешествий и открытий, на русском языке больше не появлялось сводных работ по истории географии, если не считать работ, касающихся отдельных вопросов, эпох и путешественников.

Что же касается истории картографии, то этому вопросу была посвящена только одна книга Н. М. Быковского — «Картография — исторический очерк» (Госиздат. М. П. 1923), давно ставшая библиографической редкостью, а кроме того имеющая ряд пробелов.

В иностранной литературе за последние годы появилось большое количество трудов, посвящённых общей истории картографии, в научном и популярном изложении (работы Аутвейта, Бекера, Ривса, Райса и др.), а также посвящённых отдельным странам или вопросам (например капитальная и многоотомная «Картография Африки» Юсуфа Кемалья). Но эти труды, во-первых, или вовсе недоступны или малодоступны советскому читателю, а во-вторых, не могут удовлетворить его, так как являются в лучшем случае добросовестным изложением исторических фактов, без достаточного их анализа, сопоставлений и выводов.

Поэтому рецензируемая книга проф. Салищева в высокой степени интересна не только для студентов специальных картографических и геодезических факультетов, для которых она, собственно, и предназначена¹, но послужит руководством и для студентов географических и исторических факультетов университетов и педагогических институтов, а также для всех специалистов, работающих в области истории, географии и картографии.

Автор излагает историю картографии начиная с карт первобытных народов, Вавилона и Египта, причём иллюстрирует этот раз-

дел несколькими интересными рисунками, в том числе (рис. 8) впервые появляющейся в русской литературе египетской картой золотых приисков «вади Аллаки», относимой к 1400 г. до нашей эры. Автор уделяет достаточное внимание античной греческой картографии и особый параграф отводит «периплам» — древнегреческим описаниям берегов, — прилагая интересный перевод части перипла Чёрного моря V в. нашей эры.

При изложении римско-эллинистической картографии автор, разумеется, останавливается на сочинениях Клавдия Птолемея, причём приводит перевод части V его книги «География» с описанием Колхиды (Грузия). Интересно воспроизведение Пейтингеровой таблицы — римской дорожной карты IV века.

Проф. Салищев отмечает «неправильность общепринятого взгляда, по которому римляне не внесли ничего нового в сокровищницу мировой картографии... Мы имеем в виду поворот картографии на службу практике, к удовлетворению потребностей военного и административного аппарата». С этим выводом автора нельзя не согласиться.

Вторая глава рецензируемой книги посвящена картографии эпохи феодализма. Из иллюстраций к этой главе интересны воспроизводимые автором впервые репродукции арабских карт Аравийского полуострова и Азербайджана, а также часть карты Фра-Мауро 1459 г. с изображением Чёрного моря. Значительное внимание уделено нидерландской картографии XVI в. (Ортелиус, Меркатор и другие картографы).

Глава третья — «Картография в капиталистическом обществе» — начинается со специального параграфа, посвящённого возникновению и развитию военной картографии (с XVIII столетия до первой мировой войны); далее рассматриваются гражданские картографические работы. Поскольку автор пытается кратко (на стр. 108—109) дать общую картину современной картографической изученности мира и ссылается на мою схему картографической изученности земли из первого тома Большого советского атласа мира, нельзя не пожалеть, что репродукция этой схемы отсутствует в его труде. Особые параграфы уделены краткому изложению вопросов современного специального картирования, Международной миллионной карте, морским картам и деятельности частных картографических учреждений.

¹ Книга утверждена Всесоюзным комитетом по делам Высшей школы в качестве учебника для институтов.

Нельзя не отметить, что в работе проф. Салищева глава 3-я, посвящённая вопросам истории картографии XVIII—XX вв., является гораздо более краткой и менее систематично изложенной, чем разделы, относящиеся к античной и феодальной картографии. Между тем уже из многочисленных попутных ссылок автора можно видеть, что у него имеются все данные, для того чтобы история картографии XVIII—XX вв. была изложена так же «хронологически», как это сделано им для предыдущих периодов.

Главы 1—3 автор отводит мировой картографии и картографии иностранных государств; главы 4—5, занимающие вторую половину книги, посвящены истории русской и советской картографии. При изложении этих вопросов проф. Салищев высказывает ряд оригинальных суждений и приходит к интересным выводам.

Так, в начале главы 4-й автор указывает, что следует пересмотреть тот взгляд, по которому историю картографии на территории СССР начинают обычно с XVI века. Автор справедливо указывает, что «мы имеем возможность и обязаны изучать картографию всех народов СССР» и тогда картография СССР оказывается имеющей значительно более давнюю историю, чем принято обычно думать. В § 20 автор указывает в числе примеров на картографический рисунок на Майкопской вазе (около 3 тыс. лет до н. э.), на «Армянскую географию» VII в. н. э., отмечает работы хорезмских географов VII—XIII вв. и самаркандских астрономов XV века. К сожалению, автором даны лишь краткие сведения об этих интересных фактах, которые вполне заслуживают обстоятельного исследования.

Изложив кратко историю старинных русских межеваний (писцовых работ XVI в.), проф. Салищев на ряде примеров доказывает, что различные карты России, издававшиеся за рубежом в XVI в., имели своими первоисточниками не сохранившиеся до нашего времени в подлинниках русские географические карты и чертежи, составленные задолго до так называемого Большого Чертежа, который привлек особое внимание русских историков и картографов как значительный памятник древней русской картографии, к сожалению, также до нас не дошедший. В связи с последним вопросом представляет большой интерес впервые публикуемая автором репродукция найденного в 20-х годах нашего века в государственном шведском архиве в Стокгольме «Чертежа украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма». Этот чертёж является копией «Чертежа дорог от Москвы до Перекопа», составленного в 1627 г. в дополнение к Большому Чертежу (рис. 36).

Автор отмечает самобытное развитие русской картографии до Петра Великого в силу незнакомства русских картографов (Ремезов, Годунов и др.) с западноевропейскими работами.

Как отмечает автор, «работы русских картографов, распространявшиеся на Восточную Европу и Северную Азию, смели с этих стран покров легенд и преданий и позво-

лили создать о них на Западе географические представления, основанные на опыте и реальном познании... Напротив того, воздействие западноевропейской науки на развитие русской картографии было невелико» (стр. 137).

После довольно подробного изложения истории картографии времён Петра Великого следует специальный параграф об «Атласе Всероссийской империи» Кириллова 1734 года. Затем идёт подробное описание работ по созданию «Атласа Российского» Академии наук и работ Ломоносова в Географическом департаменте. Подробное описание академического атласа 1745 г. (с репродукциями его карт) весьма полезно, если принять во внимание слова знаменитого Эйлера, писавшего в 1746 г. из Берлина, что этим трудом география российская была «приведена гораздо в исправнейшее состояние, нежели география немецкой земли».

Специальные разделы посвящены генеральному межеванию и истории военной картографии в царской России. Раздел о развитии военной русской картографии XIX в. проработан весьма подробно и иллюстрирован рядом интересных репродукций различных топографических карт. К сожалению, из-за серой и плохого качества краски они в печати значительно проиграли по сравнению с первоисточниками. Например на стр. 181, чертёж 60 (часть планшета полувёрстной карты 1870 г.), изящная гравюра изоглиф совершенно не вышла в репродукции, и в книге этот чертёж воспринимается как исполненный в штрихах или отмывкой, а вовсе не изоглифами. Изложение истории русской военной картографии до 1917 г. завершается приложенными схемами съёмок и карт, выполненных на 1917 г. в Европейской части СССР, замещёванными из мало известных широкой публике отчётов Корпуса военных топографов.

> Деятельности Русского географического общества и частных картографических предприятий России (Ильина, Маржеса) посвящён специальный раздел.

В главе 5-й излагается история советской картографии. Особый раздел освещает вопрос о роли В. И. Ленина как основоположника советской картографии. Начиная с 1918 г. Ленин уделял большое внимание вопросам научного изучения территории страны. 15 марта 1919 г. он подписал известный декрет о создании Высшего геодезического управления, разрешив этим задачу, которую безуспешно ставило перед царским правительством Русское географическое общество. В книге проф. Салищева приведены полностью первые два раздела декрета и показано его значение для Советской страны. Интересные сведения о том, какое значение придавал Ленин вопросам картографии, приводит автор в выдержках из воспоминаний Л. А. Фотиевой, бывшего секретаря Совнаркома, в выдержках из писем Ленина об издании нового «Атласа России» и т. д.

История советской картографии по периодам изложена автором, по понятным причинам, весьма кратко. Ряд монументальных

работ советской картографии в настоящее время нельзя достаточно характеризовать. Тем не менее составленная автором история советской картографии является первой попыткой подытожить и систематически изложить её. Специальный раздел книги отведён итогам двадцатилетней деятельности картографо-геодезической службы в СССР и её задачам в третьей пятилетке; упоминается кратко и об особенностях развития советской картографии, обусловленных Великой отечественной войной с немецким фашизмом.

В конце книги приложены хронологическая таблица основных этапов истории картографии с III тысячелетия до нашей эры по 1938 г., указатель использованной или упоминаемой литературы и имён.

Издание работы проф. Салищева весьма своевременно. Обширные задачи, возлагаемые на картографов нашей страны в условиях военного и послевоенного периодов, требуют критического освоения всего картографического «наследства» и в первую очередь отчётливого знания истории картографии. Но и для широких кругов читателей, интересующихся историей всемирной и русской культуры, труд К. А. Салищева является весьма интересным и ценным.

Можно пожелать только, чтобы в следующем его издании качество печати умело подобранных репродукций было более высоким и были расширены некоторые разделы.

Н. Виноградов

Ланн Евгений. Старая Англия. Огиз. 1943. 461 стр. 10 руб.

Наша, очень скудная количественно и невысокого качества художественная историческая литература, касающаяся Запада, пополнилась новым, на этот раз содержательным и удавшимся Е. Л. Ланну беллетристическим произведением — романом, посвящённым эпохе войны за испанское наследство.

Великое, всеевропейское побоище начала XVIII столетия охватило, как известно, юг, запад, север, восток Европы. Две грандиозные войны в ту эпоху были исторически связаны: война, которую вёл Людовик XIV против враждебной ему коалиции Англии, Габсбургской державы, Голландии и нескольких более мелких государств, не только хронологически совпала, но и дипломатически была обусловлена событиями на севере и переплелась с великой Северной войной, которую Пётр I двадцать лет подряд вёл против Швеции. Понять во всей полноте общие политические условия, окружавшие Петра в его опаснейшей, упорной борьбе против Карла XII, невозможно, если не знать того, что в эти, критические для России годы творилось на Западе.

Роман Ланна даёт в живых, художественных красках, с основательным знанием обширнейшего фактического материала широкую картину военно-дипломатической борьбы, кипевшей в Европе около четырнадцати лет вокруг вопроса о разделе испанских владений; это сочетается с углублённым анализом и отчётливым, а временами и очень ярким изображением материального быта и некоторых умственных течений, характерных для Англии первых полутора десятка лет XVIII века. Англия была душой коалиционной войны против Людовика XIV; и немудрено, что вся структура романа опирается именно на фундамент фактов, относящихся непосредственно ко двору королевы Анны и к обществу, лидерами и представителями которого были чета герцога и герцогини Мальборо, Болингброк, писатель Свифт и другие.

Роман насыщен историческим содержанием. Автор ведёт нас не только на поля

битв, но и в укромные кабинеты тайных дипломатических совещаний, ставших «явными» лишь для потомства. Очень драматично передан знаменитый эпизод ловкого дипломатического вольтфаса британского правительства в 1712 г., когда оно, ни единым звуком не предупредив своих союзников — Голландию и Австрию, — вдруг вступило в мирные переговоры с Людовиком XIV на том простейшем основании, что Англия в этот момент такой поступок был выгоден. Возбешенные голландцы ещё некоторое время надеялись повернуть дело, убедить англичан. Что касается Габсбургской державы, то в Вене сразу поняли всю бесповоротность английского решения. Этот эпизод превосходно разработан Ланном и вместе с описанием военных действий лорда Мальборо стоит в центре серии исторических картин, проходящих перед читателем этого романа.

Интереснейшая и сложнейшая фигура лучшего (во всей истории Англии) из английских полководцев — Джона Черчилля, получившего лордство и графскую корону ещё в 1689 г., а герцогский титул в самом начале царствования Анны (в 1702 г.), — привлекает внимание читателя. Кстати, не так давно вышли в свет под редакцией и с предисловием потомка знаменитого полководца, нынешнего премьера Великобритании Уинстона Черчилля, несколько томов документов и корреспонденции герцога Мальборо (в значительной части почерпнутые из богатых семейных архивов).

Автор разбираемого романа не мог, конечно, показать со всей требуемой детализацией личность Мальборо — высокоталантливого военного вождя, политического интригана, честолюбца и умного царедворца, в котором так причудливо и неразрывно переплетались черты настоящего государственного деятеля и отважного искателя приключений. Но и то, что Ланн даёт здесь, очень характерно и проливает свет на этого загадочного в историческом отношении человека.

Роман начинается с описания предсмертных дней испанского короля Карла II — кончина которого и послужила прямым поводом к началу долгого побойща, — а кончается выходом Англии из войны и утрехтскими мирными переговорами. Но, кроме лиц и событий, непосредственно относящихся к войне, читатель находит в книге ряд умело выполненных и обдуманно расположенных очерков и картин из лондонской уличной жизни, дающих понятие о политических спорах в кофейнях, о столкновениях и драках, столь характерных для лондонских площадей и рынков в XVIII в., о шумных праздниках и процессиях (вроде знаменитого ежегодного сжигания чучела, изображающего Гая Фокса, в память раскрытия в 1605 г. знаменитого «порохового заговора», имевшего целью взорвать парламент).

В общем получается цельное представление о быте и нравах единственной тогда великой державы Европы, жившей довольно свободной политической жизнью. Масовые сцены очень удались автору.

Особняком стоят фигуры Свифта, Попа, Аддисона и других представителей тогдашнего английского литературного мира. Можно согласиться или не вполне согласиться с автором касательно характеристики замечательного английского сатирика и считать, что Свифт был более мелочным и злобно неугомонным честолюбцем и интриганом, чем он кажется несколько идеализирующему его автору, но общее впечатление от картины отношений между литераторами и сильными мира сего, показанной в романе, остаётся очень отчётливым. Униженное искательство, льстивость, подсиживание друг друга, выпрашивание милостей у патрона, с одной стороны, и надменность, пренебрежительность — с другой. Вспоминаются «всемилоштивейшая олеушина» и битвь

палками Тредьяковского по приказу Волынского. Но другое время и другая страна. При английской Анне вельможи и министры иногда нуждались в писателях, при русской Анне им и в голову ещё не приходило, что «пшита» может понадобиться не только в роли шута и забавника, а ещё для серьёзной политической интриги.

В этом кратком отзыве я хочу не пускаясь в подробности, лишь обратить внимание читателя на интересную, содержательную, зрело продуманную и хорошо написанную книгу, говорящую о таком историческом периоде, о котором у нас подавляющее большинство читающей массы равно ничего не знает, но о котором образованный человек, сколько-нибудь интересующийся историей, должен иметь понятие.

Автор приобрёл очень обширную и основательную эрудицию в области английской истории, которой занимается с давних пор. Его перу принадлежат вышедший несколько лет тому назад и обративший на себя большое внимание роман из истории ирландского революционного движения — «Гвардия Мак-Кумгалла», — а также глава об Ирландии в первом томе издаваемого Академией наук коллективного труда по истории нового времени.

Последняя книга Е. Ланна — «Старая Англия» — вполне удовлетворит запросы той, всё растущей у нас в последние годы категории читателей, которая интересуется специально историей дипломатии и международными отношениями. Замечу, кстати, что автор, не покидая беллетристической формы, старается держаться как можно ближе к факту и документу. Это очень повышает ценность разбираемого художественного произведения как научной популяризации.

Акад. Е. Тарле

Ронге М. Разведка и контрразведка. Перевод с немецкого. 3-е изд.
М. Воениздат. 1943. 234 стр. 3 р. 25 к.

Воениздат переиздал большим тиражом для массового военного читателя книгу бывшего начальника агентурного отделения разведывательного бюро австрийского генерального штаба М. Ронге — «Военный и промышленный шпионаж» (в русском переводе — «Разведка и контрразведка»).

Ронге был руководителем австро-венгерских шпионов с 1907 по 1918 год. В своей книге он всячески старается возвысить императорско-королевскую службу шпионажа, тщательно скрывая в то же время всё, что могло бы скомпрометировать его «верных сотрудников». Как правильно отметало издательство в своём кратком предисловии, книга Ронге не даёт полного представления об организации и методах работы австрийской разведывательной службы. Ронге сам предупреждает читателя о том, что «присяга не позволяет ему быть откровенным». В то же время нельзя не согласиться с издательством, что «несмотря на ряд недостатков, неточностей и недоговорённостей в книге имеется много интересных сведений, знакомящих читателей с

целями и задачами разведки, с практикой и техникой работы разведывательных органов».

Выпуская подобную книгу для массового читателя, Воениздат должен был бы предпослать книге обстоятельное предисловие, снабдить её примечаниями, которые помогли бы читателю увидеть, где правда, где ложь. К сожалению, Воениздат почему-то не сделал этого и ограничился несколькими примечаниями, которые теряются среди 14 печатных листов авторского текста.

Воениздат и редактор книги Л. Соловейчик никак не отметили, насколько лживо описание брусилковского прорыва у Ронге. Описание это перекликается с сегодняшним днём германской прессы и весьма похоже на очередную сводку Геббельса.

На стр. 142 Ронге утверждает, что в период подготовки русского наступления австрийская разведывательная служба «целиком выполнила свой долг» и что благодаря собранному ею данным «начало атаки ожидалось с часа на час», т. е., во всяком случае, не было неожиданным. Почему же

всё-таки русским удалось нанести австро-венгерцам такой удар, что Ронге называет лето 1916 г. «катастрофическим» (стр. 142)? Почему «начатое 4 июня брусилловское наступление увенчалось совершенно неожиданно» (разр. моя.— В. Г.) крупным успехом южнее Днестра» (стр. 143)? Напрасно искать в книге Ронге ответа на эти вопросы: их не дают ни автор, ни издательство.

Никак не реагировало издательство и на брань, которой осыпает Ронге национально-освободительное движение славянских народов Австро-Венгрии, не желавших сражаться против русских братьев. «Руссофильские» настроения украинского населения Галиции автор квалифицирует как «заразу» (стр. 72), призыв не применять оружие против русских называет «предательской агитацией» (стр. 105) и т. д.

На стр. 72 этот достойный представитель австро-венгерской грабьармии, опустошившей совместно с немцами Украину, нагло утверждает, будто после вступления русских в Галицию «руссофилы, вплоть до бургомистров городов, скомпрометировали себя изменой и грабежом».

Комическое впечатление производят попытки Ронге доказать, что борьба угнетённых народов Австро-Венгрии против немецко-габсбургской своры была якобы делом рук отдельных смутьянов и агентов держав Антанты, в то время как широкие массы населения сохраняли, мол, верность «своему» императору (см. стр. 133).

На стр. 133 Ронге утверждает, что в конце 1915 г. «масса чехов поддерживала ещё Австрию». А немного ниже, на той же странице, он с горестью признаёт, что «случай перехода целых частей на сторону противника бывали. Во время карпатских боёв произошёл особенно яркий пример, приведший в июне 1915 г. к расформированию 28-го пражского полка» (разрядка моя.— В. Г.). Лучшего примера «поддержки», которую оказывали Австрии чехи, не сумел бы найти и сам Швейк.

Издательство и редактор книги никак не комментируют эти нелепости и противоречия, встречающиеся у Ронге.

Наибольший интерес в книге Ронге представляют данные об организации службы радиоперехвата и подслушивания телефонных переговоров и об австрийских достижениях в дешифровании переписки противника. Нужно, однако, отметить, что Ронге явно преувеличивает значение этой отрасли разведывательной работы, приписывая ей чуть ли не все успехи австрийской разведки и умаляя тем самым значение агентурных данных.

Наряду с сознательными искажениями исторических фактов в книге Ронге имеются и ошибки, вызванные его неосведомлённостью. Так, на стр. 132 он говорит о том, что состоявшаяся в сентябре 1915 г. в Берне международная социалистическая конференция «поставила целью восстание пролетариата против войны». Как известно, международная конференция интернационалистов, состоявшаяся в сентябре 1915 г. в Циммервальде (а не в Берне), такого решения не выносила, ибо на этой конференции «до конца последовательную позицию против войны занимала лишь партия большевиков во главе с Лениным»¹.

Не дав себе труда отметить эту и другие ошибки Ронге, Воениздат и редактор книги не сочли также нужным дать объяснение встречающимся в книге специальным терминам вроде «транспонирующего числа» (стр. 152).

Совсем непросительными для третьего издания книги являются многочисленные стилистические погрешности, которыми она пестрит. Что, например, означает фраза: «Тотчас же было начато очень умелое воздействие на население в целях привлечения к решительному изменению» (разр. моя.— В. Г.) национального «вопроса» (стр. 220).

Офицеры и бойцы Красной Армии, для которых главным образом была переиздана книга Ронге, заслуживают более внимательного отношения со стороны издательства, призванного обслуживать военного читателя.

В. Голант

¹ История ВКП(б) «Краткий курс», стр. 160. М. 1938.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Работа филиалов Института Маркса—Энгельса—Ленина в дни Великой отечественной войны

Филиалы Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) в дни Отечественной войны ведут большую научно-исследовательскую и массовую популяризаторскую работу.

Ленинградский филиал ИМЭЛ в условиях длительной и тяжёлой блокады самоотверженно продолжал свою работу, не прекращая её ни на один день.

Когда началась война, в ряды Красной Армии, в дивизии народного ополчения, на боевые рубежи Ленинградского фронта ушло большинство ведущих научных работников филиала ИМЭЛ.

Сотрудники филиала ИМЭЛ с помощью горкома ВКП(б) преодолели все трудности и за два года войны подготовили и выпустили более двадцати книг и брошюр по истории партии, революционного движения и гражданской войны, опубликовали свыше пятидесяти газетных и журнальных статей.

Героические традиции ленинградцев — такова основная тема большинства книг и брошюр, изданных филиалом ИМЭЛ: Н. Корнатовского «Грудью на защиту Петрограда (1919 год)», М. Мительмана «Путиловский бронепоезд № 6», А. Беркевича, М. Лурье и М. Мительмана «Боевые традиции ленинградских рабочих» и др. Заслуженной популярностью пользуется подготовленный Ленинградским филиалом ИМЭЛ и изданный Госполитиздатом в 1941 г. сборник «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году».

Большое место среди изданий Ленинградского филиала ИМЭЛ занимают брошюры о разгроме германских интервентов в 1918 г.: «Борьба советского народа против германских интервентов в 1918 году» — К. Шарикова, «Крах германской оккупации на Псковщине» — Н. Корнатовского, сборник «Против германских интервентов. Февраль — март 1918 года в Петрограде» и другие.

Недавно вышел из печати подготовленный Ленинградским филиалом ИМЭЛ большой (20 печатных листов) сборник «Героический Ленинград». В этом сборнике напечатаны статьи: К. Шарикова «Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции», Е. Соколовой «Петроградские рабочие в годы гражданской войны», А. Пухова «Балтийцы на защите города Ленина», Н. Монакова и Л. Петерсон «Ленинград — крупнейший индустриальный центр нашей страны», А. Волковой «Ленинград — город передовой науки, культуры и искусства» и др.

В настоящее время коллектив Ленинградского филиала ИМЭЛ поставил перед собой как основную задачу собрать и обработать материалы по истории Отечественной войны и защиты Ленинграда.

Филиал начал собирать эти материалы ещё летом 1942 г., и фонд Отечественной войны насчитывает уже сейчас многие тысячи номеров различных документов и материалов. В этом интереснейшем фонде собраны печатные материалы (газеты, книги, брошюры, листовки, плакаты, лозунги, «Окна ТАСС»), стенгазеты и «боевые листки», фотографии, различные документы, стенограммы, официальные отчёты и т. д. и т. п. Филиал собирает материалы о трудовом героизме ленинградцев в дни войны, о партизанском движении в Ленинградской области, о положении в районах, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, о боевых действиях Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов и Краснознамённого Балтийского флота, о работе партийных, советских и общественных организаций Ленинграда в дни войны.

Особое внимание уделяет филиал записи бесед с активными участниками и организаторами обороны Ленинграда, сбору дневников ленинградцев, писем на фронт и с фронта и т. д. Часть этих материалов была в своё время опубликована в книге «Мы слышали Сталина», выпущенной Госполитиздатом в 1942 году.

Группа научных сотрудников филиала систематически ведёт работу по составлению «Хроники обороны Ленинграда». Готовится к печати ряд сборников статей и документов о героической борьбе ленинградцев против немецко-фашистских захватчиков.

Немало сделано за последние два года и другими филиалами Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Так, в Тбилисском филиале ИМЭЛ организована специальная секция по истории Отечественной войны. Секция собирает материалы и документы, характеризующие промышленность и сельское хозяйство Грузинской ССР в дни войны, работу партийных и советских организаций, а также боевую деятельность грузинских национальных частей и соединений, отдельных бойцов, командиров и политработников Красной Армии и Флота, отличившихся на фронтах Отечественной войны.

Особое внимание обращает сейчас филиал на всестороннее освещение таких тем, как «Битва за Кавказ», участие сынов грузинского народа в боях за Москву, Ленинград, за Сталинград, Одессу, Севастополь. Кроме того Тбилисский филиал ИМЭЛ издаёт ряд произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина на грузинском языке.

Из изданий, подготовленных и выпущенных Азербайджанским филиалом в дни войны, следует отметить сборник «Доблестные сыны Азербайджана», составленный из биографических очерков об отличившихся на фронтах Отечественной войны бойцах и командирах-азербайджанцах; брошюры Е. Токаржевского «Крылатый богатырь» (о героине-лётчике Гусейн-Бала Алиеве), М. Казиева «Из истории борьбы азербайджанского народа против иноземных захватчиков», З. Ибрагимова «Из истории героической борьбы русского народа против немецкой агрессии» (на азербайджанском языке), М. Казиева «Герои гражданской войны в Азербайджане», А. Саркисова «Письма с фронта» и др.

Сектор переводов филиала подготовил к изданию на азербайджанском языке «Избранные произведения» В. И. Ленина (в двух томах), книгу И. В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос»,

а также биографии Ленина и Сталина. Наряду с этим переведены и изданы выпущенные ранее центральными издательствами брошюры руководителей партии и правительства об Отечественной войне и о наших задачах.

Многое сделал и Казахстанский филиал ИМЭЛ. В дни войны переведены и изданы на казахском языке произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, составляет летопись «Казахстан в Великой Отечественной войне Советского Союза». Филиал принимал непосредственное участие в создании «Истории Казахской ССР с древнейших времён до наших дней», недавно вышедшей из печати и получившей высокую оценку научной общественности.

★

Планы, над реализацией которых работают сейчас филиалы ИМЭЛ, дают основания полагать, что наша историческая литература в ближайшее время обогатится новыми интересными трудами, освещающими славное прошлое нашей родины и героическую борьбу народов СССР на фронтах Великой отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

С. Сутоцкий

Научно-исследовательская работа историко-филологического факультета Воронежского государственного университета в 1942—1943 учебном году

Историко-филологический факультет Воронежского государственного университета в течение 1942—1943 учебного года несмотря на необычные условия (университет был эвакуирован в Елабугу, ТатАССР) сумел развернуть под руководством декана факультета доц. С. Н. Бенклиева в полном объёме как учебно-педагогическую, так и научно-исследовательскую работу, особенно на кафедрах, руководимых проф. С. И. Ковалёвым и проф. Л. Б. Модзалевским.

Уже осенью 1942 г. научные работники получили возможность приступить к разработке новых тем. Первые доклады были прочитаны на общеуниверситетской научной сессии, организованной факультетом и посвящённой 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции; заслуженный деятель науки, проф. А. В. Венедиктов, выступил с докладом «Диктатура пролетариата в борьбе за командные высоты в 1917—18 годах».

Заведующий кафедрой русской литературы, проф. Л. Б. Модзалевский посвятил свой доклад актуальной теме — «Патриотизм в русской литературе». Проф. С. И. Ковалёв прочёл доклад «Задачи советской исторической науки в дни Отечественной войны».

Во втором семестре на открытых заседаниях кафедр было заслушано несколько на-

учных докладов на исторические и филологические темы. Таковы доклады: проф. С. И. Ковалёва «Античность и западноевропейская культура», доцента И. П. Ивановой «Лексика русского языка военного времени» — об изменениях, происходящих в русском языке во время войны; доцента А. И. Болтуновой «Греческие надписи древнего Армавира (Армения)» — о результатах археологических раскопок в Армении.

Проф. А. В. Венедиктов прочёл доклад на тему «История военного регулирования капиталистической промышленности во время первой и второй мировых войн».

Результатом длительной работы явился доклад проф. М. И. Максимова на тему «Геммы из раскопок Мцхеты-Самтавро», дающий новые ценные материалы и выводы о торговых и культурных связях древней Иберии.

Студенты-историки старших курсов участвовали летом 1943 г. в археологических раскопках Аваньянского могильника под руководством проф. П. П. Ефименко и проф. В. И. Равдоникаса.

Историко-филологический факультет Воронежского государственного университета в течение 1942—1943 учебного года провёл значительную работу в области развития

научной деятельности как среди профессорско-преподавательского состава, так и студенчества. Недаром бы уже третий год

сохраняет за собой переходящее красное знамя университетских организаций.

Проф. Л. Модзалевский

О работе Государственного Исторического музея

Государственный Исторический музей (ГИМ) приступил к систематической научной работе и к регулярному проведению научных конференций. В августе состоялась научная сессия, посвящённая 60-летию музея. С августа и до середины ноября на научных конференциях музея были заслушаны доклады научных работников музея:

В. П. Закалинской и С. К. Просвиркиной — о партизанском движении в Белоруссии в 1941 г., С. К. Просвиркиной — «Русский резной календарь XVII века», Н. Р. Лезинцова — «Светцы», М. В. Щепкиной — «Изображение посуды в миниатюрах гоудоновской поры», Н. В. Пятышевой — «Античные собрания ГИМ», Л. А. Евтюховой — «Собрания ГИМ по археологии Сибири», проф. М. Н. Тихомирова и М. В. Щепкиной — «История создания рукописных фондов ГИМ и их зна-

чение для исторической науки», проф. Д. Н. Эдингга — «О так называемой готской культуре Причерноморья», П. Г. Рындзюнского — «М. И. Кутузов в Тарутинском лагере»; проф. А. П. Смирнова — «Славянский элемент в культуре Волжской Булгарии».

На Учёном совете ГИМ было сделано проф. Б. А. Рыбаковым сообщение об итогах раскопок ГИМ в Звенигороде осенью 1943 года.

В плане до конца года намечены следующие доклады: «К вопросу о функциях каменных орудий» — М. Е. Фосс; «Принципы датировки русских древностей X—XIII вв.» — проф. Б. А. Рыбакова; «Московская литература XIV века» — проф. М. Н. Тихомирова; «Биография сподвижника Шамиля — Ташева-Гаджи» — А. Б. Закс.

А. Карпова

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 1943 ГОД

И. В. Сталин. Приказ Верховного Главнокомандующего № 95, 23 февраля 1943 г. № 3—4, стр. 3—7.

И. В. Сталин. Приказ Верховного Главнокомандующего № 195, 1 мая 1943 г. № 5—6, стр. 3—6.

И. В. Сталин. XXVI годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1943 г. № 11—12, стр. 3—11.

И. В. Сталин. Приказ Верховного Главнокомандующего № 309, 7 ноября 1943 г.

И. В. Сталин. Приказы Верховного Главнокомандующего № 1, стр. 3, № 8—9, стр. 3—10, № 10, стр. 66—86.

СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Адамов Е., проф. Воспитание шовинизма в немецком народе для тотальной войны. № 10, стр. 34—42.

Адамов Е., проф. К истории германского «Дранг нах Норден» (1848—1866). № 7, стр. 43—50.

Античная Испания и её вступление в борьбу за независимость. № 10, стр. 63—65.

Архангельский С., проф. Внешняя политика Оливера Кромвеля. № 5—6, стр. 48—57.

Ашурков В. и Титкин Ф. Борьба партизан Тульской области против фашистских захватчиков. № 5—6, стр. 58—62.

Бабурян Д. М. Конференция историков-архивистов Союза ССР. № 8—9, стр. 75—81.

Бонч-Бруевич В. Из неопубликованной переписки Петра I с датским королём Фредериком IV. № 11—12, стр. 80—85.

Великая Октябрьская социалистическая революция — источник силы нашей родины. № 10, стр. 3—9.

Вилпер Р., акад. Немецкие бароны в роли теоретиков крепостничества в Лифляндии. № 11—12, стр. 41—48.

Водолагин М., секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). Героический Сталинград. № 3—4, стр. 20—29.

Волин Б., проф. В. И. Ленин в Самаре (экстернат и адвокатура). № 1, стр. 51—59.

Голант В. Части Н-ской стрелковой дивизии в боях за Тахван. № 2, стр. 28—39.

Горбункова В. Рабочие Царицына в обороне своего города в 1918 году. № 5—6, стр. 70—75.

Грацианский Н., проф. Славянское царство Само (к критике известий «Хроники фредегара»). № 5—6, стр. 41—47.

Греков Б., акад. Первый труд по истории России. № 11—12, стр. 57—67.

Гуральский А. Внутригерманская обстановка возникновение гитлеризма. № 2, стр. 51—61.

Двадцать пятая годовщина Рабоче-Крестьянской Красной Армии. № 2, стр. 3—11.

Дмитриев С. Генерал Драгомиров. № 5—6, стр. 26—32.

Дубина С. Растерзанный Киев. № 3—4, стр. 67—72.

Жюгжда Ю., канд. филол. наук. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII—XV вв. № 8—9, стр. 27—33.

Заходер Б., проф. Девданекан. № 3—4, стр. 74—77.

Звавич И., проф. Испания в дипломатических отношениях России в 1812 году. № 3—4, стр. 45—49.

Звягинцев Е. Историкограф великого города — И. Е. Забелин (1820—1908). № 3—4, стр. 61—67.

Каменецкий Б. Материалы о русско-американских отношениях XVIII—XIX вв. в русских изданиях. № 3—4, стр. 72—74.

Крастынь Я. Борьба латвийского народа против немецко-фашистских захватчиков. № 10, стр. 26—33.

Кровяков Н. Русский флотоводец Ф. Ф. Ушаков в Средиземном море. № 3—4, стр. 30—36.

Круус Х., проф. Народное восстание против немцев в Эстонии, в 1343—1345 гг. № 7, стр. 36—42.

Кушева Е. Северный Кавказ и международные отношения XVI—XVII вв. (обзор материалов русских архивов). № 1, стр. 68—68.

Лазарев Н. Первые сведения русских о Новом Свете. № 1, стр. 72—75.

Лихачёв Д. Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. № 7, стр. 28—35.

Лихачёв Д. Культура Руси на рубеже XIV—XV вв. № 1, стр. 40—45.

Лихтер Б. История создания МТС. № 8—9, стр. 58—63.

Лурье А. Чокан Валиханов. № 11—12, стр. 27—33.

Луцкий В. Германско-итальянский империализм в Северной Африке (1936—1941). № 5—6, стр. 75—80.

Мартынов М. Пугачёвский атаман Иван Белобородов на Урале. № 5—6, стр. 33—40.

Милиц И., чл.-корр. АН СССР. Разгром белогвардейской армии в 1939—1940 году. № 2, стр. 12—27.

Мишулин А., проф. О военном искусстве скифов. № 8—9, стр. 64—69.

Морозов А. Книга, ведущая к победе. № 7, стр. 10—19.

Мочалов В. Новые военные документы В. И. Ленина. № 1, стр. 4—25.

Обсуждение в редакции «Исторического журнала» книги «История Казахской ССР», № 11—12, стр. 85—90.

Окладников А. Древняя история народов Якутии. № 10, стр. 51—59.

Осипова П. Происхождение гитлеровской Германии в странах Латинской Америки. № 3—4, стр. 50—57.

Оснос Ю. Из истории советской науки (1917—1920 гг.). № 5—6, стр. 18—25.

Остроухова К. и Суровцев Н. Совет рабоче-крестьянской обороны 1918—1920 годов. № 10, стр. 10—16.

Пашуто В. Даниил Галицкий № 3—4, стр. 37—44.

Петровский Н., проф. Украинские националисты на службе у немецких захватчиков в 1918 году. № 7, стр. 20—27.

Пичета В., чл.-корр. АН СССР. Октябрьская социалистическая революция на Украине. № 10, стр. 17—25.

Подорожный Н.—М. В. Фрунзе — выдающийся деятель Красной Армии № 2, стр. 40—50.

Полянский В., проф. Исторические прецеденты привлечения к ответственности преступников войны. № 1, стр. 68—72.

Ротштейн Ф., акад. К вопросу о возникновении франко-прусской войны. № 11—12, стр. 49—56.

Рыбаков Б. Ранняя культура восточных славян. № 11—12, стр. 73—80.

Семичаевский Д. Два года советской гвардии. № 11—12, стр. 19—26.

Семёнов В., проф. Англо-русские отношения в царствование Петра I. № 10, стр. 43—50.

Сказкин С., проф. Коперник и Возрождение. № 10, стр. 60—63.

Смирнов П., проф. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века (автореферат). № 8—9, стр. 50—57.

Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения. № 2, стр. 62—71.

Софроненко К. Буковина под австро-венгерским и румынским игом. № 7, стр. 62—66.

Стрельский В. Сибирь в Отечественной войне против фашистской Германии. № 8—9, стр. 19—26.

Сүтоцкий С. Советская печать в борьбе против германских оккупантов в 1918 году. № 5—6, стр. 63—70.

Тер-Григорьян Т. Борьба закавказских народов против сасанидов в V веке. № 8—9, стр. 34—40.

Удальцов А., чл.-корр. АН СССР. Начальный период восточнославянского этногенеза. № 11—12, стр. 67—72.

Федосов П., батальонный комиссар. Рождение первой гвардейской мотострелковой дивизии. № 1, стр. 26—39.

Храпков С. Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 г. № 2, стр. 72—76.

Штейн Б., проф. Внешняя политика Муссолини. № 8—9, стр. 41—49.

Штейнберг Е., проф. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне мировой войны 1914—1918 гг. № 1, стр. 46—50.

Штейнберг Е., проф. С. Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX вв. № 11—12, стр. 34—40.

Шульгин В., проф. Отклики на смерть К. Маркса в легальной печати России 80-х годов. № 3—4, стр. 58—61.

Эггерт З. Отмена рабства в США и отклики в России. № 8—9, стр. 69—75.

Яковлев А., чл.-корр. АН СССР. Холостство и холопы в Московском государстве XVII в. (автореферат). № 7, стр. 51—61.

Яковлев Н. Бои под Ленинградом. № 8—9, стр. 11—18.

Ярославский Ем., акад. Прозвонщик нового мира (к 60-летию со дня смерти К. Маркса). № 3—4, стр. 8—19.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

№ 1, стр. 76—86; № 2, стр. 77—87;
№ 3—4, стр. 78—84; № 5—6, стр. 81—91;
№ 7, стр. 67—78; № 8—9, стр. 82—93;
№ 10, стр. 66—90, № 11—12, стр. 91—99.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Авдиев В., проф. Альбом древностей мордовского народа. Под редакцией Института истории АН СССР. Отв. редакторы — акад. Ю. В. Готье, чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев. Издание Мордовского научно-исследовательского института. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Под редакцией Института истории АН СССР. Отв. редакторы — акад. Б. Д. Греков и проф. В. И. Лебедев. Научные редакторы — чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев и Л. В. Черепнин. Издание Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при СНК МАССР. Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Составил Л. В. Черепнин. Под редакцией чл.-корр. АН СССР проф. А. И. Яковлева. Издание Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры при СНК МАССР. № 7, стр. 90—91.

Бахрушин С., чл.-корр. АН СССР. Халтаев П. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. № 8—9, стр. 99—100.

Берков Е. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. акад. Волгина В. П., акад. Тарле Е. В. и чл.-корр. АН СССР Панкратовой А. М., № 7, стр. 87—89.

Вейланд О. Литература к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. № 2, стр. 88—92.

Виноградов Н. Салищев К. Основы картоведения — историческая часть. № 11—12, стр. 100—102.

Воронин Н., проф. Тиханова М., Лихачёв Д. Оборона древнерусских городов. № 8—9, стр. 97.

Воронин Н., проф. Тихонов Н. Ленинградский год. Май 1942—1943 г. № 10, стр. 94—95.

Вишпер Р., акад. Костылёв В. Иван Грозный. № 7, стр. 85—86.

Галкин В. Германские оккупанты в Грузии в 1918 году. Сборник документов и материалов Тбилисского филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). № 1, стр. 90—91.

Голант В. «Красноармеец» №№ 17—24 за 1942 г. №№ 1—4 за 1943 г. Двухнедельный литературно-художественный журнал Главного политического управления Красной Армии. № 7, стр. 95.

Голант В. М. Ронге. Разведка и контрразведка. № 11—12, стр. 103—104.

Гуковский М., проф. С. Вавилов, акад. Исаак Ньютон. № 7, стр. 93—94.

Дружинин Н., проф. Панкратова А., чл.-корр. АН СССР—Тарле Е., акад. Крымская война. Ч. 1-я, № 7, стр. 79—84.

Зак Л. Листовки гражданской войны в СССР 1918—1922 гг. № 2, стр. 94—98.

Звавич И., проф. Арман де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. № 8—9, стр. 102—104.

Звавич И., проф. Дундулис Б. Наполеон и Литва в 1812 г. № 10, стр. 103.

Ивашина И. Пуликаревич К. А., проф. Чехи, № 2, стр. 98—99.

Кауфман И. Литература Отечественной войны (библиографические указатели). № 1, стр. 96—97.

Косминский Е., чл.-корр. АН СССР. Герман Л. и Потёмкин Ф. Учение Клаузевица о войне. № 8—9, стр. 100—102.

Красинский Г. Осипов К. Штурман Челюскин. № 7, стр. 91—93.

Лебедев В., проф. Кафенгауз Б. Внешняя политика России при Петре I. № 10, стр. 91—93.

Лебедев Н. Византийские источники (справка). № 1, стр. 91—95.

Лунин В. Толстов С. Древняя культура Узбекистана. № 10, стр. 93—94.

Манфред А. Эренбург И. Падение Парижа. № 3—4, стр. 95—99.

Мишулин А., проф. Дьяков В., проф. Таврица в эпоху римской оккупации. № 5—6, стр. 95—96.

Мордвинов Р. Тарле Е., акад. Нахимов. № 5—6, стр. 92—93.

Морозов М. Ивановцы в борьбе за Октябрь и социалистическую родину. № 2, стр. 92—94.

Мосвина З. Документы о героической обороне Царицына в 1918 г. № 1, стр. 87—90.

Никитин С. «Славяне». Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. № 1, стр. 94—95.

Няфонтот А. Рубинштейн Н. Полководческое искусство Суворова. № 5—6, стр. 94—96.

Покровский С. Снегирёв В. Иван Грозный и его время. Образование русского национального государства. Бахрушин С. Иван Грозный; Вишпер Р. Иван Грозный. № 3—4, стр. 90—95.

Покровский С. Сыромятников Б. Регулярное государство Петра I и его идеология. Ч. 1-я. № 8—9, стр. 94—97.

Семёнов В., проф., «Учёные записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. XLV. № 10, стр. 95—96.

Сидоров А., проф. «История гражданской войны в СССР». Т. II. Великая пролетарская революция. Октябрь—ноябрь 1917 года. № 3—4, стр. 85—90.

Сомин Н. Табуи Ж. Они называли меня Кассандрой. № 10, стр. 96—102.

Старцев А. Пэдовер С. Джефферсон. № 5—6, стр. 97—98.

Тарле Е., акад. Ланн Евгений. Старая Англия. № 11—12, стр. 102—103.

Фейгина С. Моруа А. Чудо Англии. № 2, стр. 99—102.

Юшков С., чл.-корр. АН СССР. Воблий К., Гуслистый К., Дятченко В., Лось Ф., Петровская М., Славин Л., Супруненко М., Шерстюк Ф. Нарис Історії України. № 7, стр. 89—90.

Яковлев А., чл.-корр. АН СССР. Котков К. и Вернер С. Очерки по истории мордовского народа XVIII в. № 8—9, стр. 98—99.

Яковлев А., чл.-корр. АН СССР. Купряшкин Т. Революция 1905—1907 годов на территории Мордовской АССР. № 8—9, стр. 97—98.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

№ 1, стр. 98—103; № 2, стр. 103—105; № 3—4, стр. 100—101; № 5—6, стр. 99—103; № 7, стр. 96—98; № 8—9, стр. 105—107.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

А. Б. История Киргизии в дни Отечественной войны. № 7, стр. 104—105.

А. Б. Работа историков Киргизии. № 8—9, стр. 108—109.

А. В.—ИИ. Историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. № 10, стр. 107—108.

Бенклиев С. Историко-филологический факультет Воронежского государственного университета в дни Великой отечественной войны. № 3—4, стр. 104—105.

Б. К. Героическая оборона Сталинграда (выставка). № 5—6, стр. 109—110.

Бочкарёва Е. Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР в дни Великой отечественной войны. № 7, стр. 101—102.

Вершинский А., проф. К вопросу об изучении биографий замечательных людей (на опыте работы кафедры истории СССР Калининского государственного педагогического института). № 10, стр. 105—106.

Галкина П. Трудящиеся Ивановской области в дни Великой отечественной войны (выставка). № 3—4, стр. 102—104.

Горловский М. Работа кафедры истории СССР Свердловского государственного университета им. А. М. Горького в дни Великой отечественной войны. № 3—4, стр. 106—107.

Горянов Б. Лауреат Сталинской премии акад. Б. Д. Греков. № 7, стр. 99—101.

Данилова. О работе исторического факультета Ленинградского педагогического института им. Герцена в дни Отечественной войны. № 10, стр. 106—107.

Закс А. В Государственном Историческом музее (выставка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции). № 1, стр. 105—107.

Инглези Р. и Б. Каменецкий. В государственной Публичной исторической библиотеке (выставка к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции). № 1, стр. 104—105.

Карпенко З. Из опыта собирания материалов по истории Великой отечественной войны. № 5—6, стр. 107—108.

Карпова А. О работе ГИМ. № 11—12, стр. 107.

Киссельгоф И. 60 лет со дня смерти Маркса (на заседании исторического факультета Вологодского педагогического института). № 7, стр. 107—108.

Климов Ан. В Тихоокеанском институте АН СССР. № 3—4, стр. 109.

Клочков М., проф. Архангельский педагогический институт. № 10, стр. 108—109.

Кремортат Б. В Институте истории АН СССР. № 5—6, стр. 106—107.

Кремортат Б. От лубка к печатной картине (выставка в Московском товариществе художников). № 1, стр. 107.

Кудрявцев Ф. Историко-филологический факультет Восточносибирского (Иркутского) государственного университета им. А. А. Жданова в 1941—1942 гг. № 3—4, стр. 106—107.

Кудрявцев Ф. Научная сессия Иркутского университета. № 8—9, стр. 108.

Люблинская А. К 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона (выставка). № 3—4, стр. 108.

Манфред А. Исторический факультет Московского областного педагогического института в дни Великой отечественной войны. № 5—6, стр. 110.

Милонов Н. Исследование памятников материальной культуры кафедрой истории Рязанского государственного педагогического института. № 10, стр. 104—105.

Милонов Н. Работа исторического фа-

культета Рязанского государственного педагогического института. № 2, стр. 107—108.

Модзалевский Л., проф. Воронежский государственный университет. № 11—12, стр. 106—107.

Мордвишин И., доц. Работа кафедры истории СССР Ивановского государственного педагогического института в дни Великой отечественной войны. № 8—9, стр. 109.

Окладников А. Археологические исследования на Нижней Лене в 1942 году. № 7, стр. 103—104.

Полянский Ф. Уральский педагогический институт. Работа кафедры истории. № 7, стр. 108.

Попов М., доц. Работа исторического факультета Казахского педагогического и учительского института имени Абая в Алма-Ата. № 7, стр. 106—107.

С. Б. Кафедра истории Самаркандского педагогического института за два года Отечественной войны. № 10, стр. 110.

Сугоцкий С. Работа филиалов Института Маркса—Энгельса—Ленина в дни Великой отечественной войны. № 11—12, стр. 105—106.

Сказкин С., проф. Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде. № 2, стр. 106—107.

Тавадзе И. Тбилисский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). (10 лет со дня организации). № 5—6, стр. 104—106.

Тарасов А. О ходе работы по составлению гражданской истории Татарской АССР. № 5—6, стр. 110—111.

Тифлисова А. и Рубинштейн Е. В Институте истории АН СССР. № 1, стр. 108—109.

Цетляк Л. Институт истории на выставке гуманитарных институтов Академии наук СССР в Ташкенте. № 2, стр. 108—111.

Штейнберг Е., проф. Историческая наука в Туркменской ССР в дни Великой отечественной войны. № 7, стр. 105—106.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

№ 1, стр. 110—111; № 2, стр. 111; № 3—4, стр. 109—110; № 7, стр. 109—111; № 8—9, стр. 110; № 10, стр. 111.

Д. М. Петрушевский. № 3—4, стр. 111.

Памяти тов. Е. М. Ярославского
№ 11—12, стр. 15—17.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,

Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Мияц,
А. М. Панкратова,
С. И. Голвер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Д 3-31-04, Д 3-36-50.

А 3844 Изд. № 866. Зак. 2960.

Тираж 20.000

Подписано к печати 23/XII 1943 г.

68.000 тип. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

CONTENTS:

XXVI ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION. Speech delivered by J. V. Stalin, Chairman of the State Committee of Defence, at the Joint Meeting of the Moscow Soviet of Working People's Deputies and Representatives of the Moscow Party and Public Organizations to Celebrate the Twenty-sixth Anniversary of the Great October Socialist Revolution, November 6, 1943. — ORDER OF THE DAY OF THE SUPREME COMMANDER-IN-CHIEF, No. 309, November 7, 1943. Comrade r.m. Jaroslavsky — In Memoriam.

ARTICLES: Semichayevsky D. Two Years of the Soviet Guards. Lurye A. Chokan Valikhanov, the First Kazakh Scientist and Enlightener. Steinberg E., Prof. S. R. Vorontsov and Anglo-Russian Relations at the End of the Eighteenth and Beginning of the Nineteenth Centuries. Vipper R., Acad. — The Livonian Barons as Theoreticians of Serfdom. Rothstein F., Acad. On the Problem of the Origin of the Franko-Prussian War. STATEMENTS: Grekov B., Acad. The First Research into the History of Russia. Udaltsov A., Corresponding Member of the Academy of Sciences of the U.S.S.R. The First Period of Eastern Slavic Ethno-Genesis. Ribakov B., Prof. The Early Culture of the Eastern Slavs. Bonch-Bruyevich V. Extracts from the Unpublished Correspondence of Peter I with the Danish King Frederick IV. DOCUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. REVIEW AND BIBLIOGRAPHY. CURRENT EVENTS. ALPHABETIC INDEX OF ARTICLES FOR 1943.

SOMMAIRE:

LE XXVI ANNIVERSAIRE DE LA GRANDE RÉVOLUTION SOCIALISTE D'OCTOBRE. Rapport présenté par J. V. Staline, président du Comité d'Etat pour la Défense, à la séance solennelle du Soviet des députés des travailleurs de Moscou, élargie aux organisations sociales et du Parti de cette ville, 6 novembre 1943. ORDRE DU JOUR DU COMMANDANT EN CHEF, n° 309, 7 novembre 1943. A la mémoire du camarade r.m. Jaroslavski.

ARTICLES: Semitchaévski D. Deux années d'existence de la Garde soviétique. Lourié A. Tchokan Valikhanov, le premier savant kazakh. Steinberg E., prof.— S.R. Vorontsov et les rapports anglo-russes à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècles. Vipper R., acad.— Les barons de Livonie dans le rôle de théoriciens du servage. Rotstein F., acad.— Des origines de la guerre franco-prussienne. COMMUNICATIONS: Grékov B., acad.— Le premier ouvrage d'histoire de Russie. Oudaltsov A., membre-corresp. de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S. La période initiale de l'ethno-génèse des Slaves de l'Est. Rybakov B., prof.— La culture ancienne des Slaves de l'Est. Bontch-Brouévitch V. De la correspondance non publiée de Pierre Ier avec le roi de Danemark Frédéric IV. DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE NATIONALE. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE. INDEXE ALPHABÉTIQUE DES ARTICLES EN 1943.

INHALT:

DER XXVI JAHRESTAG DER GROSSEN SOZIALISTISCHEN OKTOBER-REVOLUTION. Rede des Vorsitzenden des Staatlichen Verteidigungskomitees, Genossen J. W. Stalin, auf der feierlichen Sitzung des Moskauer Sowjets der Deputierten der Werktätigen gemeinsam mit den Partei- und gesellschaftlichen Organisationen Moskaus am 6. November 1943. Befehl des Obersten Befehlshabers, Nr. 309 vom 7. November 1943. Zum Gedenken an Genossen r.m. Jaroslavski.

ARTIKEL: Semitschajewski D. Zwei Jahre Sowjetgarde. Lurje A. Tschokan Walichanow — erster kasachischer Gelehrter und Aufklärer. Steinberg E., Prof. S. R. Woronzow und die englisch-russischen Beziehungen um die Wende des 18. und 19. Jahrhunderts. Wipper R., Mitgl. d. Akademie. Die livländischen Barone als Theoretiker der Leibeigenschaft. Rotstein F., Mitgl. d. Akademie. Zur Frage des Ursprungs des deutsch-französischen Krieges. MITTEILUNGEN: Grekow B., Mitgl. d. Akademie. Die erste Arbeit über die Geschichte Rußlands. Udaltzow A. Korresp. Mitgl. d. Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Die Anfangsperiode der Ethnogenese der Ostslawen. Rybakow B., Prof. Die Frühkultur der Ostslawen. Bontsch-Brujewitsch W. Aus unveröffentlichtem Briefwechsel Peters I. mit dem dänischen König Frederik IV. DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK. ALPHABETISCHES INHALTSVERZEICHNIS 1943.

Цена 6 руб.